

A vibrant cityscape at sunset. Tall skyscrapers with glass facades line a wide road. In the background, the N Seoul Tower is visible on a hill. The sky is filled with large, colorful clouds in shades of orange, pink, and blue. The overall scene is bright and modern.

Не твоя роль

ХЕЛГА ХОББ



홍산역
Yongsan

Хельга Хобб

Не твоя роль

<https://litres.ru/73939031>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нина познакомилась с Эриком в самый обычный день, и их правила были просты: секс без обязательств, никаких громких слов и обещаний. Но однажды работа заводит её в Сеул, прямо на территорию Эрика.

У неё есть свои мотивы оказаться там, а у него - свои причины скрывать её от чужих глаз. Их хрупкий остров спокойствия сталкивается с суровой реальностью, заставляя обоих открыться с совершенно неожиданных сторон.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	60
Глава 7	79
Глава 8	83
Глава 9	92
Глава 10	103
Глава 11	108
Глава 12	117
Глава 13	129
Глава 14	137
Глава 15	153
Глава 16	167
Глава 17	174
Глава 18	182
Глава 19	191
Глава 20	200
Глава 21	210
Глава 22	217
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Хельга Хобб

Не твоя роль

Глава 1

Знаете, как обычно говорят: он появился в самый трудный момент моей жизни и... Но нет. Эрик не появился как знамение. У меня был совершенно обычный период. Я шлифовала тексты, снимала квартиру на острове Рузвельта, откуда каждое утро уезжала на Манхэттен в кабине фуникулера, зависая над Ист-Ривер. Я пила правильный кофе, иногда — неправильный мартини с подругами. Я просто жила свою молодость.

Мой почтовый ящик пополняется заказами на переводы постоянно. Учить язык я нала еще в школе, тогда он стал для меня целью.

После школы я поступила в Колумбийский, академичный, строгий и консервативный, как раз самое место, чтобы бунтовать получая фундаментальное образование. Я хотела хвататься этим дипломом. Хотела доказать своей подростковой любви, что достойна. После учебы мне казалось, что мир у моих ног. Меня рекомендовали как хорошего переводчика с правильным знанием языка и тонкостей культуры. Заказы шли, переводы на книги, статьи, субтитры для фильмов и

самое сложно деловые переговоры, но они хорошо оплачиваются и я смогла снять хорошую квартиру на острове Рузвельта. Мне нравится это спокойствие и тишина в пяти минутах от безумного Манхэттена. Каждый раз любуясь закатным блеском на Крайслер-билдинг из своего окна я думаю о том, что слова - это мой мост в небо.

Последний год был очень напряженным. Очень много книг, очень много живых переводов. Пару раз я даже летала для этого в Южную Корею. И на несколько конференций в Европу. И кажется совсем не прогадала с выбором образования и работы.

В пятницу мы собрались отметить день рождения Эстер. Моей подруги со времен Университета. Это было на междисциплинарном курсе «Культура Восточной Азии в мировом искусстве». Я пришла за знаниями о языке и контексте, а Эстер - чтобы изучить корейский фарфор и современное искусство. Она была модной, а я за словом в карман не лезла. На том мы и сошлись. После выпуска Эстер стала работать арт-консультантом в частной галерее в Челси. Она же очень повлияла на мой стиль. Хотя сам она любит говорить так: «Тебе просто нужно было показать направление, ты и сама знаешь что делать». Ну понимаете? Как в нее можно не влюбиться.

Эстер ходячая книга знакомств и связей. Поэтому ее день рождения, 25 день рождения, мы отправились праздновать в «Marquee». Любимое место «золотого» списка. Здесь и на-

чалась история, которая может произойти с каждой.

Я запомнила ночь нашего знакомства только потому, что это был день рождения Эстер. Внутри было настолько тесно от амбиций и парфюма, что воздух казался густым. В тот момент, когда мне позвонил мистер Пак, один очень настойчивый агент из Сеула, я была готова благодарить богов за повод сбежать из эпицентра басов.

На улице было прохладно. Нью-Йорк не бывает тихим, он просто меняет тональность с крика на хриплый шепот.

— Алло! Мистер Пак, — я прижала трубку к уху, стараюсь, чтобы мой голос не выдал два бокала шампанского, выпитых на голодный желудок. — Какая неожиданность. Что случилось?

Надо отдать ему должное: он привык работать с американцами. Иначе мой тон — смесь усталости и фамильярности — стоил бы мне контракта. А я не хотела терять корейские контракты. Ведь они - это маленькие шаги к моей мечте юности.

— Госпожа Нина! Добрый вечер... — он замолчал, явно сверяясь с часовым поясом. — Ох, ночь! У вас же глубокая ночь!

— Вы очень проницательны, мистер Пак.

Я ждала, пока он перейдет к делу, рассматривая свои туфли. В этот момент дверь клуба открылась, и на тротуар вышел мужчина. Белая рубашка, засученные рукава, взгляд человека, которому тоже осточертел этот шум. Он достал

пачку сигарет. Интересно, у меня в трубке на том конце висит Мистре Пак, а незнакомца, бьюсь об заклад зовут мистер Ли.

— Госпожа Варт, у нас новый проект. Большая книга. Вы себя зарекомендовали как очень тонкого стилиста. Перевод не горит, но объем...

Пока Пак расписывал детали, я, повинувшись внезапному импульсу, подошла к незнакомцу. Просто протянула два пальца, имитируя жест курения. Он молча достал сигарету, протянул мне и щелкнул дорогой зажигалкой. В трубке повисла тишина.

— Алло? — выдохнула я вместе с дымом.

— Вы... курите? — голос Пака звучал так, будто я только что призналась в краже национального достояния Кореи.

— Это проблема? — я приподняла бровь, глядя в глаза мужчине с зажигалкой. Тот едва заметно усмехнулся.

— Нет! — на той стороне я услышала ответный лязг зажигалки и глубокий вздох. Ох уж эти нормы корейской этики. — Вовсе нет. Я просто... тоже закурил. Ну так что, вы возьметесь?

— Пришлите детали на почту. Если это научный трактат по экономике — я сразу пас.

Я отошла на пару шагов от незнакомца, чувствуя на себе его взгляд.

— Нет, это художественная проза. Основано на реальных событиях. Оплата по высшей ставке, — заверил Пак.

— Жду письмо. Доброй ночи, мистер Пак.

Я нажала отбой. Сумасшедший ритм. Сколько времени сейчас в Сеуле? Утро?

Мой «сообщник» по перекуру продолжал изучать меня в упор. Свет уличного фонаря падал на его руки: предплечья были плотно забиты татуировками — сложный геометрический узор, уходящий под манжеты.

— Эрик, — представился он. Голос у него был под стать этой ночи — низкий и с легкой хрипотцой.

— Нина.

— И господин Пак, — добавил он, кивнув на мой телефон.

— Я переводчик. Издержки профессии.

— Слишком много информации для одного перекура, — Эрик затянулся, и в уголках его глаз появились мелкие морщинки — он смеялся.

— И то верно. Спасибо за сигарету.

Я затушила окурок о край урны. Секс и флирт сегодня в мои планы не входили. Я развернулась и исчезла за тяжелой дверью клуба, оставив незнакомца в облаке дыма и нью-йоркского шума.

Тогда я еще не знала, что этот человек с геометрическими татуировками — единственный, чьи слова я не смогу перевести правильно. Потому что у него не было подстрочника. Только чистая, пугающая прямота, которая спустя полгода разрушит мой привычный мир.

На полпути к подругам я замерла. Музыка долбила в спину, а перед глазами все еще стоял разворот его плеч. «Нина, не будь дурой. Иди и возьми его номер. В конце концов, иметь вариант — еще никому не мешало», — прошептал внутренний голос, который обычно просыпался после второго бокала.

Повинуясь этому импульсу, я развернулась на каблуках и, толкнув тяжелую дверь, снова вылетела в прохладный воздух Манхэттена. Эрик уже направлялся к черному внедорожнику, припаркованному у тротуара. Дверь перед ним предупредительно держал водитель в темном костюме.

Боже, это выглядело слишком по-сериальному. Словно я в драме. На секунду мне захотелось трусливо юркнуть обратно в темноту клуба, но ноги уже несли меня вперед.

— Эй!

Что? Я только что крикнула ему «эй»? Серьезно?

Эрик остановился и медленно обернулся. На его лице промелькнула улыбка — нет, не насмешка, скорее легкое, почти снисхождение.

— Еще одну? — он вопросительно приподнял пачку сигарет.

— Нет. Дай телефон, — я уверенно протянула руку, стараясь, чтобы пальцы не дрожали.

Самое интересное, что он не задал ни одного вопроса. Без малейшего колебания он достал смартфон и вложил его в мою ладонь. Экран был на корейском, пальцы действовали

интуитивно. Я быстро вбила свой номер, пометив себя максимально нагло:

«*Нина. Трудности перевода*». Сделала дозвон на свой и вернув ему телефон, развернулась и, не дожидаясь ответа, почти бегом скрылась за дверями клуба. Я не оглядывалась. Я не знала, что он смотрит мне в след. Я не знала, позвонит он или нет, но «бабочки» в животе не покидали меня весь оставшийся вечер.

Глава 2

Через пару дней после той безумной ночи у клуба мой телефон, сиротливо лежавший на краю рабочего стола среди стопок раскрытых словарей, вибрирующе ожил.

На экране высветилось лаконичное, сухое: «Кофе?».

Отправитель: Мистер Ли (не Ли).

Я смотрела на этот короткий вопрос ровно три минуты, подперев подбородок ладонью. В нем не было дежурных американских заигрываний, глупых смайликов или светской шелухи — только прямое, почти деловое предложение.

В Нью-Йорке приглашение на кофе — это всегда либо начало крупной сделки, либо начало красивого, но неизбежного конца.

Я мысленно взвесила оба варианта, внутренне усмехнулась своей безрассудности и согласилась.

Пятизвездочный отель The Lowell на Верхнем Ист-Сайде встретил меня сдержанным, едва заметным кивком швейцара в безупречной ливрее и тяжелым, обволакивающим запахом дорогого табака, смешанного с тончайшим ароматом свежих белых лилий. Я поднялась по лестнице на второй этаж, чувствуя, как подошвы моих кед буквально тонут в глубоком, бесшумном ворсе ковров.

В знаменитом чайном салоне The Pembroke Room не су-

ществовало суеты. Здесь нью-йоркское время текло совершенно иначе — медленно, тягуче, как густая янтарная патока, под приглушенный аккомпанемент едва слышного звона старинного фарфора и негромких, монотонных разговоров респектабельных мужчин о котировках акций, индексах и антиквариате.

Эрик — мой «не-Мистер-Ли» — выбрал самый уединенный столик в углу, у огромного окна с видом на утопающую в мягком свете 63-ю улицу. Он сидел идеально прямо, расслабленно, но собранно, просматривая какие-то графики на планшете. На нем был темно-синий пиджак из шерсти такого безупречного качества и тонкой выделки, что при каждом движении ткань отливала благородным шелковым блеском. Никакого галстука, верхняя пуговица белоснежной рубашки небрежно расстегнута. Это был тщательно выверенный образ человека, который настолько уверен в собственной абсолютной власти и статусе, что может позволить себе роскошь легкой небрежности.

В своих поношенных белых конверсах, узких темных джинсах и простом шерстяном полупальто я выбивалась из этой консервативной, роскошной картины, как жирная чернильная клякса на чертеже дорогого архитектора. Но это не могло заставить меня спасовать или смутиться. Бывали мы в таких местах, плавали, знаем, как держать лицо под прицелом оценивающих взглядов.

— Ты выбрал самое тихое место в Нью-Йорке, — сказа-

ла я вместо приветствия, уверенно садясь в глубокое кресло напротив него.

«Человек-уверенность» плавно отложил планшет в сторону и поднял на меня взгляд. Его темные глаза были холодными, пронизательными и пугающе глубокими. В ту же секунду у меня в животе заплясали те самые ядовитые, щеко-чущие бабочки, которые обычно предвещают скорую, разрушительную бурю.

— Здесь невозможно подслушать чужие секреты, Нина. Но здесь очень удобно рассказывать свои, — он едва заметно улыбнулся уголками губ, и эта мимолетная улыбка показалась мне опаснее любого хмурого взгляда.

— О, я и не знала, что у нас на повестке дня вечер откровений, а то обязательно бы прихватила парочку тайных грехов с собой, — я парировала удар, откинувшись на спинку кресла. — Может, просто начнем с малого? С американо, например.

В этот момент к нашему столу бесшумно, словно призрак, подошел пожилой официант в накрахмаленной рубашке и белоснежных перчатках. Он смотрел на Эрика с той глубокой степенью искреннего почтения, которая на Манхэттене покупается лишь десятилетиями безупречного сервиса и неприлично щедрыми чаевыми.

— Ваш американо и десерты, мистер Мун. Желаете что-нибудь еще? — голос официанта был едва громче шороха книжных страниц.

Так я впервые узнала его настоящую фамилию. Мун. Коротко, как удар хлыста. Остро. Идеально подходяще к его жесткому профилю. Он не стал представляться официально, не выкладывал на стол визитки — он просто позволил миру вокруг него выдать эту информацию. Мун.

— Ну, раз уж нужно чем-то поделиться, а номер свой я уже нагло оставила в твоём телефоне, то вот мой главный секрет, — я заговорщицки подалась вперед, почти касаясь краем фарфоровой чашки его личного пространства, и шепотом указала на принесенные тарелки с пирожными. — Помимо маниакальной любви к корейскому языку и желания наряжаться, я обожаю обжигающе черный кофе и очень, очень вредные углеводные десерты.

Эрик негромко, хрипло засмеялся. Это был не вежливый, дежурный смех бизнесмена на рауте, а короткий, искренний и очень плотский звук. Он тоже подался вперед, опираясь локтями о стол и сокращая дистанцию между нашими лицами до опасного, интимного минимума.

— Какие именно корейские языки тебе так сильно нравятся, Нина? — произнес он, делая акцент на слове «языки» и глядя мне прямо в губы.

Я едва не поперхнулась обжигающим кофе. Это был тонкий, прямой, филигранный флирт, острый как хирургическое лезвие. Чувствуя, как лицо стремительно заливает жаркая краска, я продолжала смотреть на него, а он откровенно наслаждался моей минутной слабостью, ловя каждое изме-

нение моего дыхания. В ту самую секунду на Верхнем Ист-Сайде я отчетливо поняла: этот мужчина не просто берет то, что хочет. Он обладает редким, пугающим даром заставлять тебя саму безумно хотеть всё ему отдать.

После кофе мы разошлись в разные стороны, растворившись в нью-йоркской толпе. Но внутри меня бабочки уже всюю расправляли свои крылья, требуя продолжения этой опасной игры.

На следующий день Эстер ворвалась в мою маленькую квартиру на острове Рузвельта ровно в восемь часов утра, нарушая все мыслимые границы.

— Я хочу знать подробности! Все! Живо вставай! — ее звонкий голос ворвался в комнату вместе с шумом открывающихся штор.

Я с трудом оторвала голову от подушки, проклиная тот день, когда по доброте душевной дала ей дубликат ключей.

— Я уснула всего пару часов назад, Эстер — мой голос звучал так, будто я только что выбралась из глухого удушливого подземелья. — Я переводила до шести утра. У меня глаза в кучу.

— Одевайся. Пойдем пить кофе. И подробности. Подробности в студию! Через пятнадцать минут, наспех натянув свитер, шарф и угги, мы вывалились на прохладную улицу. Остров Рузвельта в этот ранний час напоминал идеальные декорации к уютному инди-фильму: густой, молочный ту-

ман лениво полз над серой гладью Ист-Ривер, в небе кричали чайки, а с моста Куинсборо доносился далекий, убаюкивающий гул просыпающихся машин.

Мы зашли в наш привычный, пропахший корицей «Старбакс». Ребята за стойкой, знавшие нас наизусть, начали собирать наш заказ, стоило нам только переступить порог и звякнуть дверным колокольчиком. Взяв большие стаканы и бумажный пакет с пончиками, мы уселись в глубокие, потрепанные кресла у огромного окна.

— Ну? Кто он? Что он? Выглядит как бог? — Эстер буквально вибрировала от любопытства, едва не проливая свой латте.

— Он просто очень... сексуальный мужчина, — ответила я, глядя на свое бледное отражение в витрине и вспоминая его тяжелый взгляд.

— Для человека, который профессионально занимается текстами и смыслами, ты сегодня удивительно косноязычна и бедна на эпитеты, Нина.

Я коротко засмеялась, едва не подавившись сладким пончиком.

— Ладно, сдаюсь. Его зовут Эрик Мун. И он точно не из местных, это считывается мгновенно. Он совсем не похож на расслабленных «американских корейцев» из Квинса. В нем есть эта... особенная полуостровная жесткость, опасная порода, которую они там на востоке умеют очень изящно прикрывать дорогим западным лоском. Сказал, что прилетает в

Нью-Йорк исключительно по делам бизнеса.

— Мун? — Эстер замерла, хищно прищурив глаза. Как арт-консультант, она знала многие крупные азиатские фамилии, покупающие искусство на аукционах. — Негусто. Хочешь, я поспрашиваю у наших ребят из юридического отдела галереи? Они вечно копают под корейские фонды.

— Нет! — я отрезала это так быстро и жестко, что сама удивилась своей реакции. — Не надо ничего копать, Эстер. Это просто ни к чему не обязывающий флирт. Кофе в Нью-Йорке вообще ничего не значит, ты же знаешь. Мы просто насладились красивым моментом «здесь и сейчас».

Мы обе уткнулись взглядами в панорамное окно, каждая погрузившись в свои мысли. Серые воды реки текли мимо, унося обрывки тумана.

— Любые расспросы всегда, так или иначе, доходят до ушей того, о ком спрашивают. Оно того не стоит, — я мягко улыбнулась подруге, закрывая тему.

Мы плавно перешли на обсуждение нового нелепого бойфренда Миа, старшей сестры Эстер — какого-то бедолаги Филиппа, который из кожи вон лез и брал кредиты, чтобы просто соответствовать уровню их обеспеченной семьи. Мы перемывали ему косточки, искренне смеялись, но где-то глубоко внутри меня, на самой грани сознания, продолжал вибрировать низкий, хриловатый голос Эрика, вкрадчиво спрашивающий меня про «корейские языки».

Спустя еще пару дней мой «не Мистер Ли» лаконично

предложил ужин. Это был скрытый от посторонних глаз, крошечный суши-бар в промышленных переулках Трайбеки — из тех закрытых мест, где напрочь отсутствуют вывески, а на входе суровому хостес нужно назвать имя, которое знает лишь очень ограниченный, элитарный круг людей. Внутри царил глубокий приглушенный свет, абсолютный японский минимализм в темном дереве интерьера и резкий запах свежего корня имбиря, смешанный с тонким ароматом горячего элитного саке. Осязаемое, электрическое напряжение между нами росло с каждым синхронным движением бамбуковых палочек. Мы весь вечер нарочито говорили о полных пустяках — о разнице между наглыми сеульскими и безумными нью-йоркскими таксистами, о старом виниловом джазе, о происхождении его татуировок. Но на самом деле, через эти пустые слова, мы оба говорили лишь об одном — о том, что неизбежно произойдет между нами ровно через час.

А потом случилась наша первая ночь в его роскошном пентхаусе.

Если Нью-Йорк — это яростные, ревущие бетонные джунгли, то огромная двухэтажная квартира Эрика была смотровой площадкой бога, парящего высоко над ними. Колоссальные стеклянные окна от пола до потолка превращали ночные огни мегаполиса в миллиарды рассыпанных по черному дороговому бархату бриллиантов. Я вошла в эту звенящую пустоту и замерла у самого края, физически чувствуя его тяжелый, раздевающий взгляд, медленно скользящий по

моей спине.

На мне в тот вечер было строгое, но сводящее с ума черное бархатное платье-миди. Эта ткань, глубокая, плотная и словно поглощающая весь свет в комнате, казалась лишь временным, хрупким барьером перед его внутренним жаром. Высокий воротник-стойка полностью, до самого подбородка, скрывал мою шею, но именно эта глухая закрытость парадоксальным образом сильнее всего подчеркивала изящную линию моих плеч. Длинные узкие рукава с пышными манжетами, строгая плиссированная юбка, которая мягко, шелковисто колыхалась при каждом моем шаге, на долю секунды открывая плотные черные колготки. В этом образе я чувствовала себя редкой, безумно дорогой драгоценностью в глухом темном футляре, который он вознамерился открыть прямо сейчас. На своих условиях.

Эрик бесшумно подошел сзади и помог мне снять тяжелое пальто. Его горячие пальцы всего на секунду дольше положенного задержались на моих ключицах, но этого мимолетного импульса хватило, чтобы по телу прошла крупная дрожь.

Он не задал ни одного вопроса. Ему не нужны были глупые устные разрешения. Без малейшего колебания он жестко притянул меня к себе за талию, сминая бархат платья. Мои ладони сами легли ему на широкие предплечья. Я чувствовала под пальцами небрежно засученные рукава его плотной рубашки, дорогую текстуру ткани и прямо под ней —

рельефные, резанные геометрические узоры его татуировок. Это был мой личный, сводящий с ума фетиш.

Мы не произнесли ни слова. Наш секс в ту ночь не имел ничего общего с кинематографичной нежностью или романтикой. Это был чистый, первобытный голод. Настоящая стычка двух сильных людей, которым в постели наконец-то не нужно притворяться и держать марку перед обществом. Да, согласна, звучит как банальная сцена из дешевого любовного романа, я и сама раньше считала подобные описания слащавой чушью для дурочек. Но в ту ночь, на огромной кровати над бездной Манхэттена, я лично убедилась: если мужчина так чертовски, до умопомрачения хорош в этом деле, как Эрик, то все избитые слова про «страсть», «животный магнетизм» и «безумие» мгновенно обретают свой истинный, пугающий смысл.

Он был абсолютным мастером контроля. Он безупречно знал, где именно нужно нажать, как удержать, как замедлить темп и как в один миг довести до того самого критического края, где в разорванной голове не остается ни одной мысли — ни на английском, ни на корейском. Внутри звенел только чистый, глухой звук колоссального удовольствия, полностью перекрывающий монотонный шум огромного города за стеклом.

Мы могли часами сидеть прямо на полу в его роскошной гостиной после ужина. Я — в его огромной белой рубашке на голое тело, пахнущей его телом, он — в одних свобод-

ных спортивных штанах, устало откинув голову на кожаное основание дивана и закрыв глаза. Тишина между нами в такие моменты была плотной, осязаемой, но удивительно комфортной.

Наши сумасшедшие рабочие графики пересекались в Нью-Йорке короткими, ослепительными вспышками. Иногда мы встречались в его стерильном, глянцево-пентхаусе, а иногда, совершенно не предупреждая, он сам посреди ночи приезжал ко мне на остров Рузвельта.

Моя маленькая, забитая книгами уютная квартира была для него совершенно другим, почти фантастическим миром. Он заходил в прихожую, мгновенно заполняя собой и своей тяжелой энергетикой всё скромное пространство, и неизменно оставлял после себя очередную бутылку дорогого односолодового виски на моем простеньком кухонном столе из Икеи. Эта бутылка смотрелась там так же дико и неуместно, как сам Эрик Мун среди моих глиняных горшков с фиалками и бесконечных стопок лингвистической литературы. Каждый раз, возвращаясь домой и замечая эту бутылку, я невольно улыбалась. Это был его личный, животный способ незаметно пометить территорию. Фирменный знак: «Я хозяин здесь, даже когда меня физически нет рядом».

Я знала его имя. Я знала рельеф его тела гораздо лучше, чем тексты своих самых удачных переводов. Но я абсолютно ничего не знала о том, кто и какая колоссальная империя стоит за его спиной. Я принципиально не гуглила его фами-

лию в интернете — и делала это вовсе не из-за равнодушия, а из какой-то осознанной, чистой жадности. Мне было более чем достаточно того Эрика, который наизусть помнил, что я пью исключительно экстра-крепкий американо без единой ложки сахара, и который лучше всех в мире знал, как заставить меня напрочь позабыть мое собственное имя.

Это был чистый жар, густой пар и полная, абсолютная потеря реальности. А после — ленивое утро в смятых, влажных простынях, когда яркий солнечный свет безжалостно заливает комнату, а мы просто лежим, намертво переплетаясь ногами, до последнего не желая возвращаться в скучный реальный мир.

Мы никогда не отмечали вместе праздники. Не прогуливались под ручку по аллеям Центрального парка, глупо держась за пальцы, как влюбленные подростки. Мы принципиально не строили совместных планов на февральский отпуск. Пару раз мы случайно сталкивались в элитных, людных ресторанах Манхэттена во время важных деловых обедов — он сидел в окружении Американских партнеров в строгих костюмах, я — со своими клиентами-издателями или семьей Эстер. В такие моменты мы лишь обменивались мимолетными, ледяными формальными кивками, словно едва знакомые люди, а уже через два часа встречались в моей тесной квартире, чтобы с хриплым рыком срывать друг с друга одежду прямо в коридоре.

Или те редкие, пронзительные моменты на пожарной

лестнице закрытого клуба «Вее», прямо перед его частыми отъездами из Нью-Йорка в Сеул. Мы молча курили одну сигарету на двоих, передавая ее из рук в руки, перед тем как снова надолго разойтись по своим разным, непересекающимся жизням. Сизый дым, приглушенный неоновый свет и его тяжелая, горячая ладонь, которая абсолютно собственнически лежала на моем колене.

Это были максимально странные, непривычные для меня отношения, в которых не было места банальной романтике, но боже, насколько же они были комфортными! Знаете, как это бывает: ты общаешься с человеком на пике страсти, но намеренно, осознанно не спрашиваешь о названии его финансового холдинга, стоимости акций или количестве братьев и сестер. Зато ты наизусть знаешь, какой именно марки виски он пьет, когда у него сдают нервы, в какой день он набил свою первую геометрическую татуировку (это был его жесткий, личный акт протеста против консервативной семьи чеболей) и почему он так пугающе идеально, без малейшего акцента говорит по-английски.

Эрик вписался в мою нью-йоркскую жизнь просто безупречно. Он стал моим тайным, самым сильным допингом. Допингом без глупых клятв, обязательств и бытовых сцен, но на все сто процентов закрывающим все мои внутренние потребности.

Полгода чистой, умопомрачительной страсти. Полгода абсолютного, безопасного комфорта в режиме «здесь и сейчас»

пока я просто, затаив дыхание, ждала очередного короткого звука уведомления на своем телефоне. Потому что я точно знала: когда этот звук придет, весь этот огромный, безумный Нью-Йорк снова будет принадлежать только нам двоим.

Я плыла по течению этой страсти, полностью ослепленная своими розовыми очками, и упрямо игнорировала очевидное. Я была так глупа. Пока я упивалась своим мнимым контролем над ситуацией и наслаждалась первоклассным сексом, Эрик Мун сидел рядом и молча наблюдал за мной из-за стекла своего стакана с виски. И в его холодном, расчетливом уме психопата уже тогда, полгода назад, шелкали невидимые шестеренки. Он не просто проводил со мной время. Он дрессировал меня, приучал к своим рукам, своей энергетике и своему запаху. Он прекрасно понимал, что очень скоро эти нью-йоркские каникулы закончатся. Игра неизбежно переместится на его территорию — в Сеул. И там, на его личном поле, эта наивная иностранка, сама того не ведая, окажется под его стопроцентной, карающей и абсолютной рукой.

Ему просто нужно подождать.

Глава 3

Иногда после самого яростного, поглощающего без остатка секса наступала стадия, которую я мысленно называла «выходом в открытый космос». В такие минуты мы не шли смывать друг с друга следы страсти и совершенно не спешили одеваться. Мы просто сползли на холодный паркет пентхауса прямо там, где нас настигло последнее изнуряющее желание — у самого края огромного панорамного окна, на сорочковом этаже над засыпающим Манхэттенем.

В эти мгновения тишина не была пустой. Она была густой, тягучей, как сахарный сироп, в котором застывали все звуки огромного города.

Я любила изучать его руки в такие минуты. У Эрика были руки человека, который по праву рождения привык отдавать приказы, ломающие чужие судьбы, но при этом странным образом знал истинную цену тяжелому ручному труду. Длинные, сильные пальцы, безупречная форма ногтей и эти чернильные, пугающие узоры на предплечьях. В полумраке квартиры его татуировки казались живыми, шевелящимися существами: они причудливо переплетались с венами, создавая сложную, зашифрованную карту, которую я так отчаянно и глупо пыталась расшифровать все эти месяцы.

Я медленно, едва касаясь, вела кончиком пальца по четкой темной линии на его запястье, прослеживая ровный, пу-

гающе спокойный пульс. Эрик не двигался. Он полулежал, прислонившись спиной к кожаному основанию дивана, и свободной рукой тянулся к тяжелому стакану с виски, стоявшему прямо на полу. Большой кусок льда негромко, сухо звякнул о хрусталь — и это был единственный звук в комнате, который не принадлежал Нью-Йорку.

Он сделал короткий глоток и, не глядя на меня, передал стакан. Это был наш странный, глубоко интимный ритуал, повторяющийся из раза в раз. Я лишь подносила хрусталь к лицу и глубоко вдыхала смесь этих запахов. Горький, тяжелый аромат шотландского торфа и дыма смешивался с его личным запахом — дорогим парфюмом со шлейфом сандала и чем-то неуловимо металлическим, холодным, словно запах оружейной стали. Я отдавала стакан обратно, и Эрик забирал его, его пальцы на секунду перехватывали мои.

Затем его ладонь перемещалась на мою голову. Он принялся перебирать мои волосы — медленно, гипнотически, прядь за прядью. Каждое движение его тяжелой ладони ложилось на мою кожу как клеймо, как знак собственности. Эрик никогда не говорил мне банальных слов вроде «ты моя», он вообще презирал дешевую вербалику. Но на этом холодном паркете, в удушливой тишине, его абсолютное право на меня казалось очевидным.

Это была моя самая большая, самая сокрушительная лингвистическая ошибка за всю профессиональную карьеру: я просто неправильно перевела его молчание. По своей на-

ивности я приняла эту тишину за мир, за безопасную гавань, а она была лишь короткой передышкой перед большой, разрушительной войной.

Нью-Йорк за окном пентхауса казался немым, бесконечно чужим фильмом.

Плотный апрельский дождь размывал огни желтых такси на Пятой авеню, превращая пульсирующий мегаполис в россыпь размытых золотистых пятен.

Апрель...

Я поймала себя на мысли, как стремительно пролетело время. Казалось, еще вчера, в промозглом октябре, мы пили наш первый кофе в The Lowell, и я куталась в свое шерстяное полупальто, спасаясь от пронзительного осеннего ветра Манхэттена.

Полгода.

Ровно шесть месяцев Эрик Мун прилетал и улетал, врываясь в мою жизнь электрическими вспышками чистой страсти. Полгода абсолютного, безопасного комфорта «здесь и сейчас». Я упивалась этими отношениями современной, свободной женщины, которая любит удовольствия, ценит жизнь и берет от нее всё, не требуя штампов и клятв. Я была уверена, что полностью контролирую ситуацию.

Но Эрик просто умел ждать. Он никогда не торопил события, не давил и не навязывал свои правила здесь, в Америке. Он выжидал, пока судьба сама сделает за него первый ход. И в этот апрельский вечер всё сложилось просто феноменаль-

но удачно для него. Фигуры на доске пришли в движение без его прямого вмешательства.

Внутри меня всё пело от новости, которую я бережно, как драгоценность, хранила весь этот вечер. Мой внутренний ребенок буквально прыгал от восторга, игнорируя реальность, здравый смысл и любые предупреждающие знаки. Я смотрела на свою жизнь через толстые, абсолютно розовые очки. Наконец-то! Мечта, к которой я шла столько лет, карабкаясь через безразличие Нью-Йорка, обретала плоть.

Но в моем уравнении была одна скрытая переменная. Тайный грех и глубокий мотив, о котором Эрик Мун, при всей своей пугающей пронизательности, не имел ни малейшего понятия. Учитель корейского — мистер Ким. Человеку с мягким голосом, который когда-то открыл для меня этот мир. Я до сих пор помнила угловатый, непривычный хангыль, который он выводил мелом на старой доске в душном классе Нью-Джерси, и те романтические, наивные грезы, которые тогда родились в голове пятнадцатилетней девочки. Я бредила Сеулом из-за него. Я мечтала о соленом ночном бризе Пусана, о жизни, в которой я наконец-то стану главной героиней своей собственной восточной сказки. И сейчас эта сказка ждала меня.

Эрик медленно поднялся с пола. Его атлетичный, безупречно сложенный силуэт четко обрисовался на фоне огромного панорамного окна, за которым умывался весенним дождем апрельский Манхэттен. Он небрежно, одним

движением натянул домашние штаны и неторопливо подошел к барной стойке. Снова звякнул лед, в хрусталь плеснула новая порция янтарной жидкости. Сухой щелчок дорогой зажигалки — и по комнате поплыл тонкий, сизый аромат сигаретного дыма.

Я приподнялась на локтях, перебираясь на кровать и чувствуя прохладу шелковых простыней обнаженной кожей. Время пришло.

— Эрик? — я подождала пару секунд, пока он обернется.

— М-м? — он сделал глубокий глоток, держа сигарету двумя пальцами.

Его взгляд со стороны казался абсолютно расслабленным, равнодушным, но мгновенно зафиксировал мой непривычно серьезный, торжествующий тон. Его внутренний радар сработал чисто.

— Я еду в Сеул, — выпалила я, не в силах сдержать улыбку. — Мне предложили контракт на полгода. Перевод крупной серии романов и полное сопровождение контрактов с медиа-холдингами. Всё официально.

Эрик медленно выпустил плотную струю дыма прямо в стекло окна, глядя на мое размытое отражение. Он не произнес ни звука, но в его голове в эту же секунду сработал мощный, ликующий щелчок. Партия перевернулась. Он дождался.

В Нью-Йорке Нина была свободной и далекой. Она была скрыта от посторонних глаз в стенах этого пентхауса. Но

там, в Сеуле... Всё смещалось на его поле. Прямо под его тяжелую, карающую руку. На его территории правила игры менялись безвозвратно. Она больше не будет анонимным переводчиком из Нью-Йорка. Там она станет деталью в его сложной, филигранно выстроенной политической машине, его секретным активом, которую нужно спрятать от чужих глаз. Мысленно он уже видел перед глазами карту района Мапхо. Он точно знал, какой этаж в его закрытом жилом комплексе пустует, какие люди будут обеспечивать там незаметный контроль, и какой цифровой код будет установлен на замке ее входной двери. Она думала, что летит к свободе, а на самом деле сама сокращала длину своего поводка.

— Это логично, — наконец произнес он своим низким, вибрирующим голосом, в котором не отразилось ни единой эмоции. — Когда вылет?

— Через две недели, — мой голос заметно дрогнул от подступающего предвкушения. — Понимаешь, Эрик, это ведь то, к чему я шла всё это время! Моя мечта. Я смогу жить и работать там.

Конечно, я не стала рассказывать ему про мистера Кима. Не стала говорить про свои девичьи грезы, и про то, что этот контракт для меня — не просто работа, а исполнение заветной, интимной мечты. Для меня это была чистая, незапятнанная сказка.

Для Эрика Муна — всего лишь удачное, технически безупречное стечение обстоятельств. Ловушка, в которую жерт-

ва заходила добровольно и с улыбкой на губах.

Он медленно отошел от окна, подошел к кровати и присел на самый край. Его вес заставил матрас прогнуться. Эрик протянул руку и мягко, почти невесомо коснулся пальцами моей щеки. В этом жесте со стороны можно было увидеть нежность, но за ней скрывался стальной, удушающий захват абсолютного собственника. Хищник забирал свое. Он больше её не отпустит.

— Тебе понадобятся хорошие апартаменты, — спокойно проговорил он, заглядывая мне в глаза. — В Каннаме. Я сегодня же распоряджусь, чтобы мои люди в Сеуле всё подготовили к твоему прилету. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

— Нет, Эрик, — я мягко, но уверенно перехватила его запястье и отстранилась. — Я хочу сделать это сама. Слышишь? Я еду туда как независимый специалист, как переводчик, а не как твоя содержанка. Я не хочу пользоваться твоими ресурсами. Я уже всю ищу варианты через корейские агентства недвижимости, хочу найти что-то уютное, маленькое. Свое.

Эрик не стал спорить. Его лицо оставалось маской ледяного спокойствия. Если натянуть поводок слишком резко и грубо, жертва испугается и сорвется в глухую оборону. А Мун Ён Кван умел ждать так, как не умел никто другой. Он едва заметно, призрачно улыбнулся — той самой улыбкой, которая в залах совещаний «Мун Групп» обычно означала

окончательный смертный приговор для конкурентов.

— Как скажешь, Нина. Твоя независимость — это именно то, что я в тебе ценю больше всего, — его голос звучал мягко, как бархат. — Просто будь осторожна с сеульскими риелторами.

Я облегченно выдохнула и снова опустилась на прохладные подушки, чувствуя себя абсолютной победительницей в этом маленьком споре. Мой личный триумф.

Эрик, плавно поднявшись, снова отошел к панорамному окну. Он взял телефон с журнального столика, экран на секунду осветил его жесткое лицо, и его пальцы быстро, беззвучно набрали короткое сообщение личному помощнику:

«Сеул. Через две недели. Подготовь "безопасный" закрытый вариант в моем личном доме на Мапхо. Проведи через подставное агентство. Сделай так, чтобы по цене и условиям она выбрала именно его. Ошибок быть не должно».

Он заблокировал телефон и сделал еще один медленный глоток виски, глядя на тонуший в апрельском дожде Нью-Йорк. Всё шло идеально. Машина была запущена. Эта яркая, уверенная в себе иностранка приедет в Сеул, до краев полная надежд на свою романтическую «сказку», и своими собственными ногами, добровольно зайдет в клетку, которую он для нее построил.

Она будет жить в здании, полностью принадлежащем его инвестиционному фонду. Она будет каждое утро заходить в лифт, камеры в котором контролирует его личная служба

безопасности. Она будет спать в постели, в которую он ее положит. И при этом ни одна живая душа в Южной Корее не узнает, что эта девушка, нет не слабость, она его антидот. Потому что у Мун Ён Квана нет слабых сторон. Ни одной осечки.

Я закрыла глаза, уже мысленно вдыхая соленый запах моря в Пусане, совершенно не подозревая, что в эту самую минуту Эрик уже примерил ключи к моей новой жизни и повернул замок.

Полгода нашего абсолютного, безопасного нью-йоркского комфорта заканчивались. Наступало время большой, смертельно опасной игры на его территории.

Глава 4

Аэропорт Кеннеди в шесть часов утра — это официальное, стерильное чистилище для тех, кто по какой-то причине решил сжечь старые мосты и начать свою жизнь с абсолютно чистого листа. В этот ранний час терминал был залит блеклым, неоновым светом, в котором лица сонных пассажиров казались сероватыми призраками. Пахло дешевым сетевым кофе, застоявшимся антисептиком и тем особенным, щемящим дорожным беспокойством, которое всегда витает в зонах международных вылетов.

Эстер и Хлоя стояли у границы зоны досмотра и выглядели так, будто провожали меня не в благополучную Южную Корею, а как минимум на Марс в один конец, без права на обратный билет. Эстер, верная своей привычке драматизировать любое жизненное событие, то и дело картинно вздыхала и аккуратно, подушечкой мизинца, вытирала дорогую тушь под глазами. Хлоя же, напротив, действовала молча — она мертвой хваткой сжимала мой локоть, словно искренне боялась, что если она отпустит меня хотя бы на секунду, я мгновенно растворюсь, исчезну в этой разношерстной толпе туристов и бизнесменов.

— Пообещай мне, Нина, — Эстер в очередной раз шмыгнула носом и потянулась вперед, чтобы поправить воротник моего кашемирового пальто, которое я предусмотрительно

надела в дорогу. — Никаких слезливых драм в стиле азиатских сериалов восьмидесятых. Если уж ты умудришься влюбиться в корейца на его исторической родине, пусть он будет из тех суровых парней, которые покупают крупные международные компании на завтрак и ворочают миллиардами, а не из тех, кто поет сопливые баллады под проливным дождем у твоего подъезда. И ради бога, Нина, пришли мне детальное фото его квартиры прежде, чем ты скажешь ему хотя бы одно легкомысленное «да».

Я искренне рассмеялась, на секунду вырываясь из удущающих тисков Хлои, и крепко обняла их обеих разом. От Эстер пахло ее любимым дерзким парфюмом от Tom Ford, от Хлои — мятной жвачкой. Мой родной, понятный, предсказуемый Нью-Йорк, который я прямо сейчас добровольно оставляла позади.

— Девочки, вы с ума сошли, — отстранившись, я покачала головой. — Я еду туда исключительно работать. Пахать по контракту. Мой единственный «принц» на ближайшие полгода — это тяжелые академические словари, бесконечные редактуры и правки чужих текстов до кровавых мальчиков в глазах. Мне точно будет не до романов.

— Ну-ну, свежо предание, — Хлоя хитро, по-лисьи прищурилась, скрестив руки на груди. — Мы, конечно, так ни разу лично и не увидели твоего загадочного Эрика. Ты прятала его как государственную тайну. Но давай смотреть правде в глаза: после этого мужчины твоя личная планка задрана

куда-то до небес, по крайней мере, в том, что касается постели и плотских удовольствий. Ты к хорошему быстро привыкла. Но Корея... Нина, это ведь совершенно другой, закрытый мир со своими жестокими правилами. Просто будь там счастлива и осторожна, ладно?

Я заверила их, что со мной всё будет в полном порядке, подхватила свой легкий дорожный чемодан и уверенно шагнула к стойке паспортного контроля. Если бы мы все трое в ту минуту знали, что мой нью-йоркский «принц» уже не просто забронировал мне персональное место в своем азиатском мире, а детально, по пунктам расписал мою жизнь. И зарезервировал он меня там вовсе не в качестве любимой принцессы, а в качестве тайного актива, который очень скоро зайдет в его клетку.

Этот перелет длился бесконечную, изнуряющую вечность. Пятнадцать часов в замкнутом, вибрирующем пространстве летящего над океаном Боинга, где само время полностью стирается, превращаясь в монотонный, гипнотический гул реактивных двигателей. Сухой воздух самолета сушил кожу, а за иллюминатором глухая полярная ночь сменялась слепящим солнцем, окончательно сбивая с толку мои биологические часы.

Но когда тяжелые шасси с оглушительным грохотом наконец коснулись посадочной полосы в международном аэропорту Инчхон, всю накопившуюся усталость с меня как рукой сняло. В кровь хлынул чистый, концентрированный ад-

реналин.

Южная Корея встретила меня густым, непривычно влажным воздухом, в котором отчетливо чувствовался запах моря, и той особенной, почти ритуальной вежливостью, которую я за годы работы научилась считать мгновенно. Среди бурлящей толпы в зоне прилета мне не нужны были таблички. Я сразу увидела господина Пака — невысокого, безупречно подтянутого, в неизменном сером костюме-тройке. Он стоял чуть в стороне, держа руки сцепленными перед собой, и его внимательный взгляд сканировал поток пассажиров.

Мы работали вместе уже не первый год, я перевела для его «Пак Медиа» тонны сложнейших текстов и уже прилетала в Сеул на переговоры, но каждая наша личная встреча неизменно превращалась в своего рода изысканную лингвистическую игру. Настоящий корейский танец традиций, где я, белая американка, каждый раз принимала вызов.

Как только наши взгляды пересеклись, я остановилась, мягко опустила ручку чемодана и, соединив ладони, склонилась в глубоком, безупречном поклоне — ровно на тридцать градусов, как велел канон уважения к старшему по возрасту и статусу.

— #####, ### ###. ##### #####. ### # #####? (Здравствуйте, учитель Пак Ин Хён. Давно не виделись. Как вы поживали всё это время?) — произнесла я. Мой голос звучал мягко, но уверенно, а хангыль вышел настолько чистым и

округлым, словно я всю жизнь прожила в престижном районе Чонно, а не на Манхэттене.

Маленькие глаза господина Пака за круглыми стеклами очков мгновенно засияли, а лицо расплылось в широкой, искренней улыбке. Он, конечно, знал, как хорош мой язык — сам ведь выбрал меня для этого контракта именно за филигранное чувство стиля. Но то, с каким изяществом я с ходу перешла на высокий, почти поэтический вежливый слог, каждый раз приводило старого корейского интеллигента в абсолютный восторг. Это была наша игра, и я снова вела в счете.

— ###, ###! (О боже, Нина!) — он всплеснул руками и сделал шаг навстречу, отвечая мне уважительным, но куда более теплым, почти отцовским поклоном. — ##### ## ### ##### ###. Как можно так красиво говорить? Мои уши буквально отдыхают, когда вы звучите. Добро пожаловать на полуостров, госпожа Варт. «Пак Медиа» считает дни до начала вашей работы.

— Спасибо, учитель Пак. Для меня огромная честь, что для проекта такого масштаба вы снова доверились именно мне, — я ответила на корейском, чуть понизив тон, как того требовала скромность.

Внутри меня в эту секунду буквально ликовала та самая пятнадцатилетняя девочка, которая когда-то выводила первые буквы в тетради в клеточку. Мой идеальный, выпестованный корейский — это был не просто рабочий инструмент. Это был мой главный щит, предмет моей тайной гор-

дости перед этими консервативными, закрытыми людьми. Я прилетела сюда не как наемный работяга, которому повезло. Я прилетела как признанный мастер слова, и Пак это признавал.

— Ну что вы, Нина #, — господин Пак мягко, но решительно перехватил ручку моего чемодана, аккуратно пресекая любую попытку поспорить. — Тоньше вас контекст не чувствует ни один лингвист в Штатах. Так что это нам повезло. Сегодня я лично отвезу вас в отель «Lotte», вам нужно как следует отдохнуть... А завтра утром, как мы заранее и договаривались, начнем осмотр жилья. Я лично отобрал для вас три превосходных варианта через одно очень авторитетное, проверенное агентство недвижимости. Все они достойные, но один... один вариант, мне кажется, создан корейскими богами специально под ваш утонченный вкус.

Пятизвездочный отель «Lotte» в самом сердце бурлящего Сеула оказался настоящим оазисом кричащей роскоши. Огромный, залитый мягким, приглушенным светом холл был насквозь пропитан едва уловимым, фирменным ароматом дорогого сандалового дерева и жасмина. Колоссальные потолки, сверкающие хрустальные люстры и панорамные окна во всю стену, из которых открывался захватывающий, открыточный вид на исторический центр города и зеленую макушку горы Намсан, моментально заставляли забыть о джетлаге.

Мой личный номер на двадцать пятом этаже был выпол-

нен в благородных, спокойных бежевых тонах, а огромная кровать казалась таким невесомым, шелковым облаком, что в ней можно было утонуть. И хотя номера здесь стоили расточительно, неприлично дорого, я решила, что после пятнадцати часов ада в воздухе я имею полное право на этот короткий каприз. Часть затрат мне всё равно компенсирует корейская сторона, так почему бы не начать мою новую жизнь с красивого жеста? В конце концов, я слишком много и тяжело работаю, чтобы отказывать себе в комфорте.

Приняв обжигающе горячий душ и смыв с себя липкую дорожную пыль, я в одном махровом халате подошла к огромному окну. Вечерний Сеул, раскинувшийся внизу, выглядел как колоссальный, фантастический пульсирующий организм. Миллиарды неоновых вывесок, бесконечные, светящиеся потоки корейских автомобилей, сливающиеся в единые огненные реки, и молчаливые, зеркальные громады небоскребов. Это было невероятно красиво. Этот вид смутно напоминал мне мой родной Манхэттен, но в то же время этот город был совершенно чужим. Другим. Непредсказуемым.

Я достала телефон и зашла в чат с Эриком. Пальцы быстро набрали: «Я на месте. Сеул невероятный. Пью чай на 25 этаже и смотрю на Намсан. Жду тебя». Я отправила сообщение с легким, абсолютно свободным сердцем человека, который уверен, что сам управляет своей жизнью. Я перевела дух, легла на мягкие простыни и мгновенно провалилась в

глубокий, безмятежный сон, упрямо игнорируя любые предупреждающие знаки судьбы.

На следующее утро, после пары часов беспокойного, рваного сна, мы с господином Паком уже вовсю колесили по городу на его чистеньком представительском седане.

Первые два варианта квартир, которые мы осмотрели в элитном Каннаме, были предсказуемо роскошными, но какими-то абсолютно бездушными, стерильными. Слишком много пафосного мрамора и чопорного глянца, который буквально давил на сознание. Каннам пах деньгами, пластической хирургией и социальным статусом. И, ко всему прочему, аренда здесь была астрономически, неподъемно дорогой для меня, даже несмотря на то, что первоначальный залог полностью покрывала моя компания-работодатель. Я не хотела чувствовать себя запертой в золотой клетке чужого тщеславия. Или просить деньги у Эрика.

— И последний на сегодня вариант, госпожа Нина, — Пак аккуратно сверялся со своим рабочим планшетом, вырубивая со скоростной магистрали. — Район Мапхо. Это, конечно, не так пафосно и престижно, как Каннам, но там царит совершенно потрясающая, ни на что не похожая атмосфера. Там живет творческая интеллигенция, художники, переводчики, там много маленьких независимых кофеен и... вид. Вид на реку просто сумасшедший.

Поездка в Мапхо с первой же минуты открыла для меня совершенно другой, настоящий Сеул. В отличие от глянце-

вого, застегнутого на все пуговицы Каннама, этот район буквально дышал живой, пульсирующей и очень юной энергией свободолюбия. Узкие, петляющие улочки, где в тени старых деревьев прятались крошечные авторские кофейни с виниловыми проигрывателями, уютные независимые книжные лавки, галереи современного искусства и круглосуточные семейные ресторанчики, удивительно гармонично соседствовали с высокими, ультрасовременными жилыми комплексами из стекла и бетона.

Здесь пахло потрясающим, свежесваренным эспрессо, жареными на углях каштанами и прохладным, влажным речным ветром. В Мапхо отчетливо чувствовался дух свободы, творчества и какого-то европейского уюта. Куда ни поверни голову — готовые, идеальные эстетичные картинки для досок в Pinterest. Когда мы проезжали мимо набережной, в моей голове мгновенно всплыли старые рассказы мистера Кима. Он описывал мне Корею именно такой — живой, дышащей рекой, поэтичной. Моя розовая мечта юности обретала плоть прямо здесь.

— О, господин Пак, это именно то место, которое мне нужно. Я уже физически чувствую это, — восторженно выдохнула я, прильнув к стеклу автомобиля.

Когда риелтор — средних лет кореянка с безупречной укладкой и абсолютно непроницаемым, вежливым лицом — открыла тяжелую электронную дверь квартиры на самом верхнем этаже, я буквально замерла на пороге, забыв как ды-

шать.

Огромное, колоссальное панорамное окно во всю стену. Оно было почти точно таким же, как в роскошном пентхаусе Эрика в Нью-Йорке, но смотрело оно не на холодные, тесные небоскребы Манхэттена, а на величественный, широкий изгиб реки Ханган. Внутри квартиры было невероятно много естественного света, безусловно белые стены, и то самое дефицитное ощущение «своего», безопасного и уютного пространства, которое я так отчаянно искала.

— Это здание принадлежит одному очень крупному, уважаемому инвестиционному холдингу, — вкрадчиво, тихим профессиональным голосом произнесла риелтор, проходя вперед. — Поэтому здесь беспрецедентно высокий уровень личной безопасности. Круглосуточное видеонаблюдение на каждом этаже, закрытый доступ в лифты только по индивидуальным смарт-картам. И, что немаловажно для вашей переводческой работы, госпожа Варт, здесь абсолютная, стопроцентная звукоизоляция от городского шума.

— Мне безумно нравится, — выдохнула я, почти гипнотически притягиваемая видом, и подошла вплотную к стеклу, глядя на то, как солнечные блики играют на воде Хангана.

— Мистер Пак, оформляйте документы. Это именно то, что нужно. Мой идеальный дом.

Я была настолько ослеплена своей маленькой победой и этим фантастическим видом, что физически не могла заметить, как за моей спиной господин Пак и риелтор обменя-

лись коротким, едва заметным, но очень содержательным кивком. Я была слишком занята своими девичьими мечтами о том, как буду сидеть здесь по утрам с ноутбуком, пить кофе и переводить романы, и уже мысленно составляла в голове список покупок в IKEA для этого интерьера.

И хотя в Корее квартиры обычно сдаются абсолютно пустыми, без мебели, здесь обнаружился очень приличный минимальный набор бытовой техники премиум-класса, стильный огромный диван и даже дорогая кофемашинка на кухне.

— Предыдущий жилец этой квартиры был европейским экспатом, топ-менеджером, — тут же, словно прочитав мои мысли, слаженно отозвалась риелтор, поймав мой удивленный взгляд на технику. — Он улетел в спешке и оставил всю эту технику, диван, кровать и кофемашину в счет аренды. Считайте это вашим персональным счастливым бонусом от нашего агентства. Холдинг-владелец всегда старается поддерживать высочайший уровень комфорта для иностранных специалистов. Компании часто селят здесь приглашенных сотрудников, чтобы они не тратили драгоценное время на обустройство быта, а сразу включались в рабочий процесс.

Я искренне, свято верила в то, что это был мой личный, абсолютно свободный выбор. Что это я сама, благодаря своей интуиции и удаче, нашла это идеальное место среди тысяч других бездушных квартир Сеула.

Я не знала и не могла знать, что прямо сейчас за тонкой стеной, в закрытом техническом помещении общего коридора,

дора, специалисты по безопасности уже монтируют скрытые цифровые датчики и камеры, которые будут в режиме реального времени сообщать Эрику Муну о каждом моем приходе, уходе или визите любого постороннего человека. Я не знала, что агентство недвижимости, которое так «удачно» нашел господин Пак, да и сам он не знал, уже получило колоссальные, неприлично щедрые «комиссионные» из закрытого офшорного фонда, не имеющего официального названия в реестрах. Ловушка была построена так изящно, что я сама вбежала в нее с улыбкой на лице.

Вечером, когда все документы были подписаны, а Пак уехал, я со щелчком заперла тяжелую входную дверь, чувствуя себя полноправной хозяйкой собственной судьбы. Абсолютный триумф независимой женщины.

Я достала телефон и отправила Эрику сообщение с точным адресом и фотографией вида на Ханган из окна.

Ответ пришел почти мгновенно. Короткое, лаконичное: «Отличный выбор. Рад, что тебе нравится. Я прилечу в Сеул через пару дней, как только закрою дела в Токио. Напиши список что нужно и тебе все привезут через полчаса».

И, конечно же, Эрик Мун намеренно умолчал о главном. Он не написал мне, что прямо сейчас, всего в десяти километрах от моей новой уютной квартиры, в своем огромном кабинете вице-президента «Мун Групп», залитом холодным, мертвенно-голубым светом нескольких мониторов, он лично наблюдает за экраном.

На цифровом интерактивном плане жилого комплекса в Мапхо, в пятом закрытом секторе, загорелась маленькая, яркая зеленая точка. Мой датчик. Моя жизнь. Эрик не улыбнулся — его лицо оставалось всё той же непроницаемой маской безупречного хищника. Он лишь медленно протянул руку и коснулся подушечкой пальца сенсорного экрана, полностью накрывая эту зеленую точку, словно одним легким движением забирая мою свободу себе в карман.

Нина была дома. В его городе. В его доме. Под его абсолютным контролем.

Великий, древний и пугающий Сеул начал медленно, со вкусом принимать меня в свои объятия. Тесные, удушающие, властные и до поры до времени абсолютно невидимые для жертвы.

Глава 5

Первая неделя в Мапхо была похожа на затяжной, упоительный медовый месяц с самой собой. Я обустроивала свою новую студию, самозабвенно расставляя тяжелые тома словарей по белоснежным полкам и до мурашек наслаждаясь тем, как щедрое утреннее сеульское солнце заливает светлый паркетный пол. Господин Пак, верный своей манере ковать железо пока горячо, сразу же завалил меня работой, и я с головой ушла в перевод первого романа, теряя счет часам.

В самый первый вечер, едва подписав документы с риелтором и заперев за ней дверь, я осталась один на один с пустой квартирой. Из мебели здесь были только огромный мягкий диван да кровать в спальне, оставшиеся от «предыдущего экспата». После моего сообщения Эрику с адресом и коротким списком того, что нужно прямо сейчас, чтобы просто дожить до утра, уже через сорок минут на пороге вырос курьер с колоссальными пакетами. Там была готовая горячая еда, упаковки чистой воды, средства для гигиены, стирки, капсулы для кофемашины — всё, что я люблю, вплоть до правильного экстра-черного кофе. Помню, я тогда цинично подумала, что иметь богатого и влиятельного знакомого в Сеуле — это чертовски удобная опция.

В ту самую первую ночь на новом месте мне совершенно не спалось. Сказался сумасшедший джетлаг и перевозбуж-

дение от переезда. Часа в три ночи, устав ворочаться на чужих простынях, я взяла ноутбук, устроилась на диване в гостиной и с головой ушла в онлайн-шопинг. От бессонницы я азартно составляла огромный список мебели и интерьерных безделушек, лихорадочно переключаясь между сайтами *Ikea* и *Zara Home*. Мне нужно было всё: от рабочего стола и ламп до ароматических свечей. Ближе к пяти утра я скинула этот необъятный список Эрику в чат с шутливой припиской: «*Мой райдер для завоевания Сеула*» — и наконец заснула.

Его помощник и правда оказался быстр, точен и бесшумен, как молния. Когда я открыла глаза в районе десяти утра, весь мой ночной список со стопроцентным попаданием уже был выкуплен и доставлен к моим дверям. Настоящий логистический фокус.

Поэтому вечер и ночь второго дня превратились в мой личный мебельный квест. Я собирала минималистичный рабочий стол из Икеи, крутя шестигранным ключом шурупы и мелкими глотками попивая обжигающе холодное пиво из жестяной банки, купленной в круглосуточном магазинчике на углу. Вокруг виселись картонные коробки, пахло новой мебелью, свечами с ароматом ванили из *Zara Home* и чистой, никем не замутненной свободой. Когда глубокой ночью с мебелью было покончено, я, умирая от приятной физической усталости, просто завалилась на тот самый диван «европейца». Я смотрела на Ханган через стекло и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Но Сеул постепенно пробирался мне под кожу своими деталями...

В этой новой жизни у меня появились свои маленькие, интимные ритуалы. Каждое утро я спускалась на узкие улочки Мапхо и шла в местный «Старбакс». Это было глупо — лететь через океан, чтобы пить сетевой кофе, но там, среди знакомого зеленого логотипа и стандартного запаха обжаренных зерен, я чувствовала себя как дома. Это был мой крошечный островок привычного Нью-Йорка посреди бурлящей азиатской столицы.

А по вечерам я подолгу пропадала в круглосуточных магазинчиках сети *CU*. Это стало моим личным аттракционом. Я могла по тридцать минут стоять между узких, забитых до потолка стеллажей, замороженно рассматривая яркие, диковинные упаковки товаров, которые так разительно отличались от всего американского. Я изучала этикетки, проверяла свои знания языка на практике, но каждый раз замирала перед полкой с легендарным банановым молоком в пузатых пластиковых баночках. Все в Корее были от него без ума. Но я... я так и не решалась его купить. Для меня это молоко было своеобразным символом окончательной ассимиляции, чертой, за которой корейская поп-культура поглотит меня с потрохами. И я упрямо оставляла его на полке, сохраняя свою дистанцию. Свою независимость.

В вечер пятницы я решила устроить себе настоящий праздничный ужин в честь окончания первой рабочей неде-

ли. Заказала через приложение доставку знаменитой острой курочки в панировке, открыла бутылку холодного пива и включила огромный плазменный телевизор «для фона» — исключительно для того, чтобы ухо быстрее привыкало к живой, беглой корейской речи телеведущих.

Я как раз вонзила деревянные палочки в сочный, пахнущий имбирем и перцем кусок мяса, когда привычный, монотонный тон новостного диктора на экране резко сменился на более торжественный и пафосный.

— «Сегодня в Сеуле официально завершился ежегодный международный экономический форум, — вещала безупречно причесанная женщина-диктор с идеальной, застывшей улыбкой. — Особое внимание прессы и инвесторов привлекло финальное выступление исполнительного директора "Мун Групп". Господин Мун Ён Кван сделал сенсационное заявление о масштабном расширении инвестиций холдинга в медиа-сектор и цифровые технологии...»

Я замерла с открытым ртом, так и не донеся палочку до губ. Пиво в моем стеклянном бокале от неожиданности пошло мелкой, испуганной рябью.

На экране, в окружении десятков фотовспышек и суровых мужчин в охране, появился он.

Это был Эрик. Но в то же время — совершенно, абсолютно другой, незнакомый мне человек. На нем был строжайший темно-синий костюм, сшитый на заказ на Сэвил-Роу так идеально, что ткань казалась его второй кожей. Белоснежная

рубашка была застегнута на все пуговицы, а жесткие манжеты с дорогими запонками плотно обхватывали запястья, не оставляя ни малейшего шанса увидеть хотя бы миллиметр его татуированной, чернильной кожи. В расслабленном Нью-Йорке его голос всегда был хриплым, ленивым и уютным. Здесь, за трибуной форума, его безупречный корейский выверенный слог резал воздух, как хирургический скальпель. Он смотрел прямо в объектив камеры так, словно видел всю эту пятидесятиmillionную страну насквозь и совершенно не был впечатлен увиденным. В его осанке, во взгляде полуприкрытых глаз читалась такая вековая, абсолютная порода чеболей, от которой мороз шел по коже.

— Мун Ён Кван... — тихо, одними губами прошептала я в пустой комнате, чувствуя, как внутри всё стремительно каменеет и покрывается льдом.

В памяти хаотичной вспышкой пронеслись все наши нью-йоркские разговоры на полу, его показная «честность», его небрежные кивки на вопросы о работе. Теперь вся эта его загадочность выглядела как мастерски, гениально выстроенная ложь путем простого умолчания. Он ведь действительно никогда не врал мне в лицо. Он просто не считал нужным упоминать, что он — один из самых влиятельных, неприлично богатых людей в этой стране. Человек из клана, который фактически владеет половиной Сеула. В Америке меня это не интересовало. Я играла в современную свободную женщину. А сейчас?

На экране телевизора Мун Ён Кван коротко, сухо и едва заметно наклонил голову, прощаясь с публикой. В этом скупом жесте было столько высокомерия, снисходительности и скрытой, сокрушительной мощи, что мне физически стало трудно дышать в моей светлой студии.

И именно в этот самый драматичный момент, когда диктор на экране плавно перешел к прогнозу погоды на выходные, в мертвой тишине моей квартиры раздался резкий, оглушительный и настойчивый звонок электронного дверного замка.

Я вздрогнула так сильно, что деревянные палочки с глухим стуком вывалились из моих пальцев прямо на стол. Сердце испуганной птицей забилося где-то в самой горле. У меня возникло жуткое, почти мистическое ощущение, что он всё это время стоял там, за дверью на темной площадке, и по секундомеру ждал, пока я досмотрю этот чертов сюжет и окончательно прозрею.

На неслушающих ногах я подошла к панели интерактивного домофона и нажала кнопку замка. Тяжелая дверь с мягким цифровым писком открылась.

Он вошел. Мгновенно, с первого же шага заполнив собой всё пространство моей маленькой прихожей, безжалостно вытесняя домашний запах острой курочки и пива своим невероятно дорогим, сложным парфюмом, запахом кожаного салона и чистым, концентрированным ароматом абсолютной власти. На нем был всё тот же костюм с телевизионно-

го экрана, только верхняя пуговица рубашки теперь была небрежно расстегнута, а пиджак перекинут через руку.

— Вижу, ты уже официально познакомилась с исполнительным директором Мун Ён Кваном, — произнес он на своем безупречном английском, едва заметно кивнув головой в сторону работающего за моей спиной телевизора. — Надеюсь, он произвел на тебя должное впечатление. Он чертовски старался быть сегодня убедительным для прессы.

— Мог бы и раньше сказать... — я обессиленно прислонилась спиной к прохладной стене, скрестив руки на груди и пытаюсь вернуть контроль над собственным дыханием.

Эрик подошел ближе. Настолько вплотную, что я почувствовал исходящее от него физическое тепло. Он медленно протянул свою большую ладонь и с каким-то пугающим, не терпящим возражений собственничеством заправил выбившуюся прядь моих светлых волос мне за ухо. Его пальцы обожгли мою кожу.

А затем он, как ни в чем не бывало, уверенно направился вглубь моей гостиной к барной стойке. Конечно же, виски он сюда тоже купил через своего всемогущего помощника. Тот же самый сорт, бутылку которого я так хорошо знала по Нью-Йорку.

— Я же никогда тебе не врал, Нина. А ты сама никогда не спрашивала о моей фамилии, — он плавно повернулся ко мне, поднимая тяжелый хрустальный стакан и негромко позвякивая крупными кубиками льда. — А здесь... здесь мы

просто продолжаем нашу игру. Но с некоторыми новыми деталями и, возможно, нашими общими правилами. Тот же сорт, — он кивнул на янтарную жидкость. — Я подумал, что этот вкус будет напоминать тебе о доме, пока ты привыкаешь к Сеулу.

Он призрачно, едва заметно улыбнулся своей опасной улыбкой.

— Как тебе вид из окна? Наслаждаешься? — он неторопливо подошел к панорамному стеклу, глядя на мириады неоновых огней района Мапхо, которые красивыми цветными змейками отражались в темной, маслянистой воде Хангана.

Я смотрела на его широкую, властную спину, обтянутую дорогой тканью рубашки, и чувствовала, как внутри меня в дикий, взрывоопасный коктейль смешиваются яростное раздражение от его манипуляций и странное, почти запретное, губительное восхищение его масштабом. Весь этот антураж — эта квартира с нужным видом, этот виски в баре, его идеальное, срежиссированное появление прямо под финал новостей — всё это было слишком вовремя. Слишком просчитано. Слишком идеально для случайности. Слишком киношно, чтобы раскручивать.

— Вид потрясающий, Эрик. Или мне теперь стоит официально называть тебя «директор Мун» и кланяться на сорок пять градусов при встрече? — я уверенно подошла к столу и демонстративно взяла свой бокал с дешевым местным пивом, мысленно противопоставляя его демократичную про-

стоту его неприлично дорогому виски. — Ты ведь прекрасно понимаешь, что вся эта медийная история в корне меняет правила игры? В Нью-Йорке ты был просто чертовски сексуальным парнем с крутыми татуировками и странным, свободным графиком. Здесь ты — человек, чей случайный чих на пресс-конференции способен обрушить или поднять котировки акций на азиатской бирже.

Эрик медленно обернулся. В глубоком полумраке комнаты его породистое лицо казалось высеченным из цельного куска темного камня, но в глазах плясали те самые знакомые, горячие и хищные искры того Эрика, которого я так хорошо выучила в постели на Манхэттене.

— Для тебя лично ничего не изменилось, Нина, — он сделал короткий глоток, и лед в его стакане сухо, требовательно звякнул. — Наши правила остались прежними: мы никогда не врем друг другу. И я не врал тебе. Я просто всегда оставлял свою скучную работу за порогом твоей спальни.

Я промолчала, почувствовав, как аргументы тают. Он был чертовски прав. Я ведь сама больше всего на свете ценила нашу нью-йоркскую «пустоту» от социальных ролей, обязательств и статусов.

— Я прилетела сюда исключительно по работе, — твердо, чеканя каждое слово, произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — У меня официальный контракт с «Пак Медиа», у меня свои карьерные цели и своя жизнь. Твой высокий статус чеболя — это исключительно твоя проблема. Только не

жди, пожалуйста, что я буду заискивающе кланяться тебе в пояс, если мы случайно столкнемся в лифте главного офиса «Мун Групп».

Эрик тихо, хрипло рассмеялся — искренне, по-настоящему, той самой плотской улыбкой, от которой у меня по телу пробежала привычная волна жара.

— Поверь мне, Нина, меньше всего на свете в этой жизни я хочу видеть тебя кланяющейся передо мной в офисе.

Он плавно отложил стакан на подоконник, сделал два стремительных шага вперед, полностью сокращая дистанцию между нами, и в воздухе мгновенно воцарилось то самое невыносимое, густое осязаемое напряжение, которое у нас всегда, без исключений, заканчивалось одинаково. Он жестко перехватил мой бокал с пивом, ставя его на стол, и притянул меня к себе за талию. Сегодня я пыталась держать оборону, пыталась доказать свою независимость перед этим новоявленным медиа-магнатом, но мое тело предательски сдалось первому же прикосновению его горячих рук.

Он подхватил меня под бедра, заставляя обвить его торс ногами, и понес в спальню. Туда, где стояла та самая огромная, королевская кровать, которую удачно оставил мне в подарок «предыдущий жилец-европеец». Эрик опустил меня на прохладные простыни, и его пальцы принялись яростно, с хриплым дыханием срывать с меня одежду. Наш секс в эту ночь в Сеуле был еще более голодным и собственническим, чем в Нью-Йорке. Он брал меня так, словно окончательно

утверждал свои права на этой земле. Он вжимал меня в матрас этой кровати, которую сам же для меня купил и доставил в эту квартиру, закручивая интригу нашего романа в тугую, неразрывный узел. И на вершине этого безумного удовольствия в моей голове не осталось ни одной мысли. Только чистый, звенящий триумф его тела над моим.

Он ушел под утро, когда небо над Ханганом только начало окрашиваться в нежно-розовые весенние тона. Оставив после себя привычный запах сандала на подушке и легкую, приятную истому во всем теле.

Но чего директор Мун Ён Кван, не знал, так это того, что я приехала в Корею не только ради престижного контракта с Паком и не ради нашей обжигающей страсти.

У каждого из нас в этой игре были свои слепые зоны. И моя личная потайная комната была гораздо глубже, древнее и интимнее, чем он мог себе представить.

Едва за Эриком закрылась тяжелая входная дверь, как я, неудосужившись даже одеться, решительно открыла свой ноутбук. Мои пальцы слегка подрагивали, но вовсе не от воспоминаний о прошедшей ночи, а от подступающего, священного трепета.

Все эти долгие годы, пока я училась в университете и строила карьеру в Нью-Йорке, я непрерывно поддерживала связь с моим первым учителем — мистером Кимом. После окончания его контракта в Штатах он вернулся назад в Корею, но наша переписка не прерывалась ни на месяц. Я пи-

сала ему обо всех своих лингвистических успехах, о трудностях в Колумбийском, о каждой новой переведенной мной книге. Он всегда отвечал мне — мудро, сдержанно, с той благородной восточной дистанцией, которая подобает истинному наставнику, бережно и нежно подпитывая мою многолетнюю любовь к корейской культуре.

Раньше, когда я прилетала в Сеул в короткие, суматошные командировки по работе, учитель Ким каждый раз деликатно, но твердо ускользал от личной встречи. «Срочная рабочая поездка», «неотложные дела университета в Кёнджу», «занят на государственных экзаменах». Я принимала эти отказы как должное — он был моим идеалом, человеком высокой науки и долга.

Но на этот раз, едва устроившись в Мапхо, я написала ему личное, полное надежды письмо: *«Учитель Ким, я наконец-то здесь, в Сеуле, на целых полгода. Моя работа идет в гору, но кажется, только сейчас, оказавшись на этой земле, я начинаю по-настоящему понимать, о чем были те ваши далекие уроки про "скрытую душу языка". Я бы очень, очень хотела наконец увидеть вас лично».*

И ответ от него пришел неожиданно быстро, ломая всю его прежнюю многолетнюю сдержанность.

«Пусан ждет тебя, Нина. Приезжай в эту субботу. Я лично встречу тебя на центральном вокзале. Нам действительно есть о чем поговорить».

Мое сердце в груди пропустило мощный, оглушительный

удар. Я, разумеется, ни единым словом не обмолвилась Эрику о своих истинных, глубоких чувствах к мистеру Киму. Для всемогущего директора Муна этот человек был не более чем «старым добрым школьным учителем из Нью-Джерси» — безобидным, блеклым провинциалом, который когда-то привил девочке-подростку интерес к восточным иероглифам. Эрик в своем высокомерии чеболя даже не догадывался, что вся моя маниакальная «любовь к корейскому языку» и этот приезд в Сеул были лишь красивой, сублимированной формой моей многолетней, глубокой одержимости человеком, который когда-то первым открыл для меня двери в настоящий, живой мир.

В субботу ранним утром я собрала маленькую дорожную сумку, и отправилась на центральный вокзал Сеула, чтобы сесть на скоростной поезд *КТХ*, летящий навстречу Пусану и моей главной, скрытой от всех тайне.

Карусель закружилась. И Эрик Мун больше не был единственным режиссером этой драмы.

Глава 6

Три часа в скоростном поезде КТХ до Пусана пролетели как в тумане. За окном проносился май — корейская весна на исходе своего срока стремительно и душно катилась навстречу лету. Города и провинции утопали в густой, сочной зелени. Я смотрела на этот буйный, цветущий пейзаж, а в моей голове крутился бесконечный, заезженный слайд-шоу из воспоминаний.

Я размышляла о цифрах. Тогда, в пригороде Нью-Джерси, его двадцать семь лет казались мне недостижимой вершиной, другой, абсолютно изолированной планетой. Но сейчас, в этом цветущем, плавящемся от майского тепла Пусане, мне двадцать пять. Ему тридцать семь. Мы оба взрослые, состоявшиеся люди. И эта пресловутая разница в возрасте, которая раньше казалась пропастью, наконец-то стерлась, превратившись в ничто.

Всю дорогу во мне говорила моя внутренняя пятнадцатилетняя девочка. Та самая, воспитанная на классических корейских дорамах. Я ловила себя на совершенно глупых, сладких фантазиях: представляла, как схожу с поезда, наши взгляды мгновенно пересекаются в толпе, мир вокруг замедляется, фокус размывает лица случайных прохожих, майский ветер красиво развеивает полы моего легкого тренча, и начинает звучать та самая пронзительная, инструментальная

музыка. Он сделает шаг навстречу, посмотрит на меня как на женщину, которую он ждал все эти годы, и тихо скажет: «Нина, как же долго я тебя ждал». Я везла эту хрупкую розовую иллюзию через весь океан, баюкая её в груди как самое дорогое сокровище.

Но реальность оказалась гораздо прозаичнее. И оттого — больнее.

Вокзал Пусана жил своей суетливой, шумной, истекающей полуденным майским зноем и глубоко безразличной к моим драмам жизнью. Я вышла на перрон, дыша тяжелым, прогретым воздухом, и сердце забилося в том же рваном, удушающем ритме, что и десять лет назад в школьном коридоре перед его кабинетом.

Я увидела его почти сразу. Мистер Ким был всё такой же. Поразительно красивый, сдержанный, в легком светлом пиджаке, с той самой аурой спокойной, гипнотической силы, которая когда-то покорила не только наши глупые девичьи сердца, но и умы. В пятнадцать лет я была им одержима, и эта одержимость стала моим лучшим топливом: я ломала язык о сложные фонемы, заучивала сотни иероглифов до темноты в глазах — и всё ради того, чтобы он просто выделил меня среди остальных своим коротким, спокойным: «Хорошая работа, Нина».

Правда, когда наши взгляды встретились, мир вокруг не замер. Проводники продолжали кричать, пассажиры, отдуваясь от майской жары, толкались чемоданами, а из динами-

ков разносился механический голос. Никакой музыки. Никакого слоу-мо. Учитель Ким просто тепло, по-доброму улыбнулся мне и сделал шаг навстречу.

— Нина, здравствуй. Я так рад тебя видеть, — произнес он.

Даже голос остался прежним. Бархатный, глубокий, с тем самым мягким корейским акцентом, который я когда-то полюбила больше своего родного английского. Весь мой нью-йоркский профессионализм, моя напускная уверенность «лучшего переводчика издательства» осыпались сухой шелухой. Я снова почувствовала себя той маленькой девочкой.

— Здравствуйте, учитель Ким, — выдохнула я, пытаюсь справиться с волнением.

— Ну, что ты такая официальная? Мы же не в классе, — он мягко улыбнулся, забирая из моих рук дорожную сумку. — Ты в Пусане впервые. Нам нужно наверстать столько упущенного времени, и я просто обязан показать тебе море.

И мы поехали на Хэундэ. Набережная Пусана оглушила меня своим масштабом и слепящим майским солнцем: бескрайнее, лазурно-синее море, крики чаек, бьющиеся о бетонные волнорезы тяжелые волны и пронзительный, соленый ветер из пролива, который мгновенно растрепал мои волосы. Город дышал портовой романтикой и первым, еще не липким курортным теплом, совершенно не похожим на речную прохладу Сеула. Пляж уже заполнили первые редкие тури-

сты, солнце всюду прогревало песок.

Мы неторопливо гуляли вдоль пляжа. Мистер Ким рассказывал о Пусане так же увлеченно, красиво и поэтично, как когда-то на уроках рассказывал об истории династии Чосон. Он зашел в крошечную прибрежную лавку и купил мне стакан холодного кофе со льдом — майское солнце припекало уже ощутимо. Я брала этот запотевший пластиковый стаканчик из его рук, и на мгновение мне показалось, что всё вернулось. Его жесты, его интонации, его взгляд...

Я шла рядом с ним по набережной, и внутри меня всё буквально трепетало. Я ловила каждое его движение, каждый поворот головы, вглядывалась в его лицо, словно... словно глупо и наивно ждала от него какого-то признания. Ждала, что вот сейчас он остановится, посмотрит на море, а потом повернется ко мне и наконец произнесет те слова, которые я домысливала за него в своих письмах все эти десять лет. Что его дистанция была лишь вынужденной защитой, которая теперь больше не нужна.

Я тонула в этой привычной, убаюкивающей заботе, затаив дыхание, пока мистер Ким не повернулся ко мне с мягкой, горделивой улыбкой:

— Знаешь, Нина, моя жена, Суджин, приготовила к твоему прилету потрясающий праздничный ужин. Она очень ждала твоего приезда в Пусан, я ведь столько о тебе рассказывал все эти годы. Пойдем, тут недалеко, я познакомлю вас.

В эту секунду в моей голове раздался оглушительный,

страшный треск лопающегося стекла.

Это с оглушительным звоном, разлетаясь на тысячи мелких, уродливых осколков, разбились мои хрустальные подростковые мечты. Прямо здесь, на красивой, залитой ярким майским светом набережной Хэундэ, под беззаботный шум пусанских волн. Весь мой выдуманный мир, который я так бережно строила в своем воображении, в одно мгновение превратился в дешевый, унижительный фарс.

«Моя жена, Суджин».

Чувство резкой, физической тошноты подступило к горлу.

— Конечно, учитель Ким, я с радостью познакомлюсь с вашей семьей.

Десять лет назад. Пригород Нью-Джерси.

Молодой учитель Ким сидел на тесной кухне своей небольшой съемной квартиры, устало потирая переносицу после тяжелого учебного дня. Напротив него Суджин, тогда еще его невеста, только недавно прилетевшая к нему из Сеула, тихо напевала себе под нос, расставляя на столе тарелки с домашним кимчи.

— Опять эта девочка, Нина? — Суджин мягко усмехнулась, заметив на краю стола стопку школьных тетрадей, на самой вершине которой лежал идеальный, написанный каллиграфическим почерком диктант, украшенный малень-

ким, едва заметным нарисованным сердечком в самом углу листа.

— Она невероятно, феноменально способна, — негромко вздохнул Ким, глядя на аккуратные строчки хангыля. — Но она смотрит на меня на уроках так, будто я — центр её вселенной. Это... сильно осложняет работу, Суджин. Я чувствую эту границу.

— Она всего лишь ребенок, Минхо, — ласково сказала Суджин, сядя рядом и накрывая его ладонь своей. — Используй это. Пусть её чистая детская влюбленность станет её главным мотором. Если она будет свято верить, что каждый выученный сложный иероглиф приближает её к твоему одобрению, она станет лучшим переводчиком в этой стране. Направляй её. Будь её недостижимым идеалом, но просто держи правильную дистанцию.

— Ты права, — Ким тепло улыбнулся, доставая бумажник и глядя на маленькое фото Суджин. — Пожалуй, это будет лучшим, что я могу для неё сделать как наставник. Я дам ей большую, красивую цель.

Настоящее время . Пусан .

Квартира учителя Кима была наполнена душным майским теплом, пробивающимся сквозь приоткрытое кухонное окно, уютными запахами домашней корейской еды и залившим детским смехом. Его трехлетняя дочь, маленькая, по-

разительная копия своего отца, то и дело с писком бегала по светлому коридору, забавно путаясь в моих ногах.

Суджин оказалась именно такой, какой я подсознательно больше всего на свете боялась её увидеть. Она не была стервой или высокомерной столичной штучкой. Она была теплой, искренней, по-настоящему доброй и совершенно, абсолютно не подозревающей о том, что прямо сейчас, улыбаясь, она в щепки разрушает чужую жизнь.

— Нина! Мы все эти годы так искренне гордимся вашими успехами в Нью-Йорке! — Суджин с лучащимся лицом поставила передо мной на стол дымящуюся тарелку с чапчхэ. — Минхо всегда, на каждом своем занятии ставит вас в пример своим нынешним ученикам. Он постоянно говорит, что вы — его самое главное, самое блестящее достижение.

Я сидела на их безупречной, залитой мягким светом уютной кухне, до боли в пальцах сжимая в руках металлические палочки, и чувствовала себя бесконечно, унижительно глупо.

«Главное достижение».

Эти слова, которые еще вчера я бы с гордостью повесила в золотую рамку над своей кроватью, теперь звучали для меня как сухая, бездушная техническая характеристика. Я никогда не была для него живым человеком. Я была успешно выполненным, идеальным КРІ в его красивой педагогической карьере. Он не учил меня любить этот сложный язык ради самого языка — он тонко, профессионально дрессировал меня, годами используя мою трепетную девичью нежность как

электрошок.

Каждый его выверенный ответ на моё очередное длинное письмо, каждое скупое «горжусь тобой», каждый проявленный им дежурный интерес к моей жизни в Штатах — всё это было лишь частью его грандиозного, безупречного «педагогического проекта». Он действительно никогда, ни разу не дал мне прямого повода. Он был чист перед законом и моралью. Он просто... годами намеренно не упоминал о существовании жены. Оставлял это колоссальное пространство в моих мыслях абсолютно пустым, чтобы я сама, захлебываясь от восторга, заполняла его своими розовыми дорамными фантазиями и продолжала учиться, учиться и учиться. Чтобы я, как послушное животное, упрямо продолжала бежать за сочной морковкой, которую его рука так мастерски и плавно держала перед моим носом.

Я молча смотрела, как он с улыбкой подхватывает подбежавшую дочь на руки, как мимоходом нежно целует жену в висок, пока та нарезает фрукты, и внутри меня выстраивалось леденящее понимание: я никогда в его глазах не была женщиной. И не могла ей стать. Я была «лучшей ученицей». Удачным, образцово-показательным кейсом в его профессиональной биографии.

— Нина, что случилось? — Взгляд учителя Кима всегда был профессионально наметан, он никогда не упускал ни одной микромиимики на лицах людей. Он заметил, как я замерла.

Я заставила себя сделать глубокий вдох и снова надела свою безупречную нью-йоркскую маску.

— Ничего, учитель Ким. Просто... нахлынули старые воспоминания. Всё хорошо. — Я перевела взгляд на засветившийся экран телефона. — Редактор из сеульского издательства только что прислал сообщение, мне нужно будет немного поработать вечером, но я вполне могу позволить себе провести еще час в вашей чудесной компании. Спасибо за ужин, Суджин, всё невероятно вкусно.

Я осталась. Я заставила себя остаться и провести у них весь этот остаток душного майского дня. Я вежливо, мягко улыбалась, увлеченно играла на ковре с их маленькой дочерью и покорно слушала бесконечные, милые истории об их счастливой семейной жизни. Я смотрела, как они слаженно, понимая друг друга с полуслова, вместе моют посуду на кухне, как мистер Ким нежно поправляет жене выбившуюся прядь волос.

Это была изощренная, чистая психологическая пытка, которую я сознательно, хладнокровно назначила себе сама. Мне нужно было досидеть здесь до конца, до самого дна, чтобы этот домашний уют пусанской квартиры окончательно, дотла выжег внутри меня любые остатки многолетнего розового тумана. Мне нужно было увидеть его обычным. Женатым. Чужим.

Вечерним поездом я отправилась обратно в Сеул. Ритмичный, глухой стук колес КТХ убаюкивал мою обиду, а за

окном вагона майская ночь густой чернильной краской заливала корейские провинции.

Знаете, в этот момент я отчетливо поняла, что самое страшное в крушении песочного замка — это то, что тебе приходится убирать осколки в абсолютном, звенящем одиночестве. Я сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и понимала: я не могу рассказать об этом никому.

Я была заперта внутри собственной глупости. Мне некому было доверить эту душную, давящую боль, кроме самой себя. И я делилась ею с этой темнотой за окном. Я не плакала. Мои глаза оставались сухими, а зубы были сжаты так крепко, что сводило челюсть. Моя нью-йоркская гордость, моя броня «сильной и независимой женщины» еще держалась, упрямо склеивая меня по кускам, пока поезд несся сквозь ночь обратно в столицу. Я терпела. Я думала, что справлюсь.

Когда поезд наконец прибыл на центральный вокзал Сеула, я безликой тенью спустилась в душное майское метро и доехала до Мапхо. Я шла по ночным улицам как обычный, среднестатистический житель этого колоссального мегаполиса — просто одинокая девушка с дорожной сумкой на плече и разбитой вдребезги мечтой. Одна из миллиона таких же несчастных мечтателей.

Подходя к своему высотному жилому комплексу, я резко остановилась. Ноги сами, вопреки здравому смыслу, понесли меня к круглосуточному магазинчику за углом.

Есть в Южной Корее удивительная, ни на что не похо-

жая уличная культура — эти дешевые пластиковые столы и стулья ярко-синего или зеленого цвета, которые выставляют прямо на асфальт у входа в каждый магазинчик. Место, где стираются социальные статусы, где можно легально побыть несчастным на виду у всех.

Я зашла внутрь, на автомате купила зеленую бутылку классической соджу и пластиковый стаканчик с приторно-сладким ванильным мороженым. Одинокий натюрморт моего личного поражения.

Я села за шаткий пластиковый стол. Майская ночь в Сеуле дышала тяжелой, душной влагой, асфальт отдавал накопленное за день тепло. Соджу была горькой, с резким медицинским привкусом спирта, а мороженое — липким и сладким. Я делала глоток, заедала его ложкой тающего ванильного крема, и этот контраст вкусов казался мне идеальной метафорой моих десяти потерянных лет.

Эрик приземлился напротив меня. Без строго костюма. Только спортивные штаны, ветровка и низко надвинутая на глаза кепка. Этаким красавчик бегун. Он настолько нелепо органичен возле этого магазина и на этом пластиковом стуле. Смотрит прямо на меня из под козырька кепки.

В его глазах да что в его глаза?

Но он смотрит так, что я больше не могу сдерживаться. Я резко оттолкнула от себя стаканчик с тающим мороженым, спрятала лицо в широкие рукава своего огромного худи и просто начала рыдать. Навзрыд. То ли эта горькая сод-

жу окончательно смысла мои внутренние шлюзы, то ли этот его прямой, тяжелый взгляд стал последней каплей, но вся та удушающая обида, которую я железной хваткой держала в себе весь этот чертов день, лавиной вырвалась наружу.

Господи, на что я вообще рассчитывала? О чем я только думала все эти годы?! Что взрослый, зрелый мужчина будет преданно ждать, пока маленькая американка подрастет и прилетит к нему через океан? Что он точно так же бережно хранит мой образ в своем сердце? Как же это было глупо. Как унижительно обидно. И как же, черт возьми, больно.

Я плакала так, как плачут только в Корее — навзрыд, не заботясь о том, что тушь стекает в стакан с соджу. Обида на десять выдуманных, бесплодных лет жизни выходила из меня толчками. А Эрик просто сидел. Он не пытался меня обнять или успокоить дешевыми словами. Он просто свидетельствовал мой крах. И в этом было больше уважения, чем во всех письмах Кима.

Когда я вдоволь выплакалась, мы пошли ко мне домой. Молча. Рядом.

У двери квартиры я резко обернулась. Эрик стоял слишком близко, от него пахло ночной прохладой и тем самым опасным мужским нетерпением, которое я обычно приветствовала. Но не сегодня. Сегодня я была разбита на осколки, и мне казалось, что любой физический контакт просто пре-

вратит меня в пыль.

— Секса не будет, — отрезала я. — Я устала и я на грани того, чтобы послать всё к черту.

Я ждала, что он развернется и уйдет. Но он просто замер, глядя на меня сверху вниз, и в его глазах что-то изменилось. Он не ушел. Он просто молча аккуратно отодвинул меня плечом, ввел код на панели электронного замка и прошел мимо меня внутрь квартиры, словно мои злые слова были всего лишь безобидным шумом ветра. И только когда он тяжело, устало рухнул на мой огромный мягкий диван в гостиной, а я увидела его лицо в тусклом, мертвенном свете кухонной вытяжки, до меня наконец дошло: он пришел сюда ночью вовсе не за моим телом. Он пришел сюда ровно за тем же самым, за чем я ходила к круглосуточному магазину.

Ему тоже была жизненно необходима тишина.

Дома я первым делом заперлась в ванной и встала под ледяной душ. Я с остервенением терла кожу жесткой мочалкой до пунцовых пятен, словно это могло помочь мне смыть с себя приторный запах домашнего уюта пусанской кухни и ту детскую, слепую наивность, что вела меня за собой все эти годы.

Я вышла из ванной натягивая свитшот, и шорты. Конди-

ционер работал без усталости. Жара в Сеуле набирала обороты.

Окно было открыто настежь — я знала, что Эрик будет курить, и знала, что мне этот душный воздух с улицы смешанный с прохладой квартиры сейчас нужен не меньше, чем ему.

Он достал зажигалку. Резкий щелчок, вспышка, и первая струя дыма растворилась в комнате.

Знаете, что самое ценное в человеке? Молчание. Когда тебе комфортно молчать с кем-то. Это молчание не угнетает, оно не требует заполнять пустоту дежурными фразами или оправданиями. Мы могли молчать рядом друг с другом. Сегодня нам обоим была нужна именно такая тишина.

Я села в кресло напротив, подтянув ноги к груди. Мы просто смотрели в окно на ночной Сеул. В этом не было той страсти, которую описывают в дешевых романах.

Эрик сделал глоток виски, прикрыл глаза и на мгновение перестал быть «Ледяным принцем». Он был просто мужчиной, которому нужно было место, где его не будут оценивать. А мне нужно было место, где я могу не быть «лучшей ученицей».

— Паршивый день, Нина, — произнес он наконец, не открывая глаз.

— Не у тебя одного, Эрик. Пей свой виски.

— Знаешь, — подал он голос спустя полчаса, — в Сеуле все хотят от меня чего-то.

Он повернул голову и посмотрел на меня. В полумраке

его глаза казались почти черными.

— А ты ничего не хочешь. Тебе плевать на мои акции, на мои заводы и на то, сколько нулей в моем контракте. Тебе даже на мою фамилию было плевать, пока реальность не ткнула тебя в неё носом.

— Мне просто не нужно это все, — я откинула голову на спинку кресла. — У меня есть мой мир. Буквы, смыслы, подстрочники. Мой мир понятен. Твой — нет. И я не уверена, что хочу учить его правила.

Он усмехнулся. Это была не та холодная усмешка Мун Ён Квана, которую печатают в газетах. Это была улыбка человека, который нашел единственное место на планете, где он может просто дышать.

— Твои правила мне нравятся больше, — он затушил сигарету и поднялся. — Иди сюда.

Он не потащил меня в постель. А лег мне на колени и позволил перебирать его волосы. От него пахло виски и горьким табаком. Я чувствовала, как быстро бьется его сердце, постепенно замедляя ритм.

Знаете, даже самой разрушительной и мощной буре иногда жизненно необходимо тихое, безопасное место, чтобы переждать. И я думаю, что именно это подсознательное человеческое желание заставляло Эрика Муна раз за разом возвращаться ко мне в Нью-Йорке и караулить меня у круглосуточного в Сеуле. Потому что иногда настоящая, пугающая близость — это вовсе не яростный секс на шелковых про-

стынях. Это просто его тяжелая голова на твоих коленях в темноте гостиной и запах табака, который больше не кажется тебе чужим. Просто два израненных человека, которые чертовски устали от своих социальных ролей: он — от удушающих амбиций своей колоссальной империи, я — от своих разбитых в щепки детских иллюзий. Два человека, которые прямо сейчас не играют друг перед другом. В конце концов, когда вы видели друг друга голышом и без масок, много секретов уже не спрячешь.

— Я могу подарить тебе весь этот Сеул, Нина, — тихо, почти в пустоту, не открывая глаз, произнес Эрик. В его голосе не было дешевой романтики — только привычное для чеболя, автоматическое желание купить лояльность, привязать к себе дорогими вещами, сделать своей собственностью.

— Правда? — я едва заметно улыбнулась, не прерывая движений пальцев.

— Угу...

— Как жаль, что мне это не нужно...

Я смотрела в панорамное окно на огни Мапхо и не видела, как в темноте уголок его губ дрогнул в сытой, искренней улыбке. Это был первый раз в его жизни, когда кто-то так легко и бездумно отказался от его империи. И, кажется, именно поэтому он всё еще был здесь, на моем диване.

Мы так и уснули прямо там, на огромном мягком диване, не раздеваясь, под глухой, монотонный шум засыпающего Сеула за открытым окном. Без пафосных драм, без гром-

ких клятв и без каких-либо обещаний на будущее.

Просыпаться утром в уличной одежде — сомнительное удовольствие для тела, но непривычное ощущение чужого тепла рядом перекрывало любой дискомфорт. Эрик уже не спал. Я открыла глаза от мерного, тихого шума кофемашины и густого, пробуждающего аромата свежееобжаренных зерен.

Он уже успел принять душ в моей ванной и полностью переодеться — видимо, его личная охрана бесшумно доставила свежий костюм прямо к дверям квартиры, пока я видела свои глубокие сны. Ох уж эти чеболи. Их идеальная жизнь работает как швейцарские часы высшего качества, даже если накануне весь их внутренний мир летел в тартарары. Перед стойкой снова стоял исполнительный директор «Мун Групп» — в безупречной рубашке, застегнутый на все пуговицы, в холодной броне.

— Мне нужно ехать. Дела, — коротко произнес он, протягивая мне кружку с обжигающим черным кофе. Сам он уже непрерывно смотрел в экран своего смартфона, мысленно находясь далеко отсюда — на заседаниях, советах директоров и переговорах.

— Удачи, — я сонно привалилась плечом к деревянному дверному косяку кухонной зоны и сделала первый спасительный глоток.

Эрик уверенно подошел к входной двери, уже взялся ручкой за металлическую ручку, но на секунду остановился, не обращившись.

— Ты поедешь еще в Пусан, Нина?

— Нет, — ответила я.

Коротко. Рублено. Абсолютно честно.

Тяжелая дверь за ним закрылась, и глухой щелчок автоматического электронного замка громким эхом отозвался в пустой, залитой утренним майским солнцем квартире. Я осталась одна в пространстве, которое всё еще отчетливо хранило шлейф его дорогого парфюма и горького табака.

На кухонном столе остался пустой стакан из-под виски и мой открытый ноутбук. На экране светился черновик длинного, сумбурного письма учителю Киму — письма, которое я лихорадочно писала в вагоне поезда, полного невыплаканной боли, глупых вопросов и неоправданных девичьих надежд.

Я медленно подошла к компьютеру, опустила пальцы на клавиатуру, выделила весь этот массив текста и, ни секунды не колеблясь, нажала клавишу «Delete».

Экран мгновенно стал девственно белым.

Хватит жить призраками прошлого. Настоящее вокруг меня было слишком громким, слишком сложным, опасным и осязаемым, чтобы я могла позволить себе дорогую роскошь пустых мечтаний. Мой выдуманный «дорамный принц» оказался счастливо женат на другой женщине, а мой реальный мужчина — это человек, который прячет татуировки под шелком, строит финансовые империи и молча сидит рядом на пластиковом стуле, когда я рушусь.

Я решительно захлопнула крышку ноутбука. Пора приниматься за работу. За настоящую работу.

Глава 7

Сеул втирался ко мне в доверие постепенно, действуя не нахрапом, а через мелкие, почти неосязаемые детали.

К концу мая весна в столице окончательно потеряла свою стыдливую прохладу, стремительно скатываясь в душное, влажное субтропическое лето. Воздух в Мапхо стал густым, он пах нагретым гранитом высоток, речной сыростью Хангана и неудержимо цветущими городскими клумбами.

Днем я практически не выходила из своей студии. Мой мир сузился до размеров белоснежного рабочего стола из Икеи, чашек с ледяным американо и бесконечных глянцевых страниц корейских рукописей, которые господин Пак присылал мне одну за другой. Процесс перевода оказался изматывающим, но упоительным поиском чужой души. Я могла три часа сидеть над одной-единственной фразой, пытаюсь адекватно передать корейское понятие «хан» (#) — эту специфическую, монументальную национальную смесь вековой тоски, затаенной обиды и тихой, почти обреченной надежды. Перевести так, чтобы у сытого, благополучного читателя где-нибудь в пентхаусе на Манхэттене до мурашек сжалось сердце. Это требовало колоссальной ментальной отдачи, но именно эта работа давала мне сладкое, ничем не замутненное право на собственную независимость.

Зато по вечерам, когда мозг начинал плавиться от хангы-

ля, я выходила на улицу — учиться дышать этим городом. Я бродила по лабиринтам Мапхо, разглядывая неоновые вывески, отражающиеся в стеклах витрин. Моим главным местом паломничества стал огромный магазин Olive Young на углу. Я могла часами замороженно бродить между стеллажами, заставленными тысячами баночек, сывороток и тканевых масок, придирчиво выбирая средства с ароматом чайного дерева или центеллы. Это был мой личный ритуал микрии — мне отчаянно хотелось, чтобы этот город перестал видеть во мне чужачку.

А еще за этот месяц я обзавелась первым настоящим другом в Сеуле. Им стал пожилой, вечно улыбающийся аджосси из круглосуточного магазинчика СУ прямо у моего дома.

Стоило мне переступить порог под приветственный писк автоматической двери, как его морщинистое лицо озарилось неподдельной радостью. Он без слов откладывал для меня свежий треугольный кимбап с тунцом и майонезом и доставал из ларя именно то ванильное мороженое в стаканчике, которое я любила.

В один из таких душных июньских вечеров, когда я, устало вздохнув, приложила прохладный пластиковый стаканчик к горячей от жары щеке, аджосси добродушно рассмеялся, опершись локтями о кассу:

— Нина-сси, а вы знаете, что в эпоху Чосон за такое мороженое вас бы посчитали особой королевской крови? — мягко под поджимая губы, произнес он. — ##### ### ##### ###

(Еннаренын орыми имгымнимин тхыкпёран сонму-риёссоё). В древности лед был личным подарком короля.

Я удивленно приподняла брови, мгновенно включаясь в игру. Мой уставший за день мозг лингвиста радостно ухватился за живую историю.

— Правда? Я думала, в Сеуле всегда было полно льда зимой на Хангане.

— Зимой — да, — старик поднял указательный палец вверх, наслаждаясь моментом. — Но сохранить его до лета! Для этого строили огромные каменные подземные хранилища — Сокбинго. Лед оттуда принадлежал только королевской семье. И в такие жаркие дни, как сегодня, король выдавал своим самым верным, самым выдающимся чиновникам специальные деревянные жетоны — бинпхё. Отоварить такой жетон можно было только в королевском леднике. Получить кусочек льда с солодкой в июне считалось высшей государственной наградой!

Я искренне улыбнулась, глядя на свой копеечный ванильный стаканчик.

— Получается, прямо сейчас вы выдали мне высшую королевскую награду, аджосси? За отличный перевод?

Старик весело, заливисто рассмеялся, его глаза превратились в две узкие щелочки, а морщинки на лице разгладились.

— Именно так, Нина-сси! Вы заслужили свой лед. Вашему корейскому позавидовал бы любой министр при дворе.

Для него, коротающего длинные и монотонные ночные

смены за кассой, эти минуты были редкой отдушиной. А для меня... для меня его искреннее восхищение, этот маленький экскурс в историю и простое человеческое тепло были самым мощным жестом поддержки в этой чужой, огромной стране...

Глава 8

В четверг утром мне позвонил господин Пак и предложил работу. Еще.

- Нина, сегодня важное мероприятие. Делегации и Штатов нужно сопровождение. Возьмешь?

- Конечно, отвлекусь от книг. - Наконец-то передышка.

- Я скину тебе детали сообщением. Нужен соответствующий наряд.

- Хорошо. - Эрику я не стала говорить о синхронном переводе. Раньше его это не волновало.

Раньше.

Вечер в отеле «Shilla» был абсолютным, рафинированным воплощением сеульского пафоса. Внутри огромного зала «Dynasty» июньский душный зной Каннама мгновенно исчезал, сменяясь ледяным, почти звенящим кондиционированным воздухом, от которого кожа моментально покрывалась мурашками. Зал ошеломлял своим тяжелым люксом: колоссальные хрустальные люстры, напоминающие застывший каскадный водопад, стены из темного полированного дерева с позолотой и этот ни с чем не сравнимый запах — смесь дорогих кубинских сигар, свежих белых лилий и очень, очень больших денег.

Господин Пак встретил меня у самого входа, придиричиво поправляя очки в тонкой оправе. Я знала, что выгляжу

безупречно, но по-своему, без оглядки на местную моду. На мне было длинное черное платье без рукавов с высоким глухим воротом. Его верхняя часть плотно, как вторая кожа, облегла фигуру, подчеркивая каждый изгиб тела, а от линии бедер вниз уходила тяжелая, струящаяся плиссированная юбка, которая при каждом моем шаге создавала оптический эффект текучей, живой тени. Минимум украшений — лишь тонкая золотая цепочка на запястье и маленькая сумка-клатч с тиснением под крокодила. Светлые волосы были убраны в тугий, строгий низкий пучок. В этом образе не было привычной корейской кокетливости — только холодная, почти пугающая западная элегантность.

— Смело, Нина, — хмыкнул Пак, оценивающе оглядев меня с ног до головы. — Ты выглядишь как вдова миллиардера. Или как его самый страшный ночной кошмар. Помни: сегодня ты — их голос. Не подведи меня.

Моими подопечными на этот вечер оказались трое американцев из крупного венчурного фонда. Типичные, породистые профи успеха с Уолл-стрит: хваткие, самоуверенные, пахнущие дорогим одеколоном и готовые пробивать лбом любые стены. Рядом с ними, на этом маленьком островке моей далекой родины посреди чужой, чопорной страны, я мгновенно расслабилась. Мы легко и непринужденно болтали на родном английском ни о чем: обсуждали грязное нью-йоркское метро, лучшие бруклинские кофейни и то, как непривычно пить американо со льдом в Сеуле. Для меня эта

непринужденная американская прямолинейность стала коротким глотком чистого воздуха. Я включилась в работу на полную мощность. Во время официальной части я не просто синхронно переводила их реплики — я ювелирно сглаживала острые углы, виртуозно превращая их агрессивную нью-йоркскую нагловатость в обтекаемую, уважительную корейскую вежливость.

Пока зал внезапно, уродливо не затих.

Белый шум разговоров оборвался за секунду, оставив лишь приглушенный звон бокалов. У входа появилась плотная свита, в центре которой, как черная дыра, притягивающая весь свет, шел Мун Ён Кван.

В официальном режиме он был ледяным. Безупречный черный костюм-тройка наглухо скрывал и его яростные та-туировки, и того уставшего мужчину, который засыпал на моих коленях в Мапхо. Он двигался сквозь расступающуюся толпу, едва заметно кивая лишь избранным.

— Нина, посмотри, — азартно прошептал мне на ухо Харрис, обдав запахом бурбона. — Это же Мун. Если мы зацепим его сегодня — поездка окупилась.

Его тяжелый взгляд скользил по залу с равнодушием хищника, пока не наткнулся на мою черную плиссировку.

А в тени, лениво помешивая лед в бокале, стоял мужчина в безупречном смокинге. Он не собирался участвовать в этом параде поклонов. Сильные мира сего обожали демонстрировать власть правилом «пусть все подождут» — сколь-

ко же в этом было показной глупости. Он пригубил шампанское, сканируя толпу, пока его взгляд не замер на американской делегации.

Надо же. Вечер обещал быть очень жарким.

Мужчина смотрел на блондинку в черном и цинично улыбался. Эрик притащил её сюда? Сюда, в эпицентр надменности? Или эта девчонка из Бруклина просто сама по себе чертовски смелая? Появление Мун Ён Квана всегда производило на местную элиту парализующий эффект, но сейчас мужчина, знавший своего двоюродного брата слишком хорошо, заметил то, чего не видела толпа.

Ага. Ён Кван её заметил.

На одну короткую, невозможную микросекунду челюсть всемогущего директора «Мун Групп» окаменела, а глаза опасно сузились. Значит, она пришла сама. Наблюдавшему определенно нравился этот расклад. Судя по бешеному, концентрированному взгляду брата, сегодня ночью в подвале закрытого клуба кто-то точно распрощается с головой за упущенный контроль. Эрик был в ярости от того, что его глубоко личная, тщательно оберегаемая анестезия стояла на виду у всего Сеула, заставляя мужчин оборачиваться.

«Эх, Эрик, Эрик... — мысленно протянул наблюдавший, смакуя алкоголь. — Надо будет обязательно с ней познакомиться».

Между мной и Эриком остался метр.

От него пахло тем самым парфюмом, который всё еще

жил на моих простынях, но этот аромат смешался с холодным, металлическим запахом успеха. Эрик медленно оглядел меня — от глухого закрытого ворота до лаковых носков туфель. В его глазах не было восхищения. Там было нарушение границ. Напряжение в воздухе стало таким густым, что его можно было резать ножом. Всё мое тело кричало от его близости.

Помощник Эрика начал представлять американцев. Включив режим «робота», я наклонилась к уху Харриса, шепча синхронный перевод и заставляя себя не смотреть Эрику в глаза.

И тут Эрик нанес удар под дых.

Игнорируя своего помощника и мое присутствие, он перешел на безупречный, жесткий английский язык. Заговорив с инвесторами напрямую, он одним щелчком вычеркнул меня из уравнения. Он стер меня. Лишил функции «голоса», превратив в безмолвную, невидимую мебель. Наказал при всех.

— Если вы хотите работать вместе, сделайте предложение, которое я захочу рассмотреть, — его голос прозвучал как лед, брошенный в пустой хрустальный стакан. — А не просто тратьте мое время.

Он прошел мимо, даже не обернувшись. Его свита последовала за ним, а я осталась стоять, кожей чувствуя ледяную вибрацию, которую его тело оставило в воздухе. Мои связки сковал спазм. Меня раздавили моим же собственным родным языком.

— Нина, откуда ты знаешь господина Муна? — Пак возник из ниоткуда, его очки холодно блеснули в свете люстр.

Я перехватила бокал у официанта и осушила его одним глотком. Ледяной алкоголь обжег горло.

— Не знаю. Виделись на переводе в Штатах, может быть, — солгала я, не моргнув и глазом.

— Не становись загадкой вечера, Нина. В семье Мун загадки обычно решают путем ликвидации. Имей в виду: Мун Ён Кван никогда не проигрывает партию. Даже если играет с самим собой.

Наш герметичный пузырь в Мапхо лопнул. Для него я была способом сбежать от Мун Ён Квана, а теперь Мун Ён Кван был вынужден смотреть на меня при всех. Оставалось только молиться, чтобы этого никто не заметил. Кроме господина Пака.

Но боги были заняты.

К нам подлетел сияющий Харрис:

— Нина, ты молодец! Видела, как он на тебя посмотрел? Его помощник сообщил о встрече. Мы берем тебя на официальный перевод при встрече в офисе «Мун Групп» в следующий понедельник, в десять утра.

Я чуть не поперхнулась шампанским.

Понедельник.

Я замерла, уставившись в пустоту, парализованная липким страхом, отчаянно пытаюсь мысленно молиться. Весь мир вокруг превратился в глухой белый шум.

А в это время всего в паре шагов от меня, у массивной мраморной колонны, остановился красивый мужчина. Он лениво покачивал бокал, слушая тихий стук льда о хрусталь. Мужчина смотрел на меня в упор — открыто, с легкой, хищной улыбкой превосходства, фактически вдыхая шлейф моего парфюма.

Вечер тянулся бесконечно долго.

Кажется, молиться я так и не научилась.

Вернувшись из отеля «Shilla» в свою пустую студию в Мапхо, я даже не зажгла свет. Сбросила лаковые туфли, опустилась на пол прямо в нарядном черном платье и обхватила колени руками. Меня крупно, неудержимо колотило. В ушах до сих пор звенел его ледяной английский.

При наших встречах в Штатах Эрик никогда не позволял себе ничего подобного. Он мог быть жестким, закрытым, но не до такой степени. Я отчаянно пыталась понять, что произошло. В районе двух часов ночи, когда тишина квартиры стала удушающей, я не выдержала. Наплевав на гордость, достала телефон и набрала его номер.

Гудки тянулись мучительно долго, пока на том конце наконец не сняли трубку. Но Эрик молчал. Я слышала его тяжелое, размеренное дыхание и глухой, едва уловимый, вибрирующий шум басов где-то на заднем плане. Словно он сидел в пустом зале закрытого клуба.

— Это было грубо, — тихо сказала я в динамик, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Вот так всё происходит в мире больших денег и власти,
— отозвался он. Эрик всегда был скуп на длинные речи. Его голос прозвучал ровно, без единой эмоции.

— Это моя работа! — внутри меня лавиной поднялся протест.

— Конечно, — коротко отрезал он.

И тут я не выдержала. Весь накопленный за вечер стресс и обида вырвались наружу:

— Да что «конечно»?! Мне что, нужно было кланяться тебе при встрече? Я же сказала — не дожدهшься!

На том конце провода повисла секундная пауза, а затем Эрик издал едва слышный, скупой и сухой смешок. В нем не было веселья — только холодное, хищное удовлетворение от того, что он так легко вывел меня из равновесия.

— У меня много работы, Нина. У тебя, думаю, её тоже прибавилось, — его тон снова стал деловым и непроницаемым. — Увидимся в понедельник. Подготовься хорошо.

В трубке раздались короткие, безжалостные гудки. Я медленно опустила руку и уставилась в темное окно.

— Подготовься хорошо... Подготовься хорошо, — передразнила я его, скорчив злобную гримасу пустому стеклу. — Я что, экзамен сдавать иду? Это далеко не первые важные переводы в моей жизни. Я первоклассный лингвист, черт бы тебя побрал!

Я яростно швырнула телефон на диван, на ватных ногах дошла до ванной и долго стояла под обжигающими струями

душа, пытаюсь смыть с себя этот вечер, запах дорогих лилий отеля «Shilla» и лед его голоса. Но это не помогло. Кое-как заставив себя выйти, я не пошла в спальню. В постели без него почему-то было слишком, невыносимо пусто. Я свернулась калачиком на диване в гостиной, укрылась пледом и провалилась в тяжелый, тревожный сон.

Глава 9

Пятница и выходные прошли в изматывающем ритме. Мои американцы — Харрис и его команда — были чертовски хороши. Настоящие акулы, привыкшие перегрызать глотки на Уолл-стрит. Но Сеул не был Уолл-стрит. Здесь сделки скреплялись не только цифрами, но и долгими ужинами, недосказанностью и тем, что корейцы называют «нунчи» — искусством читать атмосферу и чужие мысли.

— Нина, мне не совсем понятна логика, — Харрис потирал виски, глядя на отчет. — Почему мы не можем просто выложить карты на стол? Мы даем им лучшие условия в индустрии.

— Потому что в Корее, если вы выкладываете всё сразу, вы кажетесь отчаявшимися или грубыми, — я терпеливо объясняла, помешивая остывший кофе. — Им нужно время, чтобы «почувствовать» вас. Для них вы — чужаки. А Мун Ён Кван не пускает чужаков в свою экосистему без проверки.

Я помогала им адаптировать стратегию, вычеркивая слишком агрессивные пункты и заменяя их обтекаемыми формулировками. Я была их проводником в этом чужом мире, хотя сама чувствовала, что мой собственный мир уходит у меня из-под ног.

Вечером воскресенья, возвращаясь с очередного затянувшегося ужина в такси, я не выдержала. Достала телефон и

набрала его номер.

Я никогда не называла Эрика по фамилии или корейско-му имени. Для меня он всегда был Эриком. Наш английский был нашим секретным языком, нашим «Нью-Йорком» посреди Сеула. Когда мы говорили на нем, всё остальное — его статус, моя работа, эта страна — исчезало. Оставались только мы.

Гудки шли один за другим, пока связь не оборвалась. Тишина.

Через десять минут пришло короткое сообщение:

«Занят. Напишу позже».

Я смотрела в окно такси на огни моста Банпо. Где-то там, в одном из закрытых клубов или в элитном баре Чхондам-дона, Эрик проводил этот вечер в обществе другой. Возможно, это была та самая наследница из газет, а возможно — просто очередная «девушка на ночь». Я знала правила нашей игры. Мы не давали клятв. Но после той ночи в Мапхо, после того, как его сердце билось в такт моему, это лаконичное «занят» ощущалось как ледяной душ.

Я поняла, что в Сеуле его «броня» гораздо толще. Здесь он не просто парень из клуба. Здесь он — Мун. И сегодня он выбрал свой мир, оставив меня за порогом. И почему-то внутри кольнуло от обиды.

Понедельник. Офис «Мун Групп».

Небоскреб «Мун Групп» возвышался над Каннамом как стальной, зеркальный монумент безжалостным амбициям. Атмосфера контроля здесь была параноидальной. Прямо на стойке регистрации у меня проверили паспорт, выдав тяжелый именной чип-пропуск, а сотрудник службы безопасности со стерильным лицом наклеил на объективы камер моего телефона специальные защитные стикеры. Внутри империи Мун коммерческий шпионаж карался по законам военного времени. Я физически почувствовала, как зашла в клетку к хищнику.

— Нина, соберись, — Харрис поправил галстук, когда мы вошли в скоростной лифт. — Сегодня решающий раунд.

— Не забывайте, что он и его помощники прекрасно понимают английский, — напомнила я, поправляя жакет и проверяя, на месте ли ручка со специальным блокнотом для профессиональной скорописи. — Никаких кулуарных обсуждений и лишних реплик.

Я намеренно выбрала строгий черный брючный костюм и простую белую футболку, но надела старые кеды *Converse*. Это был мой крошечный, скрытый бунт. Мой способ сказать: «Я здесь — приглашенный независимый эксперт, а не часть вашей декорации». Сегодня я была профессионалом, которому в дресс-коде важно удобство, а не желание кому-то понравиться.

Двери лифта открылись на этаже исполнительного дирек-

тора. Нас встретила целая армия помощников, чьи поклоны были идеально синхронными, но абсолютно безжизненными. Нас провели в колоссальный конференц-зал с панорамным видом на Сеул. Корейская сторона уже сидела на своих местах — безупречно ровные ряды темных костюмов, одинаковые галстуки и пустые, ничего не выражающие лица. По протоколу меня усадили чуть позади Харриса, на позицию «невидимого инструмента».

Эрик вошел последним.

Он выглядел оглушительно безупречно. Темно-серый костюм-тройка, идеально уложенные волосы, холодный взгляд и ни единой тени усталости, вчерашнего алкоголя или тех демонов, которым он давал волю в чистилище своего клуба все эти дни. Он сел во главе стола, и аура абсолютной, тоталитарной власти, исходившая от него, была почти физически ощутимой. Он не удостоил американцев даже мимолетным приветствием. Только бросил короткий секундный взгляд на меня.

— ##### (*Сичжасакхансида — Начнем*), — негромко произнес он на корейском.

Это был вызов. Чистой воды провокация. Он прекрасно знал, что Харрис и его команда не понимают ни слова. Он знал, что сейчас, по правилам последовательного перевода, я должна буду стать его транслятором. Озвучивать его волю. Переводить его слова — сухие, властные, подчеркнуто официальные.

— Господин Мун приветствует вас, — начала я, переводя на английский. Мой голос был ровным, отточенным, лишенным малейших эмоций.

Здесь, в этом зале, Эрик стер наш «Нью-Йорк». Он заставил меня играть по жестким правилам Сеула. И в этом дорогом спектакле мне досталась роль всего лишь безликого эха.

Переговоры были изматывающими. Харрис и его команда говорили много, они тоже были не лыком шиты — за их плечами стояли годы агрессивных поглощений, судов и битв на Уолл-стрит. Но чем дольше длилась встреча, тем сильнее в воздухе сгушалось удушающее ощущение, что «Мун Групп» вообще не интересуется это сотрудничеством.

Всё происходящее напоминало профессионально поставленный, циничный фарс. Топ-менеджеры Эрика до хрипоты обсуждали условия, спорили по каждому пункту, зарывались в самые мелкие, копеечные подпункты договора. Я вела непрерывную скоропись в блокноте, фиксируя прецизионные данные, и переводила без умолку. Мое горло саднило, голос к концу второго часа начал предательски садиться, но по этикету я не позволяла себе сделать даже глотка воды, пока шла активная фаза диалога.

Эрик же по большей части молчал.

Он просто сидел во главе стола, откинувшись на спинку кожаного кресла, и наблюдал за процессом с отстраненным, почти скучающим видом. Но его взгляд не задерживался на графиках и таблицах Харриса. Он смотрел исключительно

на то, как я подбираю слова, как двигаются мои губы, как я от усталости незаметно вытираю влажные ладони о ткань брюк.

Каждый пункт договора вызывал бурные, искусственные споры со стороны его замов. Американцы начинали откровенно злиться, их холеные лица покрывались пятнами. Они не понимали, что именно не устраивает корейскую сторону. В чем проблема? Цифры были идеальными, выгода для «Мун Групп» — очевидной.

Но Харрис, ослепленный желанием ворваться в азиатский бизнес с ноги, не замечал очевидного. Он вообще не понимал колоссальной культурной пропасти между ними. Мое знание корейского менталитета и выученное *нунчи* позволяли мне читать между строк, препарировав корейские полутона. По их слишком поверхностным вопросам, по скудным ответам замов и, главное, по тяжелому молчанию самого Эрика я внезапно поняла: «Мун Групп» изначально не было интересно это сотрудничество.

У Эрика уже было всё идеально налажено в Штатах через другие, куда более мощные и проверенные каналы. Ему не нужны были эти инвестиции. Всё происходящее в зале было показательным выступлением. Жестоким, выверенным уроком для меня. Эрик строил не бизнес-партнерство, он строил клетку на своей территории, демонстрируя независимой Нине, кто здесь настоящий хозяин.

Это было его извращенное признание в любви... или в ненависти. В его мире это часто было одним и тем же.

— Мы закончили на сегодня, — внезапно произнес Эрик на корейском, прерывая Харриса прямо на полуслове.

За столом воцарилась гробовая, звенящая тишина.

— Господин Мун благодарит вас за уделенное время, — перевела я, чувствуя, как внутри всё крупно дрожит от усталости и глухой ярости. — Дальнейшее обсуждение проекта перенесено на неопределенный срок.

— Что?! — Харрис резко вскочил со своего места, едва не опрокинув стул. — Мы летели через океан не для того, чтобы...

Эрик даже не взглянул в его сторону. Он плавно встал, застегнул идеальную пуговицу пиджака, достал телефон и что-то быстро набрал. В ту же секунду в моей сумке глухо вибрировал смартфон. На заблокированном экране высветилось лаконичное сообщение:

«Ты хорошо поработала, Нина. Но твои кеды все равно здесь лишние».

Дверь за ним закрылась с едва слышным, но весомым, окончательным щелчком.

В конференц-зале повисла тяжелая, вакуумная тишина, которую спустя секунду разорвал резкий, оглушительный звук — Харрис с силой хлопнул ладонью по полированному дереву стола.

— Какого черта сейчас произошло? — Харрис медленно повернулся ко мне. Его лицо, обычно загорелое и холеное, сейчас пошло багровыми пятнами. — Нина, ты уверена, что

передала всё слово в слово?!

— Я перевела всё максимально точно, мистер Харрис, — мой голос прозвучал суше и тише, чем мне хотелось бы. Горло немилосердно саднило.

Харрис подошел вплотную, тяжело дыша. От него пахло дорогим парфюмом, кофе и нарастающей паникой. Он ведь не был дураком. Он прекрасно знал, что Мун Ён Кван — это не просто локальный корейский директор, а фигура, с которой считаются крупнейшие игроки на Уолл-стрит. Харрис летел сюда, чтобы заменить собой их старых американских партнеров, сорвать куш, а теперь... теперь ему придется вернуться в Нью-Йорк с пустым, не подписанным клочком бумаги. Он не сможет заявить инвесторам фонда, что «Мун Групп» просто недостойны его партнерства — его поднимут на смех. Это был крах его эго и его репутации.

И для выхода своей удушающей, трусливой злости Харрис мгновенно нашел самое слабое и незащитное звено в этой комнате. Меня.

— Максимально точно? — его голос становился все громче. — Ты — наш мост, Нина! Но из-за твоей некомпетентности этот мост рухнул. Ты упустила культурный код, ты не смогла донести до них ценность нашего предложения! Ты просто запорола сделку века!

Я выпрямилась, несмотря на то, что ноги подкашивались от усталости.

— Мистер Харрис, проблема не в языке. Проблема в том,

что господин Мун изначально не собирался подписывать этот контракт. Ему нужно было, чтобы вы прилетели из Нью-Йорка и посидели два часа в этом зале.

— Чушь! Ты просто оправдываешь свой провал, девчонка, — выплюнул он, буравя меня яростным взглядом. — Я уничтожу твою карьеру! Ты больше ни одной бумажки на Манхэттене не переведешь!

Я устало натянула на плечо ремень сумки. Выходя из зала, я еще не знала, что Харрис не блефовал. В своей звериной ярости, пытаясь прикрыть собственный зад перед советом директоров в Нью-Йорке, он сделает то, что умеют делать только акулы с Уолл-стрит — уничтожать дотла. Уже через час он направит официальную разгромную жалобу в агентство господина Пака, обвиняя меня в профнепригодности. Но этого ему покажется мало: он отправит рапорт в Американскую ассоциацию переводчиков (АТА), заявляя, что из-за моих грубых ошибок в интерпретации финансовых терминов сорвался международный контракт на миллионы долларов.

Для независимого лингвиста это была гражданская казнь. "Черная метка", после которой крупные фонды больше никогда не впишут твое имя в контракт.

У самых дверей меня перехватил господин Пак

Он мягко, понимающе улыбнулся, и в его мудрых глазах за стеклами очков не было ни капли того гнева, что полыхал у Харриса.

— Нина, ты хорошо держалась. Очень профессионально. Иди домой, хорошо поешь и отдохни. Я постараюсь успокоить Харриса.

Его спокойные слова стали тем самым спасительным глотком воздуха, который не дал мне задохнуться прямо там. Я благодарно кивнула, не в силах выдавить из сорванных связей даже простое «спасибо», и быстро вышла в коридор.

Когда тяжелые зеркальные двери лифта закрылись, отрезая меня от этажа директоров, я бессильно прислонилась спиной к металлической стенке. В отражении я увидела бледную, как смерть, женщину с идеально гладким хвостом и совершенно потухшими глазами.

Эрик добился своего. Он не просто показал мне свою империю. Он филигранно, практически без единого слова дискредитировала меня перед моими же ключевыми заказчиками. Он сделал меня соучастницей своего жестокого спектакля, и если бы не заступничество Пака, завтра моё имя в мире перевода может не стоять и воню. Эрик не просто хотел владеть моим телом. Он методично, расчетливо отрезал мне любые пути к отступлению. Слишком быстро. Слишком безжалостно.

Я вышла из стеклянных недр небоскреба, жадно вдыхая раскаленный, загазованный воздух Каннама. На VIP-парковке, уже стоял знакомый черный седан с глухой тонировкой. Задняя дверь бесшумно приоткрылась еще до того, как я подошла. Ловушка ждала свою добычу.

Остановившись на полпути, я опустила взгляд. Посмотрела на свои кеды *Converse*, затем — вверх, на ослепительный, уходящий в небо зеркальный фасад здания «Мун Групп».

И, резко развернувшись спиной к машине, пошла прочь. В сторону перекрестка.

С каждым шагом по раскаленному асфальту я физически чувствовала, как невидимые стальные нити, которыми Эрик пытался намертво опутать мои запястья в конференц-зале, натягиваются до предела... и с треском лопаются.

Стеклянный фасад «Мун Групп» отражал агрессивное солнце, ослепляя спину, но я ни разу не обернулась. Я почти бегом нырнула в спасительную, прохладную глубину подземного перехода станции метро «Каннам».

Здесь, внизу, не было места для чеболей и их элитарных психологических игр. Здесь царила оглушительная давка, пахло металлом, шумели поезда и текли безликие тысячи обычных людей, спешащих домой. Я прислонилась к бетонной колонне на платформе, тяжело и прерывисто дыша. Мои руки мелко дрожали, а сердце готово было пробить ребра.

Я отчетливо понимала, что только что сделала. Наша тайная игра в Мапхо официально закончилась. И она перешла на совершенно новый, смертельно опасный уровень.

Глава 10

В дверь позвонили. Ну конечно. Приперся.

У меня мелькнула трусливая мысль не открывать — затаиться, притвориться, что меня нет в городе, нет в этой стране, нет в живых. Но секунду спустя внутри вскипела ярость. Нет, я взрослая, свободная женщина. И я имею полное право высказать этому подонку всё, что накопилось за этот бесконечный, адский день.

— Ты козлина! Полный козлина! — выпалила я, с силой распахивая дверь прямо перед лицом Эрика. Он даже не вздрогнул. На его лице не дрогнул ни один мускул. Эрик просто молча переступил порог, по-хозяйски разулся и направился напрямиком к барной стойке. — Что это было сегодня? Ты понимаешь, что они меня чуть живьем не съели после твоего ухода? — я шла за ним по пятам, задыхаясь от возмущения. — И сколько можно пить мой виски? У тебя своего нет? — Я его купил, — он спокойно поднес стакан к губам и едва заметно усмехнулся, глядя на меня поверх стекла. — Ты вообще не пьешь виски, Нина. Его непробиваемое спокойствие бесило больше, чем если бы он начал оправдываться или злиться в ответ. Он смотрел на меня сверху вниз, как на рассерженного, забавного котенка. — Допивай и проваливай. Я не хочу тебя видеть. То, что ты сделал сегодня в конференц-зале, было ужасно. Это было не просто невежли-

во, Эрик. Это было вопиюще, демонстративно грязно! — Так делаются дела в большом мире, — он прошел в гостиную и вальяжно развалился на диване. Сейчас на нем был простой спортивный костюм, без удушающего чебольского лоска и галстука, но он всё равно умудрялся выглядеть как чертов царь на отдыхе. — Как тебе? Получила заряд бодрости? — Ты издеваешься?! — я всплеснула руками. — Зачем ты вообще звал их на встречу, если изначально не собирался договариваться? — А, вот видишь, ты это поняла сразу. А они — нет. Значит, они дерьмовые партнеры, — он сделал неторопливый глоток и в упор посмотрел на меня своими темными глазами. — Мир больших денег жесток, Нина. Он не терпит слабых. Кстати, почему ты не села в машину на парковке? — Харрис не слабак, и ты это прекрасно знаешь! — Он был ослеплен своей идеей и фактом приглашения в «Мун Групп» настолько, что не удосужился обратить внимание на знаки. Не будь он таким заносчивым — а я не люблю работать с людьми, которые не видят дальше своего носа, — он бы остановился еще в четверг в отеле «Shilla». Это помогло бы ему сохранить лицо. Эрик снова отпил из стакана и посмотрел на меня уставшим, потяжелевшим взглядом. Этот чертов мужской мир денег, амбиций и абсолютной власти, где живые люди были лишь фишками на доске. — Это уничтожит мою репутацию, — вся моя напускная злость вдруг начала стремительно улетучиваться, и на смену ей приходила горькая, удушающая обида, как тогда, на перроне в Пу-

сане. — Харрис взбешен. Он не может вернуться в Нью-Йорк с пустым конвертом и признать, что облажался. Акулы с Уолл-стрит всегда ищут слабое звено, чтобы прикрыть собственный зад. И этим звеном стану я. Пак уже сказал, что Харрис строчит разгромные жалобы. Он разнесет слухи по фондам Манхэттена, что я посредственный, некомпетентный лингвист, и сделка сорвалась из-за меня. Он доберется до Американской ассоциации переводчиков, Эрик! Меня пометят «черной меткой». Неужели ты не понимаешь?! Работа — это то, что я люблю. То, чем я занимаюсь уже много лет, ломая хребет, пытаюсь доказать, что я лучшая.

— Доказать кому? — тихо спросил он, перебивая мою историю.

Я осеклась. Слова застряли в горле.

И правда. Кому? До недавней поездки в Пусан вся моя карьера, каждый выученный суффикс и бессонная ночь строились вокруг одного-единственного человека, которому я до боли в зубах хотела доказать, что я — его лучшая, идеальная ученица. Что меня нужно выбрать. Что я безусловно справилась со всеми испытаниями на своем пути. А сейчас? Перед кем я так отчаянно выслуживаюсь теперь, цепляясь за призрачный Нью-Йорк? Я устало опустилась на самый край дивана, подальше от него, и повернулась к Эрику профилем. Мы сидели в гулкой тишине квартиры, глядя в пустоту перед собой. Он первый нарушил это молчание: — У меня намечается встреча. Ребята тоже из Штатов. Не то чтобы круп-

ный проект, но устойчивый, они хотят зайти на наш рынок. Ты можешь им помочь.— Я не хочу работать на тебя, Эрик. Больше никаких твоих капканов.— Ты будешь работать на себя.— С твоей подачи. Это одно и то же.— Это покажет Нью-Йорку, что ты не боишься. И что ты готова двигаться дальше, несмотря на брызги слюны твоего Харриса. Я не нанимаю тебя, Нина. Я просто предлагаю тебе рабочий вариант. Выбирать его или нет — твое личное право. Эрик устало откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

Ну конечно. Ясное дело, что я выберу его предложение. Работа — это мой единственный способ не сойти с ума и не утонуть в этом чужом, огромном городе. Он знал это. Уголки его губ дернулись в лукавой улыбке, но глаз он так и не открыл: — Так почему ты всё-таки не села в машину, Нина? — Не захотела! — отрезала я. И это была чистая, звенящая правда. Я отчаянно, из последних сил не хотела погружаться в его чебольский мир окончательно, с головой, становясь одной из его безмолвных машин. — Мне нравится ездить на метро. И просто бродить по Сеулу пешком. Он меня завораживает. Жарковато, конечно, в июне, но всё равно.

Эрик медленно поставил пустой стакан на журнальный столик, достал из кармана телефон и принялся лениво листать рабочую почту. На часах была почти полночь.— Уходи, — тихо сказала я, поднимаясь. — Я очень устала и хочу спать.

Не дожидаясь его ответа, я ушла в спальню, закрыла дверь

и, без сил упав на кровать прямо в одежде, мгновенно провалилась в глубокий, тяжелый сон без сновидений. Уже сквозь плотную пелену забытья до моего сознания донесся далекий шум воды в ванной. А чуть позже — что-то тяжелое, надежное и теплое легло на матрас рядом со мной. Кровать слегка прогнулась под чужим весом. Я почувствовала едва уловимый, родной запах дорогого табака, виски и ночной прохлады, но у меня не было сил даже на то, чтобы просто открыть глаза и прогнать его. В эту душную июньскую ночь безжалостный Мун Ён Кван остался в моей маленькой крепости без боя. И я заснула крепким, спокойным сном. До самого утра.

Глава 11

Утром я получила сообщение от господина Пака:

«Нина, давай встретимся в офисе. Есть разговор по вчерашнему и кое-что новое».

Ну вот и новости подъехали. Я знала, что Пак не откажется со мной работать. Я хорошо перевожу книги, а надежных специалистов, готовых часами копаться в этимологии слов и улавливать тончайшие регистры смыслов, в Сеуле не так много. Но он наверняка выскажет мне за вчерашний демарш в «Мун Групп». Хотя Пак слишком мудр, чтобы опускаться до банальных нотаций.

На улицах Сеула асфальт буквально плавился. Июньский зной в Корее — это не просто высокая температура, это густой, липкий, почти осязаемый туман, который намертво обволакивает тебя, стоит только выйти из кондиционированного помещения. Люди перетекали из тени в тень, прячась под глухими черными зонтами и обмахиваясь карманными ручными вентиляторами. Только поздним вечером можно было надеяться на глоток свежего воздуха, а пока мегаполис напоминал гигантскую, раскаленную пароварку.

Я нырнула в спасительную, прохладную глубину подземки. Линия 2, как всегда, была забита до отказа, но в этом монотонном шуме и толчее я парадоксально чувствовала себя в безопасности. Здесь я была просто одной из тысяч безликих

пассажиров, а не «загадкой раута» или «проблемным переводчиком», сорвавшим контракт.

В офисе издательства царил мой любимый, уютный хаос. Здесь пахло типографской краской, свежесваренным кофе и пыльным спокойствием старых книжных полок. После стерильного, параноидального хай-тека «Мун Групп» это место казалось мне настоящим убежищем. Сильной, защищенной крепостью.

Господин Пак давно понял: на одних тиражах интеллектуальной прозы в Сеуле не выживешь. Поэтому он создал элитное, закрытое подразделение лингвистического консалтинга. Когда крупным западным брендам или венчурным фондам нужно было не просто механически «отбарабанить» текст, а понять скрытый подтекст, культурные коды и то самое коварное *нунчи* корейских партнеров — они шли к нам. Мы были бутиком смыслов. Обычные бюро переводов поставляли безликих «роботов» со знанием сухой терминологии, а господин Пак поставлял «душу».

К тому же, у западных клиентов «свой» переводчик — американка — вызывал мгновенное, автоматическое доверие. Мой нью-йоркский акцент, манеры и жесткая хватка были для них гарантией безопасности в этом непонятном, закрытом азиатском мире. Именно поэтому Пак и нанял меня несколько лет назад. Мои услуги стоили втрое дороже рыночных, и именно эти чеки позволяли издательству выпускать нерентабельных корейских поэтов и те самые толстые,

пахнувшие хорошей бумагой романы, которые мы все так любили.

В коридоре меня встретила Ли Су Ён — бессменная помощница господина Пака. Она была моей ровесницей и, пожалуй, единственным человеком в офисе, с кем я могла искренне поболтать не о работе. Глядя на неё, я каждый раз задавалась вопросом: почему она не пошла в модели? Фарфоровая кожа, огромные олени глаза и эта типичная корейская манера одеваться — просто, сдержанно, но безумно стильно. Сегодня на ней была объемная шелковая белая блузка и широкие бежевые брюки с высокой талией.

— Нина-сси! — радостно воскликнула она, увидев меня.

В корейском языке физически нет звука «в», поэтому моя фамилия для местных — настоящий фонетический кошмар. В их произношении я превращалась в «Нину Би», поэтому все в офисе просто использовали имя с уважительным суффиксом.

— Чай? Кофе? У нас сегодня есть домашний облепиховый сироп со льдом, очень освежает, — Су Ён заговорщицки подмигнула мне, увлекая в сторону небольшой стильной кухни. — Господин Пак сейчас закончит международный звонок и сразу позовет тебя. Кстати... ты сегодня выглядишь так, будто всю ночь яростно сражалась с драконами. И, судя по твоему виду, победила?

Я невольно коснулась воротника своей плотной джинсовой рубашки, чувствуя, как к щекам приливает жар. В памя-

ти мгновенно ожила тяжелая, надежная теплынь тела Эрика рядом со мной на кровати и приглушенный шум воды в ванной на самом рассвете.

— Скорее, дракон решил временно объявить перемирие, — уклончиво ответила я, принимая из её рук запотевший стакан с ледяным чаем. — Что там Харрис? Сильно бушевал после пятницы и вчерашнего?

Су Ён округлила глаза и понизила голос до едва слышного шепота: — О, он звонил господину Паку трижды! Кричал в трубку про международный скандал, сорванную сделку и твою вопиющую профнепригодность. Требовал, чтобы тебя внесли в черные списки. Но господин Пак... ты же его знаешь. Он просто спокойно снял очки, не торопясь протер их платком и сказал Харрису, что если исполнительный директор «Мун Групп» выходит из зала, то это проблема слабого предложения инвесторов, а не корейского языка переводчика.

Я почувствовала, как в груди разливается густая, теплая благодарность. Пак защитил меня. Снова прикрыл своей авторитетной спиной.

— Но твой Харрис — это уже вчерашний день, — Су Ён придвинулась еще ближе, её глаза азартно блестели. — Знаешь, что самое странное? У Пака на столе уже лежит новый, очень жирный запрос. Опять Штаты. И они специально, отдельным пунктом просили «того самого лингвиста, который работал в "Мун Групп"».

Я замерла, так и не донеся стакан до губ. — В Сеуле слишком быстро разносятся слухи...

— Ты вчера наделала колоссального шума на Каннаме, Нина. В наших кулуарах поговаривают, что ты — первая женщина, которая ушла от Мун Ён Квана пешком, прямо из его цитадели. Это сделало тебе такую рекламу в бизнес-сообществе, какая не снилась ни одному диплому Лиги Плюща.

Дверь кабинета открылась, и господин Пак, как всегда безупречный, выглянул в коридор. — Нина, заходи. Нам нужно обсудить твой новый проект. Кажется, твои акции на местной бирже вчера резко подскочили.

Слухи в Сеуле действительно расходятся молниеносно. Спасительная невидимость мегаполиса оказалась иллюзией.

В кабинете господина Пака приятно пахло старой дорогой кожей, книжной пылью и хорошим табаком. Он жестом пригласил меня сесть в глубокое кресло.

— Нина, — начал он, устраиваясь напротив. — Тебя хотят нанять ребята из Сан-Франциско. Компания «Green Wave Solutions». Они вышли на нас через рекомендации из Калифорнии. Говорят, им нужен «свой» человек, который не просто переводит сухие термины эко-технологий, а понимает, как дышит и думает этот город. Понимает правила игры.

Я кивнула, чувствуя, как внутри наконец-то расслабляется тугой узел. После вчерашнего фиаско и ядовитых обвинений Харриса это было именно то, что мне нужно. Моя про-

фессиональная гордость требовала сатисфакции.

— Они слышали о вчерашнем... инциденте? — осторожно спросила я.

Пак тонко усмехнулся, поправив очки: — Слышали. И в отличие от истерика Харриса, эти парни не глупцы. Они оценивают свои амбиции реально. Калифорнийцы прекрасно понимают: если сделка с «Мун Групп» оборвалась на первом же этапе, значит, американцы принесли на стол откровенно слабое, заносчивое предложение. Они уверены в своем продукте и хотят лучшего переводчика, чтобы ювелирно донести его ценность до корейских министров. Сегодня вечером они будут здесь, у нас в офисе. Хотят познакомиться лично и ввести тебя в курс дела.

Встреча с калифорнийцами прошла на удивление легко. В отличие от агрессивной, пропитанной снобизмом команды Харриса, ребята из Сан-Франциско были открытыми, прагматичными и увлеченными. Мы просидели в переговорной больше двух часов, детально обсуждая их экологические стартапы, графики инвестиций и долгосрочные цели. Я мгновенно улавливала суть, переходила с финансового сленга Кремниевой долины на строгую терминологию корейского госзаказа, а они, казалось, были в абсолютном восторге от того, как ювелирно я адаптирую их идеи под местную реальность. Все остались более чем довольны.

Завершили обсуждение мы уже в шумном, колоритном заведении за традиционным барбекю неподалеку от офиса.

Громкое шипение сочного мяса на круглом гриле, звон запотевших стопок с соджу, расслабленный смех и понятные разговоры — это был тот самый Сеул, который я искренне любила. Без давящих стальных небоскребов, бездушных клонов охраны и леденящих, парализующих взглядов чеболей.

Когда мы распрощались, на город уже окончательно опустилась душная, но приятная ночная мгла. Насыщенный день требовал перезагрузки, и я решила пройтись до дома пешком.

Сегодня я чувствовала себя по-особенному, пьяняще свободной. На мне было легкое бежевое атласное платье в белевом стиле — то самое, которое в Нью-Йорке считалось верхом элегантности и повседневного шика, а в Сеуле... В Сеуле на меня начали откровенно, неодобрительно оборачиваться. Мой образ дополняли старые кеды *Vans* в леопардовой расцветке, плетеная сумка-мешок на плече, а на поясе была нарочито небрежно завязана джинсовая рубашка.

Только спустившись в метро на бурлящей станции «Каннам», я подсознательно поймала на себе несколько тяжелых, поджатых взглядов пожилых корейских женщин. В консервативной Корее открытые плечи, ключицы и глубокое декольте до сих пор считались чем-то почти неприличным, на грани фолы — в отличие от экстремально коротких юбок, которые здесь носила каждая вторая студентка.

«Черт, я совсем забыла, где нахожусь», — обреченно

мелькнуло в голове.

Я быстро развязала джинсовую рубашку и накинула её поверх платья, наглухо застегнув на пару средних пуговиц. Сразу стало как-то уютнее, безопаснее, хотя и ощутимо жарче.

Выйдя на своей родной станции, я медленно побрела по полупустым переулкам в сторону дома. На подходе к своему кварталу в Мапхо я невольно, почти механически замедлила шаг возле круглосуточного круглосуточного магазина *CU*.

Возле входа, прямо на потрескавшемся асфальте, сиротливо стояли те самые дешёвые пластиковые синие стулья под выцветшим зонтом.

Я замерла. Сердце предательски пропустило удар.

Именно здесь, всего несколько вечеров назад, мы сидели с Эриком вдвоем. Здесь я, захлебываясь от обиды, усталости и дешевого соджу, выливала на него хаотичный поток своих бессловесных претензий к этому душному городу и к нему самому. А он просто слушал. Позволял мне быть слабой.

Сейчас здесь было абсолютно пусто. Только тусклый, подмигивающий свет неоновой вывески магазина окрашивал пыльный тротуар в ядовито-розовый цвет. Я сделала несколько шагов, подошла к стулу, на котором тогда сидел он, и на секунду прикоснулась ладонью к гладкому пластику. Он был мертвенно-холодным.

Вчера ночью этот мужчина спал в моей кровати, его тяжелое тепло защищало меня от всего мира, а сегодня я даже не

знала, где он находится — в офисе «Мун Групп», в подвалах клуба *Nox* или на очередной деловой встрече. И, что самое пугающее, я поймала себя на том, что подсознательно ищу его высокий силуэт в густых тенях засыпающего Мапхо.

Реванш состоялся. У меня была новая, крупная работа. Завтра я получу свое заслуженное профессиональное признание, в этом я теперь не сомневалась. Но почему тогда это сладкое чувство триумфа казалось сейчас таким хрупким, незавершенным и бумажным?

Я резко отдернула руку от пластикового стула, развернулась и быстрыми шагами пошла к своему подъезду, заставляя себя не оборачиваться. Стальные нити, которыми он опутал мои запястья, может, вчера и лопнули с треском, но их невидимый, обжигающий след на коже всё еще продолжал гореть.

А в голове против моей воли начинали крутиться совсем не нужные, опасные вопросы.

Глава 12

На следующий день я стояла в просторном, залитом утренним светом конференц-холле отеля «The Plaza», чувствуя себя абсолютным, безоговорочным победителем. Вчерашний побег в метро, липкий страх и ночные споры в Мапхо казались далеким сном. Сегодня была реальность, которую я выстроила сама, своей волей.

За огромным овальным столом переговоров из полированного палисандра, инкрустированного матовой сталью, сидели две противоборствующие стихии. С одной стороны — представители калифорнийской «Green Wave Solutions» в безупречных, но чуть более свободных темно-синих костюмах без галстуков. С другой — высшее руководство «Мун Групп». Эрик прибыл ровно в девять ноль-ноль. Он вошел в зал, окруженный своей неизменной, безликой свитой из аналитиков, корпоративных юристов и топ-менеджеров департамента инноваций. Его чебольская броня сегодня была застегнута на все пуговицы. Ни тени усталости, ни намек на то, что этот мужчина еще несколько часов назад сидел на моем диване в Мапхо, лениво покачивая стакан виски. Холодный, отстраненный, монолитный.

Весь день я работала как швейцарские часы. Как безупречно отлаженная машина смыслов.

Это был сложнейший лингвистический бой. Калифор-

нийцы сыпали терминами из области альтернативной энергетики, венчурных опционов и экологических квот Кремниевой долины, а юристы «Мун Групп» в ответ выстраивали глухую оборону из жестких параграфов корейского корпоративного права и налоговых ограничений для иностранных конгломератов. Я не просто механически переводила — я ловила малейшие, едва уловимые интонации сторон. Я ювелирно сглаживала слишком прямолинейные, агрессивные американские формулировки, переводя их на обтекаемый, уважительный язык корейского бизнес-этикета. Но при этом я четко, без малейших потерь передавала жесткую, бескомпромиссную позицию Мун Ён Квана.

Американцы были в полнейшем восторге. Они видели во мне не просто наемный «голос» или технического посредника. Они видели во мне высококлассного профессионала, который на глубинном уровне понимает саму архитектуру сделки, её юридический каркас и финансовые риски обеих сторон. К пяти часам вечера, после сложнейших раундов взаимных уступок, финальный протокол о намерениях был полностью согласован и скреплен размашистыми подписями. Это был абсолютный, чистый триумф. Мой личный реванш над Уолл-стрит и Харрисом.

Корейский «хвесик» — обязательный, священный ритуал корпоративного закрепления сделки — шел полным ходом. В элитном Чхондам-доне успех не пахнет пылью душевных офисов или типографской краской. Он пахнет дорогим

дымом от белых, чистейших углей *бинчотан* и сочным, исходящим искушающим ароматом мраморным жиром говядины *Хану* высшей, первой категории.

В этом закрытом VIP-кабинете ресторана, надежно защищенном от уличного шума Каннама массивными стенами из темного мореного дуба и плотными бамбуковыми ширмами, сделка с «Green Wave Solutions» наконец перестала быть сухим набором цифр на бумаге. Она превратилась в древний ритуал инициации. Для калифорнийских ребят этот контракт с «Мун Групп» был официальным билетом в высшую лигу азиатского рынка. Они радовались, шумно делились планами и искренне расслаблялись.

Эрик сидел во главе стола. В приглушенном, теплом свете низко свисающих дизайнерских ламп его лицо казалось высеченным из цельного куска темного камня. Он предсказуемо не пил дешевое соджу из зеленых бутылок, которое ящиками заказывали обычные люди — перед ним на тонкой салфетке стоял тяжелый хрустальный стакан с янтарным винтажным виски. А стопки для гостей были выполнены из тончайшего, прозрачного императорского фарфора, который, казалось, мог треснуть от одного только его тяжелого, парализующего взгляда. Бесшумные, безликие официанты в традиционных одеждах приносили дорогое вино, стоимость которого наверняка превышала мой месячный гонорар. Личный повар заведения выполнял свою работу прямо перед нами, переворачивая нежнейшие кусочки мяса на гри-

ле бессловесно, идеальными, отточенными до автоматизма движениями.

Я сидела по правую руку от Эрика, на месте главного переводчика, безупречно выполняя свою профессиональную роль. Я переводила бесконечные, витиеватые тосты, аккуратно сглаживала специфические американские шутки, чтобы они не оскорбили консервативных корейских директоров, и вежливо улыбалась тогда, когда этого строго требовал жесткий протокол. Эрик был идеальным, образцовым хозяином вечера: подчеркнуто вежливым и одновременно пугающе, зловеще спокойным. Он почти не притронулся к еде, лишь изредка делая крошечный глоток виски и внимательно наблюдая за тем, как американцы, опьяненные внезапным грандиозным успехом и элитным алкоголем, громко, наперебой обсуждали грядущую экспансию. Для них это был чистый бизнес, триумф стратегии. Для него — нечто совершенно иное. Какая-то своя, скрытая от посторонних глаз шахматная партия, где все мы были лишь деревянными фигурами.

— Ты проделала отличную работу, Нина, — внезапно произнес он по-корейски.

Эрик слегка наклонился в мою сторону, так близко, что его горячее дыхание мимолетно коснулось кожи моей шеи, заставив волосы на затылке встать дыбом. Его голос был тихим, интимным, полностью отрезанным от общего пьяного шума, царившего за столом. Он делал это намеренно. Он

расчетливо покупал меня моим же собственным, уязвимым чувством профессиональной значимости. Он давал мне понять, что этот успех — наш общий. И я, к своему глубокому внутреннему стыду, безвольно велась на эту тонкую манипуляцию, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее.

Позже один из личных, самых доверенных помощников Эрика, Чха Ын Ук, плавно поднялся со своего места. Его движения были безупречно отточены, а на лице блуждала вежливая, отрететированная улыбка-маска, за которой надежно скрывалась холодная корпоративная сталь.

— Господа, — произнес Чха Ын Ук на идеальном, чистом английском языке, обращаясь к сияющей команде из «Green Wave Solutions». — Основная, официальная часть наших переговоров завершена и завершена успешно. Теперь господин Мун лично приглашает вас продолжить этот прекрасный вечер в более неформальной, закрытой обстановке. Нас ждет традиционное корейское гостеприимство и отдых.

Американцы мгновенно оживились, зашумели. Для калифорнийцев это выглядело экзотическим приключением, приоткрывающим завесу над тайной ночной жизнью «настоящего Сеула». Они в своем наивном восторге даже не заметили, что сам Эрик ни разу не взглянул в их сторону. Он не считал нужным опускаться до объяснений, куда именно и зачем они сейчас поедут. Для выполнения подобных деликатных поручений у него были такие преданные люди, как Чха Ын Ук.

Я уже привычно потянулась к сумке и начала собирать свои записи, блокноты и ручки, мысленно готовясь к долготу, изматывающему ночному марафону в элитном караоке-баре или закрытом рум-салоне. Но тяжелая ладонь Эрика, едва ощутимо, но властно коснувшаяся моего локтя, заставила меня замереть на месте.

— Твоя работа на сегодня окончена, Нина, — негромко произнес он. Его глубокий голос звучал тише обычного, легко перекрывая шум отодвигаемых мужчинами тяжелых дубовых стульев.

Я замерла и уставилась на него, не понимая. — Что значит окончена? Я должна сопровождать делегацию на неофициальной части. Это протокол.

— Там будет более чем достаточно переводчиц, — ледяным тоном отрезал он, и его глаза опасно сузились.

Ну конечно. Я прекрасно, до тошноты поняла, что именно значила эта его короткая фраза. Второй, теневой и неофициальный раунд этой бизнес-сделки должен был начаться в закрытом, элитном заведении «для своих» без вывески, надежно спрятанном за тяжелой дубовой дверью в одном из глухих, темных переулков Чхондам-дона. Там, в прокуренных VIP-комнатах, пахло уже не жареным премиальным мясом, а дорогим кубинским табаком, коллекционным алкоголем и циничной, продажной доступностью холеных девушек из эскорта, чья единственная задача — развлекать богатых иностранных инвесторов и уставших чеболей.

— Боишься, что я узнаю, что на самом деле происходит за закрытыми дверями ваших элитных комнат? — ядовито прошипела я ему прямо в лицо на корейском, чувствуя, как изнутри накатывает волна острой, удушающей обиды.

Эрик даже не моргнул. Его лицо осталось абсолютно непроницаемой маской.

— Чха Ын Ук уже всё подготовил для тебя, — Эрик едва заметно, почти призрачно кивнул своему помощнику у дверей. — Моя машина и водитель ждут тебя у главного выхода из ресторана. Отправляйся домой, Нина.

Это не было заботой. Это не было предложением, которое можно обсудить. Это был прямой, жесткий приказ хозяйина империи, искусно упакованный в мягкий, дорогой бархат. Он снова вышвырнул меня за порог своего настоящего мира.

Когда я наконец оказалась в своей квартире в Мапхо, ночная тишина пустых стен показалась мне оглушительной, почти физически давящей. Я обессиленно сбросила Vans у порога, мечтая только об одном — встать под ледяные струи душа, чтобы смыть с себя этот бесконечный, контрастный день. Смыть запах дорогого барбекю, привкус чужого успеха и, главное, те уродливые, ревнивые мысли, которые настойчиво лезли в голову.

«Меня это волновать не должно. Меня это вообще не должно волновать. Это просто его бизнес. Его изнанка. Я знала, на что шла», — как мантру повторяла я самой себе,

глядя на свое отражение в запотевшем зеркале ванной. Но стальные нити на запястьях продолжали ныть.

В районе двух часов ночи, когда я уже погрузилась в тревожный, поверхностный сон, меня внезапно разбудил резкий, требовательный звонок в дверь. Тело мгновенно отозвалось дрожью.

Я знала, кто это. Знала еще до того, как сделала первый шаг к прихожей.

Эрик вошел в квартиру без приглашения, едва я повернула замок. Он сразу же заполнил собой всё скромное пространство коридора, принеся с собой шлейф ночного Чхондам-дона: запах дорогого табака и едва уловимый металлический аромат власти. Он не произнес ни единого слова приветствия. Эрик просто шагнул вперед, жестко перехватил меня за талию и с силой притянул к себе.

В этом резком движении было столько же голодной, первобытной страсти, сколько и агрессивного, абсолютного обладания. Он брал свое. Наш секс в эту ночь был сухим, яростным, отчаянным и полностью лишенным даже намека на какую-либо нежность. Это была настоящая, глухая битва в темноте, где каждый из нас до хрипа пытался доказать сопернику свою независимость и свободу, в глубине души прекрасно зная, что эта война нами обоими уже безвозвратно проиграна. Моя спальня, скудно освещенная лишь холодными неоновыми огнями ночного Сеула за панорамным окном, превратилась в нашу личную, окровавленную арену. В его

сильных руках я чувствовала себя одновременно самой живой, горящей женщиной на планете — и самой уничтоженной, растоптанной вещью.

Позже, когда наше бешеное дыхание наконец выровнялось, Эрик лежал на спине рядом со мной, лениво и отстраненно наблюдая за тонкой струйкой серого дыма от своей сигареты, уходящей в потолок.

— Ты сегодня была чертовски хороша на переговорах в «Плазе», Нина, — нарушил он звенящую, тяжелую тишину спальни. Его голос снова был прежним — бархатным и глубоким. — Легко работалось с калифорнийцами?

— Я более чем довольна своей работой, — тихо ответила я, чувствуя, как к горлу подступает горький ком.

Я медленно перевернулась на бок, лицом в его сторону, и повыше, до самого подбородка, натянула белоснежную простыню, судорожно пытаюсь выстроить между нами хоть какую-то осязаемую защиту. Хрупкую баррикаду из ткани.

— Работой, которую мне, к слову, так великодушно и вовремя подкинул именно ты. Через Пака. Ведь так, Эрик?

Эрик медленно, неторопливо повернул голову ко мне. Его темные глаза в густом полумраке корейской спальни казались бездонными, пугающими провалами, в которых не было ни единой капли человеческого тепла или жалости. Его фирменная, убийственная прямота иногда была под дых гораздо сильнее любого физического удара. Она ломала кости.

— В партнеры нужно всегда искать сильных, Нина, —

спокойно, размеренно произнес он, стряхивая пепел в пепельницу на полу. — Я просто изначально, еще в четверг на рауте, прекрасно знал, что Харрис — самовлюбленный, заносчивый дурак. И я точно знал, что как только его амбиции поглощения разобьются о мою стену, он при первой же своей неудаче трусливо ударит по самому слабому, самому незащищенному звену в этой сделке. По тебе, Нина. По твоей американской лицензии и твоей репутации.

Я замерла, боясь сделать вдох. А Эрик продолжал своим ровным, леденящим тоном кукловода:

— Я намеренно позволил ему это сделать. Я убрал абсолютно все страховки вокруг тебя в тот понедельник. Я заставил тебя переводить мое молчание. Я хотел, чтобы ты своими собственными глазами, без иллюзий, увидела, как на самом деле идет игра в этом реальном мире, а не в твоих красивых бруклинских фантазиях. Переводы интеллектуальных книг — это, безусловно, прекрасное, благородное занятие для твоей романтической, гордой души, но иногда...

— И теперь я, по твоей извращенной логике, должна быть безумно, до гроба благодарна тебе за то, что ты сначала швырнул меня под танк, а потом так изящно «спас» мою карьеру, подсунув мне этих калифорнийцев? — я горько, надрывно усмехнулась, чувствуя. Ну вот, опять начались его страшные, циничные откровения хозяина жизни.

— Ты должна наконец понять одну простую, фундаментальную вещь, Нина, — Эрик медленно протянул руку, ту-

ша сигарету, и невесомо, почти призрачно провел тыльной стороной теплых пальцев по моей горячей, влажной щеке. Его прикосновение обжигало. — В этом городе есть только один-единственный человек, который реально решает, кем ты будешь завтра, где ты будешь работать, на каком языке говорить и сколько вообще будут стоить твои золотые связки на международном рынке. И этот человек прямо сейчас находится в твоей постели.

Я попыталась отстраниться, но его пальцы жестко зафиксировали мой подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Настоящая власть — это не когда ты громко, в истерике кричишь на весь мир, как Харрис, — тихо, как приговор, чеканил Эрик. — Власть — это когда ты один, в абсолютной тишине кабинета, решаешь, кто в этом городе будет услышан и поднят на вершину, а кто будет навсегда, бесследно стерт из памяти и списков. Тебе не нравится, что я контролирую твои шаги? Что я вмешиваюсь в твои переговоры?

— Нет, не нравится! — яростно выдохнула я, пытаюсь вырваться из его хватки. — Моя работа, моя профессия — это моя последняя личная территория, Эрик! Моя единственная крепость, куда я тебя ни за что и никогда не пущу. Спасибо тебе за контакт с Калифорнией, бизнес-урок усвоен. Но дальше я буду справляться сама. Без твоих подачек и твоих показательных клеток!

Эрик ничего не ответил на мой бунт. Он лишь хищно,

лукаво улыбнулся углами губ, внезапно придвинулся вплотную, наваливаясь всем своим тяжелым телом, и, сгребая меня в охапку вместе с простыней, поцеловал — глубоко, властно, затыкая мой крик.

— Тихо, Нина, — прошептал он мне прямо в губы, обжигая их своим дыханием. — Настоящая власть очень тихая. Перестань бороться с ней.

Он снова забирал мой воздух, мой голос, мою хваленую бруклинскую независимость. И самое страшное было в том, что в эту секунду я больше всего на свете хотела подчиниться этому ласковому душителю. Именно в эту душную июньскую ночь, в тишине спальни Мапхо, мы окончательно, безвозвратно сломались друг об друга.

Глава 13

Утреннее солнце Сеула едва пробивалось сквозь тонкие жалюзи, когда я открыла глаза. Место рядом со мной было абсолютно холодным. Эрик ушел на рассвете, оставив после себя лишь едва заметную вмятину на подушке, пустой хрустальный стакан на кухонном столе и слабый, удушающий шлейф своего парфюма.

Чтобы доказать ему — и в первую очередь самой себе, — что я всё еще сама по себе, я упрямо продолжала принимать новые сторонние заказы от корейских коммерческих компаний через агентство. Я отчаянно хотела показать Эрику, что мой голос принадлежит только мне. И что его нельзя купить контрактами из Сан-Франциско.

И это его взбесило. По-настоящему.

Сам Эрик, кажется, до конца не понимал природы этой ярости. В Нью-Йорке моя независимость была нормой, пикантным элементом игры, который его так сильно привлекал. Но здесь, в Сеуле, на его личной, семейной шахматной доске, любая моя попытка действовать автономно воспринималась его тотально контролирующим разумом как прямая угроза безопасности. Как системный сбой, который нужно немедленно, хирургически ликвидировать.

В итоге его невидимый капкан захлопнулся с пугающей, механической точностью.

Меня вычеркнули из списка синхронных переводчиков. Просто бизнес. Ничего личного.

Об этом я узнала от господина Пака. В пятницу утром меня официально вызвал меня в офис.

Офис «Пак Медиа» всегда был моим островком безопасности. Здесь пахло старыми книгами, качественным зеленым чаем и свежей печатной краской. Сегодня офис был пустой — Пак предусмотрительно отпустил всех сотрудников на удаленку. Самое подходящее время, чтобы вручить «черную метку».

Господин Пак выглядел постаревшим на десять лет. Он сидел за своим массивным деревянным столом, медленно перебирая четки из сандалового дерева, и упорно не поднимал на меня глаз.

— Присаживайся, Нина, — тихо сказал он, указывая на свободный стул напротив.

Я села, чувствуя, как внутри меня до предела натягивается струна.

— Господин Пак, можно сразу и точно

— Твои переводы гениальны, дитя мое, — прервал он меня, и в его голосе прозвучала искренняя, отцовская горечь. — В этом-то и заключается вся трагедия. Дело давно не в твоих словах. Дело в том, чью монументальную, страшную тень видят крупные бизнесмены за твоей спиной, когда ты открываешь рот.

Он наконец отложил четки и посмотрел на меня. В его

мудрых глазах было глубокое, усталое понимание.

— «Мун Групп» — это бушующий океан, Нина. А все остальные в этом городе — лишь маленькие деревянные лодки. Если океан начинает штормить по твоему поводу, лодки предпочитают уплыть как можно дальше, чтобы не утонуть первыми. Мне звонили из трех крупнейших ассоциаций переводчиков Сеула. Твое имя официально занесено в негласный стоп-лист для коммерческих, правительственных и деловых переговоров. Тебя больше никто в этой стране не найдет на живой перевод.

Внутри меня горела даже не ярость — горькая, удушающая обида. Он филигранно загнал меня в угол, лишил живого голоса, лишил возможности общаться с внешним миром тем способом, который я выбрала сама. Он запер меня внутри своих фамильных архивов.

— Нам нужно переждать эту бурю, Нина, — тихо, но твердо продолжил Пак. — Я официально прошу тебя нет, я умоляю тебя взять бессрочную паузу в устных синхронных переводах. Займись чистой литературой. Книжки не умеют отказываться от контрактов из-за страха перед чеболями. Переводи мемуары, работай над архивами, над дневниками эпохи Чосон, которые я тебе дал. Это твоя безопасная гавань. Там тебя никто не тронет.

— Хорошо, господин Пак, — ответила я, поднимаясь. Голос мой звучал сухо, безжизненно. — Я займусь книгами. Вы правы. Бурю нужно переждать.

Начался мой персональный ад. Мое личное чистилище в Мапхо.

Эрик не просто проучил меня — он методично, с хирургической точностью отсек меня от внешнего мира, показав, как выглядит его тихая власть в действии. И, что было в сто раз больше, он полностью вычеркнул себя из моей жизни. На мои сообщения он не ответил ни в тот день, ни на следующий. Телефон был мертв, словно абонента по имени Эрик никогда не существовало в этой вселенной. Это было изысканное, садистское унижение в его фирменном стиле. Кабинет на верхнем этаже его шестидесятиэтажной башни из темного стекла был неприступной крепостью, куда не было доступа простым смертным. Эрик наглядно демонстрировал мне мою истинную цену в его сеульском мире.

В Сеуле зарядили бесконечные, тяжелые июньские дожди. Небо над Мапхо стало грязно-серым, а воздух — настолько влажным и липким, что казалось, его можно резать ножом.

Я заперлась дома и работала как проклятая, до кровавых мальчигов в глазах выстукивая по клавишам перевод древних рукописей, пытаясь заглушить текстом удушающую пустоту внутри. Но к полуночи стены квартиры начинали давить на меня так сильно, что я едва не задыхалась.

В корейском высшем обществе имидж — это твердая валюта, цена которой исчисляется миллиардами вон. А вокруг фигуры наследника «Мун Групп» давно циркулировали темные, липкие слухи. В кулуарах пятизвездочных отелей Чхон-

дам-дона шептались, что молодой господин Мун — психопат. Не в метафорическом смысле, а в самом что ни на есть клиническом. Поговаривали о его закрытых частных клиниках в Швейцарии и изолированных VIP-палатах в больнице Самсунг, чьи медицинские карты были уничтожены службой безопасности холдинга еще до того, как чернила успевали высохнуть. Его семья потратила колоссальные ресурсы, чтобы зацементировать эту историю болезни под слоем идеального пиара.

Самое жуткое заключалось в том, что когда на его пути вставали конкуренты, он не устраивал затяжные ценовые войны. Он просто убирал их с шахматной доски. Тихо, безжалостно, стирая целые корпоративные династии с лица земли так, словно их никогда не существовало. Я сама слышала эти слухи в офисе «Пак Медиа» после пары бокалов пива и всегда считала это преувеличением.

До сегодняшнего дня. Теперь я на собственной шкуре ощутила, как эта безжалостная машина стирает человека.

Каждую ночь, ровно в двенадцать, я натягивала старый дождевик и выходила на улицу. Я бесцельно скиталась по темным, размытым неонам переулкам своего района, пока ноги сами, словно по привычке, не приводили меня к круглосуточному магазину *CU* за углом.

Там, под хлипким пластиковым навесом, по которому оглушительно барабанили тяжелые капли дождя, сиротливо стояли те самые синие стулья.

Я садилась на один из них, поджимая под себя ноги в мокрых кедах, брала в руки баночку горячего кофе из автомата — просто чтобы согреть пальцы, — и часами смотрела на стену воды перед собой. Город вокруг меня засыпал, неоновые вывески мокли в лужах, а я упрямо, до боли в груди сидела и ждала. Вглядывалась в каждую проезжающую мимо машину, в каждый высокий силуэт под черным зонтом, надеясь, что из темноты появится он. Что его ледяная броня даст трещину. Что он придет.

В голове крутилась только одна мысль, которую я мечтала выкрикнуть ему в лицо: *«Всё. Хватит. Остановись. Ты всё мне показал. Я приняла твои условия»*. Мне хотелось, чтобы моя ярость, мои американские амбиции, моя гордость наконец перестали разбиваться о его стеклянный небоскреб. Я была готова признать иерархию, лишь бы эта пытка тишиной прекратилась. Лишь бы сломанная птица перестала биться крыльями о прутья.

Но Эрик не шел. Пластик стула оставался мертвенно-холодным. Я была абсолютно, уничтожающе одна.

Дождь со стеной воды почти полностью размывал видимость, превращая перекресток в Мапхо в декорацию к мрачному кино.

Я подняла воротник дождевика, сделала последний глоток остывшего кофе и медленно поднялась со стула, направляясь к своему подъезду. Я шла, глядя себе под ноги, и не замечала ничего вокруг.

Сеул оказался пугающе маленьким городом для нас двоих. В Нью-Йорке можно было раствориться в многоликой, равнодушной толпе Манхэттена, затеряться среди миллионов лиц, прикрывшись старыми наушниками. Нью-Йорк прощал анонимность, он подпитывал её. Сеул же требовал анкету, статус и идеальный фасад. Здесь у каждого переулка были глаза, у каждого высотного здания — уши.

И пока я шла к дверям, пытаюсь склеить осколки своей иллюзорной независимости под угасающим ночным небом, я не знала, что на противоположной стороне улицы, в глубокой тени раскидистого клена, уже второй час неподвижно стоит неприметный серый автомобиль с выключенными габаритами.

Внутри салона, в полумраке, тускло светился маленький экран профессиональной цифровой камеры. Мужчина, сидевший на заднем сиденье, плавно покрутил кольцо длиннофокусного объектива, лоя в фокус лицо Нины, освещенное розовым неоновым вывески *SU*. Щелканье затвора было полностью поглощено шумом сеульского ливня.

Объектив неотрывно вел её до самой двери подъезда, делая четкие, серийные снимки: её поникшие плечи, мокрые волосы. Человек в машине сделал еще несколько кадров, а затем опустил камеру и набрал короткое сообщение на телефоне, отправляя его на защищенный европейский сервер.

Игра, развернувшаяся на улицах Сеула, была гораздо масштабнее и грязнее, чем думала Нина. И самое страшное бы-

ло в том, что об этом третьем, невидимом наблюдателе, который взял американку на прицел, пока еще не знал даже сам всемогущий Мун Ён Кван.

Глава 14

Дома меня ждала оглушительная, тяжелая и почти физически давящая тишина.

Я не стала включать свет в прихожей. Зачем? Чтобы еще раз увидеть в зеркале бледную тень женщины, у которой отобрали голос? Я просто прошла вглубь темной гостиной, села на подоконник напротив огромного панорамного окна и, обняв колени, молча смотрела на то, как ночной Сеул лениво загорался миллионами неоновых огней. Отсюда, с высоты Мапхо, мегаполис казался раскинувшимся до самого горизонта гигантским стеклянным ульем, где у каждого была своя ячейка, свой жесткий регламент и своя цена. У всех, кроме меня. Меня из этой системы просто вычеркнули.

В районе трех часов ночи, когда город наконец немного притих, а зной уступил место предрассветной прохладе, мой телефон на прикроватной тумбочке резко завибрировал. Звук разорвал ночную дремоту, как выстрел.

Я вздрогнула, и сердце предательски пропустило удар. Подсознательно, с глупой, рабской надеждой я ожидала увидеть на экране сообщение от Эрика. Одно слово. Один знак того, что изоляция окончена. Но дисплей настойчиво мигал совершенно другим, полузабытым именем.

На экране светилось: *Emmy J.*

Эмми. Мой бывший координатор из первого лингвисти-

ческого агентства в Нью-Йорке. Я плотно подрабатывала у неё на фрилансе, когда только-только поступила в Колумбийский университет, перебиваясь случайными заработками и еще даже не зная о существовании господина Пака. Мы не общались уже несколько месяцев, хотя время от времени, помня о моей безупречной репутации, она подкидывала мне редкие, но безумно дорогие заказы. Чисто на американской земле.

Я нащупала трубку на тумбочке и смахнула блокировку экрана. — Алло? — мой голос прозвучал хрипло, с явными следами накопившейся за эту адскую неделю усталости.

— Нина, дорогая! Прошу прощения за такой дикий, непотребный час, я совершенно запуталась в этих чертовых часовых поясах! — голос Эмми в трубке был привычно милым, быстрым, кокетливым, но в нем отчетливо слышалось странное, глубокое напряжение, совершенно ей не свойственное. — Ситуация абсолютно экстренная, форс-мажор. Мне только что передали крупный, полностью закрытый заказ. И клиент категорически, до инея на проводах, настаивает, чтобы переводила именно ты. Сказал, что ему нужен лингвист исключительно с жесткой нью-йоркской школой синхрона. Я сообщила, что ты сейчас находишься в Южной Корее, и, представь себе, это заказчика очень устроило! Кажется, он американец корейского происхождения. Короче говоря, он сейчас тоже в Сеуле, но связался с нами через нью-йоркский офис в поисках проверенного человека.

Я помассировала переносицу, заставляя затекший мозг соображать в три часа ночи. — Эмми, в Сеуле сейчас глубокая ночь... Что за заказ? Какой профиль? Юриспруденция? Финансы?

— В том-то и дело, что нет! Ему нужно перевести старые, рукописные семейные дневники и мемуары его дальнего родственника для личного архива семьи в Штатах. Странный запрос, правда? Человек сидит в Корее, на родине лучших переводчиков, но ищет конфиденциальной помощи именно у «своих» из Нью-Йорка, демонстративно обходя все местные сеульские бюро. Нина, я озвучила ему просто астрономическую, запредельную цену, учитывая срочность, ночной звонок и логистику. Думала, откажется. Но он согласился вообще не глядя! Наоборот, мгновенно перевел на наш счет тройной депозит. Ты в деле?

— Хорошо, Эмми. Спасибо. Пришли мне детали почтой, я посмотрю спецификацию утром, — прошептала я, чувствуя, как по спине между лопаток пробежал странный, липкий холодок.

Я медленно опустила телефон на колени, продолжая смотреть на неоновые капилляры Сеула.

Эрик перекрыл мне кислород в этой стране. Он внес мое имя в глухие черные списки всех местных коммерческих и правительственных ассоциаций. Он думал, что запер меня в четырех стенах. Но кто-то в этом городе оказался достаточно умен, влиятелен и, главное, циничен, чтобы легко пере-

бить его королевскую ставку. И этот «кто-то» обратился за помощью через полмира, разыскав мое старое, пыльное американское агентство. Кто-то очень смелый..

Ровно в девять часов утра я набрала указанный в письме Эмми корейский номер. На том конце провода мне ответил мужчина с безупречным, лениво-валяжным английским языком. Никакого намека на корейский акцент — чистый, породистый выговор потомственного уроженца Верхнего Ист-Сайда.

Незнакомец вежливо, но абсолютно безапелляционно настоял на том, что сам приедет за мной машину. Он коротко пояснил, что временно живет далеко за пределами Сеула, в провинции, а начать работу необходимо как можно скорее, поскольку «объем рукописного текста колоссальный, а время не ждет».

И ровно через час у подножия моего скромного дома в Мапхо уже послушно урчал мощным двигателем белоснежный спортивный кабриолет.

Мы стремительно оставили душные, раскаленные бетонные джунгли Сеула позади. Городской пейзаж за окном быстро сменился сочной, густой, почти изумрудной зеленью элитного закрытого конного клуба, запрятанного в холмах провинции Кёнгидо. Стоило мне выйти из машины у главного здания, выполненного из дорогого темного дерева и камня, как в нос ударил резкий, концентрированный запах: дорогой обработанной кожи, свежескошенной утренней травы

и конского навоза. Это был честный, приземленный и безумно дорогой запах загородного богатства, который мгновенно, как щелчком, выбивал из головы любые мысли о стерильных зеркальных небоскребах Каннама и давящей роскоши отеля «Плаза». Здесь пахло старыми, легализованными деньгами.

Пожилой кореец в безупречной ливрее и белых перчатках молча, коротким поклоном пригласил меня следовать за ним. Он проводил меня к открытой деревянной террасе, расположенной у самого тренировочного манежа.

За угловым столиком в полном одиночестве сидел мужчина. На нем не было привычного для сеульских боссов строгого, застегнутого на все пуговицы делового костюма — лишь простая льняная рубашка глубокого синего цвета с небрежно, хаотично закатанными до локтей рукавами. А на столе, несмотря на ранний утренний час, уже стояла в тяжелом серебряном ведре со льдом запотевшая бутылка баснословно дорогого шампанского.

— Всё еще носишь свои дурацкие кеды, Нина? — негромко произнес он, внимательно глядя на меня через непроницаемые темные очки.

Его английский был безупречен, с тем самым легким, едва уловимым нью-йоркским апломбом. — В Нью-Йорке, на Пятой авеню, они смотрелись на тебе куда органичнее, дорогая. Здесь, в Сеуле, они выглядят как затянувшаяся и не очень удачная попытка побега.

Я замерла на самом пороге террасы, чувствуя, как внут-

ри все инстинкты завопили об опасности. Этот голос. Этот издевательский, скользящий тон. Я никогда не видела этого человека вживую, лицом к лицу, но его породистое, чертовски красивое и донельзя циничное лицо слишком часто мелькало в корейской светской хронике и таблоидах рядом с фамилией Мун. Только, в отличие от стерильного, идеального пиара Эрика, имя этого парня всегда шло в контексте громких корпоративных войн, ночных дебошей в закрытых клубах Итэвона и бесконечных судебных исков от акционеров.

— Кан Джу Вон, — я не спрашивала, я просто сухо констатировала факт, чувствуя, как внутри до предела натягивается невидимая струна.

— Для близких друзей — просто Джулиан, — он наконец медленным движением снял очки и ослепительно, живо улыбнулся. В его глазах плясали опасные, искрящиеся чертики. — Но раз уж ты приехала сюда с таким суровым, почти прокурорским выражением лица, мы можем начать сразу с официозного «Господин Кан». Садись, Нина. Шампанского?

— Слишком рано для алкоголя, господин Кан, — я холодно опустила в глубокое плетеное кресло напротив него, аккуратно поставив сумку на деревянный пол. — Вы могли нанять любого топового переводчика в Сеуле. Одним щелчком пальцев. Учитывая вашу... известность и колоссальные ресурсы вашей семьи. Зачем весь этот цирк с фриланс-агентством в Нью-Йорке?

Джулиан весело, от всей души рассмеялся. Его смех был громким, подвижным, абсолютно живым — полная, оглушительная противоположность редким, скупым и леденящим кровь усмешкам Эрика.

— В этом чертовом городе любые секреты живут меньше, чем утренняя газета, дорогая моя, — Джулиан сделал неторопливый глоток из своего хрустального бокала, явно смакуя момент моего замешательства. — Я прослышал в кулуарах, что ты чертовски хороша в своем деле. А мой дорогой кузен, Мун Ён Кван, как никто другой в этой стране, знает толк в исключительном, штучном качестве. Я же с детства привык забирать себе только самое лучшее. К тому же... я безумно люблю разгадывать сложные, чужие загадки. Игры — это ведь так весело, тебе не кажется?

— Видимо, свежие слухи к вам сюда запаздывают, — я демонстративно огляделась по сторонам, оценивая масштабы конного клуба. — Далековато вы живете от Сеула, господин Кан. Мой голос больше ничего не стоит на рынке. Я «черный лебедь», забыли?

Джулиан опять заразительно рассмеялся, но в этой веселости не было тепла. Он внезапно подался вперед, положив локти на столик, и его глаза опасно, хищно блеснули в утренних лучах солнца.

— Я ведь видел вас вдвоем, Нина. Полгода назад, в Нью-Йорке, возле закрытого клуба «Вее». Эрик тогда смотрел на тебя так, словно ты — какой-то редчайший, бесценный ар-

тефакт, который он случайно нашел в мусорном баке и за-чем-то решил оставить себе, нарушив все правила гигиены. Он всегда менял женщин как дорогие перчатки, выкидывал их из своей жизни еще до того, как они успевали запомнить его полное имя. Но ты... Ты как заевшая, проклятая пластинка в его идеально отформатированной, роботизированной голове. Он просто не может тебя выключить. Зачем он притащил тебя сюда, в Сеул, Нина? Что за шоу вы устроили в деловом квартале Каннама?

— Я нахожусь здесь исключительно по работе, — отрезала я, чувствуя, как под кожей начинает медленно циркулировать привычный лед. — Мой контракт с «Пак Медиа»...

— Ой, только не надо мне лгать, ладно? Избавь меня от этой скуки, — Джулиан поморщился, недовольно махнув рукой, на запястье которой блеснули коллекционные часы стоимостью в хорошую квартиру. — В этой консервативной, насквозь прогнившей стране никто, слышишь — никто не прилетает из Нью-Йорка «просто по работе», когда за её спиной невидимой, монументальной тенью стоит наследник «Мун Групп». У него в подчинении целый штат первоклассных лингвистов, готовых ради одного его взгляда сдать свои дипломы и души в утиль. Чем именно ты его зацепила, Нина? Какой у тебя секрет?

— Вы наняли меня через Эмми, чтобы я перевела какие-то старые записи для вашей семьи, — я сделала глубокий, медленный вдох, изо всех сил стараясь держать ли-

цо и не поддаваться на его дешевые, скользкие провокации. — Это единственная причина, по которой я здесь нахожусь. Другие услуги — информационные, аналитические или личные — я не оказываю. Сколько у меня времени на ознакомление с текстом?

Джулиан лукаво прищурился, откинувшись на спинку плетеного кресла. На тренировочный манеж в этот момент как раз вывели огромного вороного жеребца. Конь заметно нервничал, дико прядал ушами, шумно, прерывисто фыркал и косил крупным глазом в сторону густых декоративных туй, обрамлявших дальний конец гостевой парковки. Животное словно на инстинктах чувствовало там чье-то чужое, глубоко неестественное присутствие.

Джулиан на секунду скользнул быстрым взглядом по кустам вслед за конем, его брови едва заметно дрогнули, но он даже не обернулся. Всё его хищное, концентрированное внимание было по-прежнему приковано ко мне. Он смотрел на меня так, как смотрят увлеченные энтомологи на какую-то экзотическую, неведомую бабочку, которая по глупой ошибке залетела в банку к ядовитому пауку.

Я поняла всё без слов. Он использовал эту дурацкую рукопись как идеальный, юридически чистый предлог. Ему просто жизненно необходимо было вытащить меня на свою личную, полностью защищенную территорию, подальше от всевидящего ока и прослушек его кузена.

— Ладно, Нина. Вижу, ты настроена на суровый, скучный

бизнес. Никакого шампанского и девичьих секретов, — Джулиан лениво щелкнул пальцами в воздухе.

Помощник, до этого момента неподвижно и беззвучно стоявший в густой тени деревянной колонны террасы, тут же подошел к столу и бережно положил перед нами увесистую, массивную папку. Кожаный темный переплет был сильно потертым по краям, а бумага внутри — пугающе пожелтевшей, хрупкой и явно ломкой от времени.

— Это личные дневники моего прапрадеда, — тон Джулиана мгновенно, в одну секунду сменился на серьезный, деловой, хотя в глубине его темных зрачков всё еще плясали опасные, издевательские чертики. — Он был одним из тех безумцев, кто в прошлом веке строил самый первый, кровавой и грязный фундамент того, что сегодня во всем мире гордо называют «Мун Групп». В те времена они с предками Эрика были не просто коммерческими партнерами — они были связаны одной кровью, общими тайнами, предательствами и грехами. Моя ветвь семьи, которая сейчас живет в Штатах, очень «американская». Они хотят издать эти мемуары в Нью-Йорке как дань памяти. Мне нужен перевод, который передаст не просто сухой текст, а сам... жестокий дух той эпохи. Саму изнанку.

Я осторожно, едва дыша, протянула руку и коснулась кончиками пальцев пожелтевших страниц. Из папки отчетливо пахло сыростью, архивной пылью и старым временем. Это был колоссальный, невероятный вызов для лингвиста. Слож-

ный, глубокий художественный перевод, требующий месяцев кропотливой работы с историческими контекстами.

Но я прекрасно понимала: Джулиану было абсолютно плевать на прапрадеда и его мемуары.

Он привез меня сюда, чтобы детально изучить. Ему, видимо, до боли в зубах, до нервного тика было интересно: что же в этой бледной нью-йоркской девчонке такого особенного? Красивая? Да, безусловно. Умная? Очевидно. Но Эрик Мун мог получить абсолютно любую женщину этого мира — от голливудских актрис первой величины до дочерей премьер-министров и наследниц европейских конгломератов. Почему же он мертвой хваткой вцепился именно в меня? Почему он держит эту хрупкую игрушку рядом с собой, ломая ради неё собственные жесткие корпоративные графики и устраивая бесконечные бесконтактные войны на лингвистическом рынке Сеула?

Джулиан внезапно снова подался вперед, и его лицо окончательно потеряло всякое беззаботное выражение плейбоя. Маска слетела. *Mask dropped.*

— Мне просто безумно интересно, Нина... — тихо, почти интимно произнес он, и в его голосе впервые прорезалась та самая фамильная, леденящая кровь порода Мунов, от которой хочется бежать без оглядки. — Ты вообще отдаешь себе отчет в том, с кем ты спишь? Насколько Эрик клинический, законченный психопат, если он хоть на секунду ослабит свой хваленый, искусственный самоконтроль?

Я замерла, переставая дышать. Мои пальцы так и остались лежать на пожелтевшей странице дневника.

— Мне очень интересно, меня просто распирает от любопытства, — продолжал Джулиан, и на его губах заиграла змеиная, торжествующая улыбка. — Если ты всё это прекрасно знаешь... то почему ты, черт возьми, до сих пор здесь, в Сеуле? Почему ты упрямо продолжаешь играть с ним в эти опасные кошки-мышки, вместо того чтобы купить билет в один конец до JFK и бежать из этой страны без оглядки? Что именно удерживает тебя рядом с монстром?

Хотела бы я и сама знать точный ответ на этот вопрос. Потому что пока вокруг меня были только мужчины, которые пытались выдрессировать меня под какой-то свой, известный только им проект.

— Господин Кан, — я подняла на него свой самый холодный, прямой и несгибаемый взгляд, собирая остатки гордости в кулак. — Я — профессиональный переводчик. Очень хороший переводчик. И я работаю не на «Мун Групп» и не на Эрика лично. В Сеул я приехала по официальному приглашению «Пак Медиа». Если вы выгнали меня в этот конный клуб только для того, чтобы вовлечь в свои грязные семейные или корпоративные войны с кузенком — я пас. Я не участвую в подобных играх. Всё, чем я могу вам помочь — это сделать безупречный, качественный перевод этих рукописей за те безумные деньги, что вы заплатили агентству. Так что давайте определимся прямо сейчас, пока машина не

уехала: вам нужен высококлассный лингвист или собутыльник для кулуарных сплетен?

Джулиан несколько секунд молча, не мигая, смотрел на меня, словно переваривая мою арктическую наглость. А затем снова сокрушительно, оглушительно рассмеялся, откинувшись на спинку кресла и восторженно, как ребенок, хлопав в ладоши.

— Ты потрясающая! Нет, правда! — сквозь смех выдохнул он, вытирая пальцем уголок глаза. — Ты отчаянно пытаешься казаться невинной дурочкой, но при этом у тебя зубы поострее, чем у половины директоров нашего совета правления холдинга. Мы определенно будем отличными друзьями, Нина. Просто лучшими!

Он резко замолчал и многозначительно, медленно кивнул головой в сторону дальней гостевой парковки клуба, где среди аккуратно подстриженных декоративных кустов стояли редкие дорогие автомобили.

— Но должен тебя огорчить, дорогая. Ты можешь сколько угодно закрывать глаза, можешь прикрываться своими контрактами со стариком Паком и делать вид, что тебя это всё не касается. Но если ты упрямо не хочешь видеть то, что происходит вокруг тебя, это вовсе не значит, что тебя саму в этом городе никому не видно.

Я резко обернулась, инстинктивно следуя за его тяжелым взглядом.

Там, на раскаленном асфальте парковки, прямо рядом с

белоснежным кабриолетом Джулиана действительно застыл тяжелый черный седан с наглухо поднятыми тонированными стеклами. Сердце упало куда-то в бездну. Эрик? Он выставил за мной наружное наблюдение? Что?

— Это разве не за тобой хвост? — Джулиан откровенно забавлялся, с садистским удовольствием глядя на то, как я стремительно бледнею. — Правда в том, Нина, что ты уже по самые уши в нашей семейной игре. И твой Ледяной принц ни за что не выпустит тебя со своего шахматного поля живой.

— Если вы хотите, чтобы я сделала перевод, мне нужно работать, господин Кан, — я резко поднялась со своего места, судорожно, до боли в пальцах прижимая к груди увесистую кожаную папку со старыми дневниками его прапрадеда. Мои руки слегка дрожали, но я изо всех сил старалась этого не показывать. — Пожалуйста, прикажите вашему водителю отвезти меня обратно в город. Прямо сейчас.

— Как угодно, моя прекрасная системная ошибка, — Джулиан тоже поднялся, его улыбка была широкой, хищной и предвкушающей. — Забирай рукописи. Изучай. Мы ведь только-только начали наш первый, ознакомительный раунд.

Я почти бегом, спотыкаясь, направилась к выходу с террасы, мечтания об одном — поскорее скрыться от его пронизательных, видящих насквозь глаз.

Джулиан Кан остался стоять у стола. Он лениво потянул-

ся, собираясь допить шампанское, как вдруг его взгляд снова зацепился за тот самый черный седан, на который он только что указал Нине. Машина медленно, бесшумно тронулась с места, разворачиваясь вслед за уходящей девушкой. И в этот момент полуденное солнце под определенным, острым косым углом полоснуло по лобовому стеклу седана, на долю секунды сделав его прозрачным для наблюдателя сверху.

Джулиан замер с бокалом в руке на полпути к губам.

Внутри салона, на переднем пассажирском сидении, сидел мужчина. В его руках была профессиональная цифровая камера с огромным, тяжелым длиннофокусным объективом, направленным ровно на удаляющуюся Нину. И это был точно, стопроцентно не человек из личной охраны Мун Ён Квана. Служба безопасности Эрика использовала другие лица, другие премиальные марки машин и совершенно иной, чистый и незаметный корпоративный почерк. Эти люди в седане работали грязно, торопливо и... чуждо.

Вальяжная улыбка Джулиана мгновенно испарилась, обнажив жесткий, холодный, истинно муновский оскал. Чертики в его глазах мгновенно сдохли. Он медленно, со стуком опустил бокал на стол, провожая седан тяжелым взглядом.

«О как, — отстраненно подумал Джулиан, доставая из кармана брюк телефон. — Значит, за Бруклин цепляется не только мой дорогой братец. Кто-то еще открыл в Сеуле сезон охоты на эту птичку. И Эрик об этом ни хрена не знает».

Спустя секунду в ледяной тишине обсидианового кабинета на верхнем этаже бизнес-центра «Мун Групп» тускло мигнул экран телефона Эрика.

Пришло сообщение от Джулиана.

Эрик небрежным движением разблокировал экран. На дисплее высветился снимок черного автомобиля с крупным планом номерного знака. И короткая подпись внизу:

«Подарок тебе».

Джулиан прекрасно знал, что делает. Он просто принес эту добычу на порог к главному хищнику Сеула. Он знал природу Эрика: его издерганному, деструктивному мозгу, запертому в тишине и игноре, сейчас жизненно необходима была кровь. Джулиан буквально скормил ему этих людей, давая Эрику легальный повод выпустить своих демонов с поводка и разорвать любого, кто посмел приблизиться к его «антидоту».

И пока я ехала на заднем сиденье кабриолета обратно в Мапхо, подставляя лицо прохладному встречному ветру и совершенно не понимая, какое колоссальное, уничтожающее торнадо начинает закручиваться вокруг моей головы. Слова Кан Джу Вона о клинической безумии Эрика набатом стучали в моих висках, отдаваясь физической болью. Я упрямо, как безумная, прижимала к себе эту новую кожаную папку как щит.

Глава 15

Июль обрушился на Сеул удушливым, липким маревом. Город переключился в режим выживания: раскаленный асфальт исходил сизым паром, а тяжелый, перенасыщенный влагой воздух казался осязаемым, почти жидким. Кондиционеры в коворкингах и кофейнях надрывно гудели, пытаюсь изгнать субтропическую жару, но стоило сделать шаг на улицу, как легкие заполняла плотная, горячая взвесь из выхлопных газов и запахов раскаленного мегаполиса.

Я пыталась спрятаться от этого города в архивных записях. Но настоящей проблемой стали не трудности перевода, а внезапное, оглушительное молчание Мун Ён Квана.

После нашей последней тяжелой встречи Эрик словно испарился. Он не появлялся, он полностью игнорировал меня. Я несколько раз пыталась написать ему, один раз даже позвонила, когда лавина мыслей стала невыносимой. Но на экране неизменно оставалось сухое «Доставлено», а в трубке раздавались длинные, равнодушные гудки. Это молчание изматывало сильнее его жестких рамок. Оно лишало меня последней опоры.

Зато Джулиан появлялся в моей жизни с регулярностью и бесцеремонностью навязчивой рекламы. Наше общение быстро превратилось в бесконечный, изнуряющий танец на грани жесткого сарказма.

В первый раз он перехватил меня в Старбаксе на Мапхо. Я уныло ждала свой заказ, когда над ухом раздался его вкрадчивый, слишком бодрый для девяти утра голос:

— Айс-американо? Серьезно, Бруклин? Этот напиток буквально пахнет офисным конформизмом и депрессией. Забирай сумку, мы едем в Инчхон есть королевских крабов.

— Джулиан, я никуда с тобой не поеду, — я попыталась обойти его, но он преградил мне путь, сверкая своей белозубой улыбкой плейбоя.

— Обижаешь. Крабовые клешни сами себя не разломают, а тебе жизненно необходим йод для стимуляции мозговой деятельности. Ты выглядишь так, будто три дня переводила инструкции к корейским стиральным машинам.

В Инчхон я, конечно, не поехала, но крабов он в итоге заказал прямо к моему подъезду — в огромном термобоксе, с запиской: «Не благодарю, спасаю твою *mental stability*».

Второй раз был еще абсурднее. Было около двух часов ночи. Накатила удушливая сеульская жара, мой мозг перестал воспринимать буквы и слова, и я в растянутой домашней футболке, с пучком на голове и в стоптанных шлепках поплелась в круглосуточный CU на углу за дынным мороженым Melona. Я стояла у открытого холодильника, прислонившись лбом к ледяному стеклу, когда сзади раздалось вежливое покашливание. Я обернулась и чуть не выронила пачку мороженого. Джулиан сидел на пластиковом стуле прямо внутри минимаркета — в безупречном дизайнерском

смокинге, с расстегнутыми на верхние пуговицы шелковой рубашкой, а в руке держал... баночку бананового молока за полтора доллара.

— Ты что здесь делаешь? И почему в смокинге?! — прошипела я, оглядываясь на заспанного кассира.

— Скучал на унылом благотворительном приеме в «Шилле», — Джулиан вальяжно закинул ногу на ногу, салютуя мне баночкой молока. — Сбежал через черный ход. Вспомнил, что одна строптивая переводчица живет неподалеку и наверняка страдает бессонницей или корпит над очередным печатным творением. Решил заскочить за молоком.

Я скрестила руки на груди, окинув его ледяным, полным скепсиса взглядом, и ядовито усмехнулась:

— Конечно. Это ведь единственный круглосуточный магазин в этом городе, Джулиан, и только здесь есть банановое молоко. Конечно. Какое потрясающее совпадение.

Джулиан даже бровью не повел. Он лишь тихо рассмеялся, отпивая из баночки, и в его глазах блеснул опасный, азартный огонек:

— Раскусила, Бруклин. Одобряю твой выбор, кстати, — он кивнул на дынный лед в моей руке. — Садись. Составлю тебе компанию.

Наши диалоги всегда были полны таких взаимных подколов. Я огрызалась, злилась, но раз за разом ловила себя на том, что иду с ним пить кофе. Просто чтобы не сойти с ума в

четырёх стенах от той звенящей, удушающей тишины, которую оставил после себя Эрик. Джулиан был моим легальным наркотом.

Он шутил, паясничал, травил байки о сеульской элите, но при этом оставался чертовски профессионален в одном: он ни разу, ни единым словом или намеком не обмолвился о том, куда пропал глава «Мун Групп». Хотя «пропажей» это сложно было назвать. По телевизору его показывали регулярно. Эрик жал руки министрам, открывал новые логистические узлы в Пусане, резал красные ленточки. Он существовал везде — в новостях, на билбордах, в разговорах прохожих. Везде, кроме моей жизни.

И Джулиан, заталкивая в рот очередное пирожное, смотрел на эти экраны вместе со мной, а потом переводил на меня свои пронизательные глаза и с улыбкой говорил:

— Ну что, Бруклин, погнались кататься по ночному городу? Врубим музыку погромче, чтобы заглушить этот пафосный мир холдингов.

В один из таких дней, после встречи с Ниной, Джулиан без предупреждения вошел в главный кабинет Эрика на верхнем этаже бизнес-центра. Атмосфера в комнате была ледяной — мощные кондиционеры работали на максимум, отсекая июльскую жару. Эрик сидел за столом из черного обсидиана, просматривая отчеты. Его лицо казалось высеченным из мрамора.

Джулиан вальяжно опустился в кресло, закинув ногу на ногу, и бросил на полированную поверхность журнального столика ключи от машины. Маска беззаботного плейбоя на мгновение соскользнула с его лица.

— Я вижу, мой подарок пришелся тебе по душе, брат, — Джулиан смотрел на брата и продолжил: — Вообще, удивительно смелые люди, не находишь? Они решили, что нашли твое слабое место.

Эрик даже не поднял глаз от документов, но воздух в кабинете, казалось, упал еще на несколько градусов.

— Они ошиблись. У меня нет слабых мест.

— Теперь они тоже это знают, — Джулиан подался вперед. — Удивительно, конечно, насколько люди могут быть глупы, что игнорируют не только свои инстинкты, но и слухи. Удивительно.

Эрик медленно поднял глаза. Его взгляд был настолько тяжелым и фиксирующим, что Джулиан невольно напрягся.

— Ты закончил? — негромко спросил Эрик. Его голос звучал пугающе спокойно.

Джулиан усмехнулся, но в этой усмешке не было прежнего задора. Он внимательно смотрел на брата, словно складывал в голове сложнейший пазл.

— Знаешь... я долго не мог понять, что именно в ней

такого есть, — тихо, почти заворуженно произнес Джулиан. — Она не модель, не дочь министра, колючая, упрямая бруклинская девчонка. Но сейчас, глядя на то, как ты из-за неё перевернул весь Сеул... Я наконец понял. Ты нашел в ней тишину, Эрик.

Эрик ничего не ответил. Он просто смотрел на брата, и это глухое, темное молчание было красноречивее любых слов.

— Это же факт, — продолжал Джулиан, чувствуя, как по спине пробегает легкий холодок от взгляда кузена. — Рядом с ней твоя издерганная, деструктивная, больная психика стабилизируется. Её голос, её упрямство — это твой личный белый шум, который глушит твоих внутренних демонов. Она дает тебе покой. Но ты понял, что попал в зависимость? Именно поэтому ты сейчас залег на дно и игнорируешь её? Ты боишься, что эта девчонка контролирует твой разум сильнее, чем совет директоров. Я прав?

Эрик по-прежнему молчал. Он лишь на секунду крепче сжал перьевую ручку в руке, и по этому едва заметному движению побелевших пальцев Джулиан понял: он попал точно в цель. Он открыл главную, самую охраняемую тайну Мун Ён Квана.

Семья Мун никогда не была просто богатой. В Южной Корее термин «чеболь» ассоциируется с деньгами и политическим весом, но в случае Мунов это было нечто большее — кастовость, уходящая корнями в древнюю королевскую аристократию. Их влияние веками впитывалось в корейскую землю вместе с кровью и золотом. Они управляли жизнями людей задолго до того, как в Сеуле появились первые стеклянные небоскребы.

Но у древней, слишком чистой крови всегда есть обратная сторона. Вырождение, скрытые ментальные девиации и пороки, о которых в клане было принято молчать под угрозой смерти.

1998 г.

Лето в семейном поместье на острове Чеджу, над заливом неделями висело душное предгрозовое марево. В огромной гостиной из белого мрамора тогда пахло дорогими лекарствами и тяжелым, удушающим страхом. Врачи, выпианные из Швейцарии и Америки, сидели с опущенными головами перед председателем Муном. Они только что озвучили диагноз старшего наследника — клинический психопатизм: отсутствие эмпатии, неспособность распознавать чужую боль. Мозг семилетнего Эрика работал как стерильный, деструктивный компьютер, генерирующий постоянное, из-

нуряющее внутреннее напряжение. В те дни маленький Мун Ён Кван мог часами сидеть в абсолютной темноте, методично и без единого звука ломая крылья пойманной на террасе чайке. Его личный шторм уже тогда требовал чьей-то крови, а взрослые в панике искали решение по всему миру.

Но всё произошло абсолютно случайно. В один из дней на виллу приехала сестра отца со своим сыном, маленьким Кан Джу Воном. Шестилетний Джулиан был обычным, несносным, живым ребенком.

Джулиан просто забрел в комнату к Эрику, волоча за собой огромную коробку игрушек. Не спрашивая разрешения, он устроился прямо на ковре, заваленном сложными чертежами и какими-то взрослыми бумагами. Он вел себя как хозяин мира: громко напевал глупую детскую песню, без умолку болтал, комментировал каждое свое движение и разыгрывал целые баталии со своими пластиковыми солдатиками. Вокруг него стоял сплошной, непрекращающийся, чистый детский шум.

И случилось то, что швейцарские профессора позже назовут чудом, аномальной биологической стабилизацией. Стоило этому шуму заполнить комнату, как Эрик замер. По какому-то необъяснимому природному коду, голос младшего брата, его смех и эта хаотичная суeta подействовали на его изнуренную психику как мощнейший транквилизатор. Внутренний шторм в голове Эрика, этот вечный, сводящий с ума гул, впервые затих. Медицинские датчики, закреплен-

ные на его запястье, зафиксировали, как пульс семилетнего психопата стремительно замедляется, выравниваясь до идеальной, здоровой нормы.

Эрик долго, замороженно и молча смотрел на поющего Джулиана своим тяжелым, немигающим взглядом. А потом... просто спокойно сел рядом и вернулся к своим делам. Без единой вспышки агрессии он принялся методично высчитывать и строить невероятно сложные, геометрически безупречные замки из Лего. Джулиан продолжал шуметь, а Эрик внутри этого шума наконец-то обрел свой покой.

Взрослые застыли на пороге, боясь пошевелиться. Отец Джулиана, человек амбициозный, мгновенно понял, какую ценность представляет его сын для будущего главы холдинга, и с этого дня фактически привязал Джулиана к Эрику невидимой, но прочной цепью. Они спали в соседних комнатах, ездили только вместе, дышали в один такт. Эрик, не способный на человеческие чувства, привязался к брату страшной и собственнической «любовью». Джулиан стал его вещью. Его личным артефактом, неприкосновенность которого каралась смертью.

2005 г.

Закрытый британский пансион «Хэрроу»

Джулиану было тринадцать, а Эрику четырнадцать. Он до сих пор помнил тот день в мельчайших, леденящих душу деталях: плотные английские тучи, пахнет дождем, сырой

землей и старым викторианским кирпичом. Четверо старшекласников-британцев зажали высокомерного корейского мальчишку в тупике за спортзалом. Толчок в грудь, разбитая губа, издевательский смех. Они собирались проучить чужака.

Эрик узнал об этом через десять минут. Он пришел один. Четырнадцатилетний Мун Ён Кван не кричал, не звал охрану. В его глазах не было подростковой ярости — там царила идеальная, мертвая пустота. Он ударил лидера компании первым. Четко, профессионально, сокрушительно. Слышался сухой, мерзкий хруст ломающихся костей. Одноклассники застыли в ужасе, не в силах пошевелиться — они впервые видели перед собой не сверстника, а хладнокровного хищника.

Эрик методично, с каким-то хирургическим садизмом вбивал лицо парня в мокрый гравий. Раз за разом. Тяжелый ботинок опускался на чужую грудную клетку. Кровь брызжет на серую школьную форму, но он даже не морщится. Его лицо кажется маской, высеченной из камня. Эрик замер только тогда, когда обидчика едва спасли подоспевшие врачи.

Тогда тринадцатилетний Джулиан впервые заглянул в бездну своего брата. Семье Мун пришлось выплатить баснословные миллионные компенсации, чтобы замять международный скандал и спасти Эрика от тюрьмы. Но Джулиан... Джулиан не сбежал. Он принял этого монстра. Он понял, что Эрик защищает его мир так, как умеет. Насмерть.

Вскоре после того случая его мать, не выдержав вечного, удушающего страха за сына, подала на развод и увезла Джулиана в Нью-Йорк. Она думала, что спасла его. Но их ментальная, извращенная связь с братом оказалась сильнее океана. Время и расстояние были бессильны. Джулиан рос, превращаясь в блестящего, ироничного плейбоя, тратил миллионы на машины и вечеринки, но неизменно, раз за разом, сам возвращался к брату в Сеул. Потому что искренне, глубоко любил этого неизлечимо больного человека. Он добровольно согласился играть роль шута и бездельника при грозном вице-президенте, просто чтобы быть рядом и вовремя гасить его вспышки ярости. Он гордился тем, что он — единственный, кто может подойти к Эрику в момент безумия и остаться в живых.

И именно поэтому появление Нины Варт стало для Джулиана таким ударом.

Когда он впервые понял, как она влияет на Эрика, Джулиана пробила острая, неожиданная ревность. Это было почти физически больно — осознавать, что какая-то бруклинская девчонка за несколько месяцев смогла дать Эрику ту абсолютную тишину, которую сам Джулиан пытался собрать для него по крупицам всю свою жизнь. Она стала для Эрика новым, куда более мощным артефактом. Антидотом высшей пробы.

Но Джулиан не был бы Джулианом, если бы позволил этой ревности разрушить их мир. Он быстро спрятал свою обиду за привычной маской цинизма и сарказма. Он стал просто наблюдателем. И чем больше он следил за Ниной, тем больше ловил себя на мысли, что она ему действительно нравится. Не как женщина — он никогда бы не посмел покуситься на то, что принадлежало Эрику, — а как друг. Гордая, умная, колючая, она была настоящей.

Джулиан смотрел со стороны, понимая, что теперь их трое в этой золотой, опасной клетке под названием Сеул. И он сделает всё, чтобы эта хрупкая тишина, которую они так долго искали, не взорвалась чудовищным крахом. Потому что иначе, это затопит всех.

Джулиан вальяжно потянулся в кресле, забрал со стола свои ключи от машины и звонко крутанул их на пальце, полностью переключаясь на деловой тон.

— Ну так что, кузен? — Джулиан закинул ногу на ногу, весело прищурившись. — Раз уж у нас освободилось немного эфирного времени. Какие будут указания от генералитета холдинга?

Эрик даже не шелохнулся. Он медленно опустил ручку на стол. Его взгляд — абсолютно чистый, лишенный каких-либо эмоций, глубокий и фиксирующий — остановился на лице брата. В этом взгляде уже не было личного шторма. Включился вице-президент «Мун Групп».

— Пусан, — негромко произнес Эрик. Его голос прозвучал

чал как шелест переворачиваемой страницы.

Джулиан удивленно приподнял бровь, но улыбку не убрал.

— О, морской бриз и портовые чайки. Чем я заслужил такую командировку в самый разгар июльского пекла?

— Стройка нового отеля, — ровно продолжил Эрик, и в его интонациях металл зазвенел еще отчетливее. — Один из наших американских инвесторов никак не может усвоить правила игры в Азии. Он строптив, затягивает подписание финальных траншей и думает, что здесь работают законы Нью-Йоркской биржи. Объясни ему, что он ошибается.

Джулиан понимающе усмехнулся. Задача была как раз в его стиле — мягко, с улыбкой плейбоя, но железной хваткой прижать чужака к стенке так, чтобы тот сам принес документы на подпись.

— Считай, что инвестор уже все понял и раскаялся, — Джулиан легко поднялся со своего места, поправляя лацканы безупречного пиджака. — Наведу порядок на твоём побережье, глава Мун.

Джулиан развернулся и легкой, пружинистой походкой направился к выходу из кабинета. У самой двери он на секунду замер, накинув маску бездельника обратно, и не обернувшись, бросил:

— Не скучай тут в своем леднике.

Эрик ничего не ответил. Когда тяжелая дверь закрылась, отсекая коридорный шум, он снова остался один в своей стерильной, идеальной тишине. Он посмотрел на пустой экран

телефона, лежащего на обсидиановом столе, а затем перевел взгляд на панорамное окно, за которым раскаленный июльский Сеул плавился под тяжелым, предгрозовым небом.

Партия развивалась строго по его плану, и фигуры занимали свои места на доске.

Глава 16

К вечеру влажность в Сеуле достигла критических **95%**. Тяжелые грозовые тучи налились свинцом, но дождь так и не пошел, превращая город в огромную неоновую баню. Воздух Каннама вибрировал от зноя и предвкушения ночной жизни.

Я стояла перед зеркалом, тяжело дыша. Устав от непорочности, телефон по-прежнему молчал, я решила, что мне плевать на гордость, плевать на правила игры — нужно было посмотреть в его глаза. Я безумно хотела Эрика Муна. Поэтому выбрала короткое черное шелковое платье на тонких бретельках, сверху надела длинный черный пиджак и открытые босоножки, и поймав случайное такси отправилась в цитадель ночного разврата: закрытый ночной клуб «**Nox**», принадлежащий Мун Ён Квану. О нем в социальных сетях ходили легенды, найти его не составляло труда. Попасть туда было гораздо труднее.

Сюда не шли просто так. Сюда шли, когда хотели потеряться или найти хозяина этого города.

Клуб встретил меня оглушительной волной басов, которые били прямо в грудную клетку. Интерьер поражал мрачной роскошью: стены из темного колотого камня, рассеченные багровыми и ледяными синими неоновыми линиями, огромные зеркала и отражения золотой молодежи Сеула.

Стоило мне пройти к барной стойке и попросить джин

с тоником, как рядом мгновенно нарисовался какой-то холеный тип в дорогом пиджаке. Он сразу считал, что я иностранка, и, видимо, решил выжать максимум из своего корейского образования. Окинув меня масляным взглядом и задействовав все ментальные ресурсы своего мозга, он самоуверенно выдавил из себя на английском с ужасным, ломаным акцентом:

— Ай... бай ю э дринк, бьютифул?

Я даже не успела открыть рот, чтобы послать этого лингвиста, потому что другой, слишком хорошо знакомый голос лениво ответил за меня из полумрака. Джулиан заговорил на корейском — низко, бархатно, но с такой леденящей, опасной интонацией, от которой у любого сеульца подкосились бы колени:

— # ### ### ###. ### ## (Это твое последнее угощение в жизни. За упокой).

Кан сделал медленный, неторопливый глоток виски из своего стакана, не отрывая тяжелого взгляда от парня, словно действительно прямо сейчас поминал его душу.

Тип резко побледнел, мгновенно растерял весь свой англоязычный задор и растворился в толпе так быстро, словно его и не было. В этом жесте Джулиана, в его манере держать себя, сейчас отчетливо прозвучало то, кем он являлся на самом деле — породистый хищник из семьи Мун, полноправный хозяин этого порочного глянцевого поднебесья.

Я повернулась к Кану. Он уже широко улыбался, возвра-

щая свою привычную маску беспечного плейбоя.

— Бруклин? Ты потерялась по дороге в библиотеку? — иронично приподнял он бровь.

— Ага, — я сделала глоток принесенного коктейля и повернулась к бармену: — Спасибо, вкусно.

Бармен вежливо улыбнулся и кивнул, а я снова перевела взгляд на Кана.

— Библиотекарь не отвечает на звонки, пришлось самой ехать. Ну а ты, Джулиан, ищешь... — я выразительно обвела зал взглядом, подбирая нужные слова, — свою рыбу в этом изобильном озере с чистой водой?

Джулиан утробно рассмеялся, оценив метафору.

— И как продвигается? — с улыбкой поинтересовалась я.

Ответить он не успел. В этот момент прямо возле нас из ниоткуда материализовался Чха Ын Ук. Его лицо было безупречной, непроницаемой маской. Он почтительно поклонился и произнес: — Пройдемте, Госпожа Нина. Господин Мун ждет вас.

Я залпом допила остатки джина с тоником, поставила пустой стакан на стойку и последовала за ним, коротко махнув Джулиану на прощание.

Джулиан молча смотрел, как её хрупкая фигура скрывается за тяжелой дубовой дверью в VIP-зону, окруженная плотным кольцом охраны. Теперь она была на попечении Ын Ука.

«Брат, ты полный идиот, раз вынудил её прийти сюда, — мрачно подумал Джулиан, и улыбка окончательно исчезла

с его лица. — В самое что ни на есть чистилище. Надеюсь, ты хотя бы успел развлечься в подвале до её прихода».

Но уже через секунду Джулиана начали плотным кольцом обступать длинноногие корейки со всех сторон. Он сделал глубокий глоток виски, нацепил свою фирменную, обжигающую улыбку и, повернувшись к девушкам, уверенно направился прямо в грохочущую толпу, погружаясь в тяжелые ба-сы: — Ну что, крошки... Найдем рыбку на сегодня?

В VIP-ложе царил полумрак, подсвеченный лишь багровой линией неона. Эрик сидел на черном кожаном диване, его пиджак был сброшен, рукава рубашки закатаны. Перед ним стоял бокал виски. Когда дверь закрылась, он медленно поднял голову. В его огромных, потемневших зрачках отразился её силуэт в черном шелке.

— Зачем ты пришла? — негромко спросил он. Его голос звучал хрипло, в нем звенело опасное напряжение.

Я сделала шаг вперед. Смотря прямо в его глаза, в которых сейчас бушевал шторм.

— Захотела, — тихо, но абсолютно твердо.

Одно единственное слово. *Захотела.*

В эту секунду в ложе словно изменился перепад давления. Эрик замер. Я увидела, как на его лице промелькнула вспышка чистого, триумфального осознания. Он победил. Но это была не та победа тирана, который сломал жертву и заставил её подчиниться. Это была победа мужчины, которого женщина выбрала добровольно. Я пришла сама — не

прогнувшаяся под его властью, не запуганная, а ведомая собственным чистым, первобытным желанием. Ему важно было именно это. Чтобы я хотела его так же безоглядно и искренне, как в Нью-Йорке. Не насильно. По-настоящему.

Я не стала ждать его действий. А сама сделала оставшиеся шаги, преодолевая разделяющее нас пространство, подошла вплотную, опустила сверху прямо ему на колени.

— Я звонила тебе, — прошептала она, глядя на него снизу вверх. — Ты молчал. И вот я здесь. Потому что безумно хочу тебя Эрик Мун.

Эрик издал глухой, похожий на стон вздох. Его руки скользили по моему телу, снимая пиджак и приподнимая платье.

Наша близость была отчаянной, голодной и невероятно глубокой. Это не было покорностью — это было слиянием двух штормов. Я сама вплетала пальцы в его темные волосы, сама находила его губы, отдавая и забирая ту безумную энергию, которая копилась между нами все эти дни. В багровых сполохах неона под глухой, проникающий сквозь стены ритм клуба мы занимались тем сексом, которого так не хватало эти дни. Со стонами и оргазмом, до онемения пальцев. Эрик наконец перестал дышать тяжело и судорожно — его пульс выровнялся, его демоны замолчали, уступая место чистой, осязаемой нежности, на которую он был способен только с ней.

Мы покинули «Nox» далеко за полночь, когда раскаленный Сеул наконец начал остывать под первыми каплями предгрозового дождя. Спустились по закрытой служебной лестнице и вышли через незаметный черный ход прямо на изолированную подземную парковку, где нас уже ждал тяжелый черный седан с работающим двигателем. Чха Ын Ук молча закрыл дверь и сел за руль.

Машина плавно выехала со двора клуба и понеслась по ночным, залитым неоновыми огнями улицам. Сеул в три часа ночи казался призрачным, фантастическим городом. А мы ехали в самый дорогой и престижный район столицы — Ханнам-донг, туда, где за высокими стенами и умными системами безопасности скрывались виллы и пентхаусы тех, кто управлял этой страной.

Эрик сидел рядом, крепко сжимая мою руку в своей ладони. Его пальцы больше не были ледяными — они согревали.

Машина въехала на территорию жилого комплекса. Скоростной лифт беззвучно поднял нас на верхний этаж, в двухэтажный пентхаус. Огромные панорамные окна во всю стену открывали потрясающий, захватывающий дух вид на ночную реку Ханган и мосты, светящиеся золотыми нитями в темноте. Здесь, на этой головокружительной высоте, Сеул казался крошечным и безопасным.

Я стояла у стекла, глядя на город, который когда-то отказалась принять в подарок. Эрик подошел сзади, мягко обнял меня за талию, утыкаясь носом в волосы. Здесь, в его лич-

ном пространстве, не было камер, не было шпионов, не было никого. Была только тишина, которую мы создали друг для друга.

Эту ночь я провела там, засыпая на огромной постели под размеренный шум начинающейся за окном грозы, твердо зная: я сделала свой выбор.

Глава 17

Я проснулась рано. Экран телефона, вспыхнув в полумраке спальни, показал ровно семь утра. По ощущениям, мы только-только успели уснуть — за окном едва занимался бледный, подернутый утренней дымкой рассвет.

Эрика уже не было рядом. Моя рука скользнула по пустой простыне — ткань еще сохраняла едва уловимое тепло его тела и тонкий аромат его парфюма. Конечно, роботы мало спят. Мун Ён Квану, кажется, вообще не требовался человеческий отдых; его внутренняя батарея питалась какими-то иными, куда более темными ресурсами.

По дороге в ванную я заглянула в гардеробную и замерла. На отдельной вешалке уже висела одежда, приготовленная специально для меня: тонкое шелковое белье моего размера, мягкая хлопковая футболка и легкий домашний костюм. У меня болезненно сжалось сердце — точно так же всё было у нас в Нью-Йорке. Там я часто оставалась у Эрика ночевать, и утренняя забота в виде идеально подобранной одежды казалась чем-то привычным, почти семейным.

Но в Сеуле это происходило впервые. За эти несколько месяцев он всегда сам приходил ко мне, на мою скромную территорию в Мапхо. И в этом его приходе всегда крылось какое-то важное, жизненно необходимое для меня успокоение: он хозяин жизни, но он заканчивал дела, садился в ма-

шину и ехал ко мне. Сам.

Сегодня правила изменились. Я была в его замке.

После душа я оделась — точнее, прикрыла наготу, потому что спала я абсолютно голой. Боже мой, я до сих пор не могла поверить, что мне так отчаянно, до дрожи в коленях захочется секса прошлым вечером. Когда мы встречались в Штатах, Эрик мог не появляться месяц, пропадая в бесконечных командировках по всему миру, и я переносила это спокойно, удерживая дистанцию. Но здесь, в Южной Корее, я слишком привыкла к тому, что он постоянно находится в моем поле зрения. Привыкла, что могу дотронуться до него, когда захочу, услышать его низкий голос.

Эта ситуация с его двухнедельным исчезновением и полным игнорированием показала страшную правду: я подседа на Эрика. Стала ли я зависимой? Вчерашний безумный порыв в клубе «Nox», когда я пришла к нему, был тому прямым, неопровержимым доказательством. *«Надо это проработать»*, — мысленно приказала я себе, пытаюсь включить привычный прагматизм, но внутренний голос лишь ехидно посмеивался.

Я вышла из спальни в длинный коридор из полированного темного дерева, который вел в огромную, залитую бледным солнцем гостиную. Панорамные окна во всю стену открывали сумасшедший, головокружительный вид на просыпающийся Сеул и серую ленту реки Ханган.

Эрик сидел за длинным обеденным столом. Перед ним

стоял открытый ноутбук, в котором стремительно обновлялись какие-то графики, а в руке он держал маленькую чашку с дымящимся эспрессо. Вокруг него бесшумно, словно призраки, суетилась прислуга. Женщина в строгой серой униформе и двое мужчин в перчатках двигались так тихо, что не было слышно даже шороха их шагов. Завидев меня, они одновременно склонились в глубоком, беззвучном поклоне и вежливым жестом указали на свободный стул по правую руку от хозяина дома.

— Ты умеешь выбирать вид, — негромко сказала я, опускаясь на предложенное место.

Эрик оторвался от экрана. Его темные волосы были еще влажными после душа. Он явно уже успел побывать в спортивном зале — поддерживать такую безупречную, атлетичную физическую форму с помощью одного лишь торфяного виски, сигарет и божьего слова было просто невозможно. Хотя я видела его отца по телевизору и на редких фото в интернете: судя по всему, породистая, хищная генетика семьи Мун не обошла этот дом стороной. Они все выглядели как ожившие статуи, внутри которых циркулировал жидкий азот.

— Какой вид лучше? — Эрик слегка откинулся на спинку стула, и в его глазах промелькнула едва заметная, сытая искра. Он смотрел на меня — в его домашней футболке, со все еще влажными после мытья прядями.

В этот момент передо мной так же бесшумно появилась

чашка с идеальным горячим американо.

— Спасибо, — на автомате выдохнула я женщине, которая с абсолютным бесстрашием расставляла перед моим взором тарелки с воздушными десертами и свежими ягодами.

Не выдержав его прямого, изучающего взгляда, я взяла чашку и поднялась со стула, направляясь к огромному окну. Мне нужно было физически отдалиться, чтобы вернуть способность мыслить.

— Они разные. И от обоих захватывает дух. Прямо как от тебя, — с этими словами я развернулась к Эрику лицом и сделала первый глоток кофе.

Он не сводил с меня глаз. В этих темных омутах по-прежнему было чертовски сложно что-то прочесть. Мун Ён Кван вообще не поддавался стандартному человеческому анализу — он был абсолютно непредсказуем, и это пугало и интриговало меня одновременно. Вчера я сама пришла к нему, сама захотела его, и это не имело ничего общего с нашей размеренной нью-йоркской историей. Здесь, в Сеуле, правила диктовал город, и мы оба играли на повышение ставок. Словно я в какой-то долбаной стратегии.

Я вернулась к столу, поставила чашку и прямо посмотрела на него. Пришло время для главного разговора.

— То, что ты прикрыл мои переводы в «Пак Медиа» и заблокировал контракты, — это неправильно, Эрик.

Он даже не изменился в лице. Лишь едва заметно припод-

нял бровь.

— Ммм... — сорвалось с его губ.

Красноречие никогда не было его коньком, когда дело касалось личных разборок. Он предпочитал действовать, а не объяснять.

— В Штатах тебя вообще не волновало, чем я занимаюсь, — я подалась вперед, чувствуя, как внутри закипает прежняя обида. — Я могла переводить хоть юридические документы, хоть бульварные романы. Что изменилось здесь?

Эрик медленно закрыл крышку ноутбука, транслируя полную готовность к жесткому диалогу. Его голос, когда он заговорил, был ровным, холодным и весомым, как удары метронома.

— Я хочу видеть тебя в своем доме. Я хочу видеть тебя в своей постели. Я хочу, чтобы ты спокойно сидела в этой гостиной и переводила свои архивные книги, если тебе это так нужно. В Сеуле. Но я не хочу видеть тебя в своем офисе. Я не хочу видеть твое имя в коммерческих реестрах. Тебя не будет на светских раутах, и ты никогда не переступишь порог бизнеса «Мун Групп».

Я смотрела на него, пытаясь осознать эту извращенную, эгоистичную логику. Для Эрика всё было кристально ясно. Он был акулой. В мире корейского крупного бизнеса он оставался безжалостным хищником, который стирал с лица земли конкурентов и убирал любые препятствия на своем пути. Там, на верхних этажах стеклянных небоскребов, ему бы-

ла необходима абсолютная, звенящая пустота вместо сердца. Мягкость была смертельно опасна. А я... я была его «антидотом». Его тишиной и успокоением. И этот антидот ни в коем случае не должен был смешиваться с грязной кровью его бизнеса. Он оберегал свою уязвимость, просто изолируя её от внешнего мира.

— Ты рассуждаешь как тиран, — процедила я.

— Ты преувеличиваешь, — Эрик сделал глоток из своей чашки, и его взгляд стал опасно пронизательным. — Ты ведь сама терпеть не можешь публичность, Нина. Ты даже свой аккаунт в инстаграм ведешь так, чтобы никто никогда не видел твоего лица — только книги, пейзажи и тексты. Зачем ты сейчас воюешь за право быть частью толпы, которой ты не хочешь быть?

— Дело не в толпе! Дело в том, как ты это делаешь! — моя ладонь с глухим стуком опустилась на деревянную поверхность стола. — Это жестоко. Ты не договариваешься, ты просто ломаешь всё через колено. Твои методы... И если твое присутствие в моей жизни означает, что я должна полностью отказаться от своего голоса и права выбора... что ж. Тогда мне придется собрать вещи и вернуться в Штаты. Нью-Йорк хотя бы принадлежал мне.

Стоило последнему слову сорваться с моих губ, как воздух в гостиной мгновенно заledenел. Прислуга, уловив изменение атмосферы на каком-то животном уровне, бесшумно и мгновенно испарилась из комнаты, оставив нас в абсо-

лютом одиночестве.

Эрик медленно поставил чашку на блюде. Его спина выпрямилась, а лицо окончательно превратилось в непроницаемую, пугающую маску Мун Ён Квана — человека, который вчера отдавал приказы уничтожить чужие активы. Мои слова о возвращении в Нью-Йорк он воспринял не как крик о помощи, а как прямую, открытую угрозу своей системе контроля.

Он медленно поднялся, опираясь ладонями о край стола и нависая надо мной. В его глазах больше не было ночной нежности — там застыл чистый, концентрированный свинец.

— Не угрожай мне, — произнес он, и от низкого, вибрирующего тембра его голоса у меня по спине пробежал отчетливый мороз. — Никогда не пытайся играть со мной в ультиматумы. Я — не тот человек, с кем можно вести торговлю, и уж точно не тот, от кого можно так просто уйти, погрозив чемоданом. Ты пришла сама, потому что хотела меня. Ты осталась в моей постели, потому что это твой выбор. Но если ты думаешь, что можешь использовать Нью-Йорк как рычаг давления на меня — ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни. Границы очерчены. И нарушать их я не позволю даже тебе.

Я смотрела на него, чувствуя, как сердце сжимается. Вчерашний любящий мужчина исчез, и был ли он вообще. Перед взором снова стоял монстр, который мягко, но смертельно опасно сжал пальцы на моем горле, напоминая, кому на

самом деле принадлежит этот город. И мне. Зависимость от Эрика, была опасностью. В этой стране, так точно.

Глава 18

Вчерашний вечер. Клуб «Nox»

В комнате, отрезанной от внешнего мира метрами армированного бетона и слоями профессиональной звукоизоляции, царил тяжелый, удушливый полумрак. Единственный источник света — тусклая галогеновая лампа в защитной металлической сетке — свисал на длинном проводе прямо по центру помещения. Ее грязновато-желтый луч выхватывал из темноты фигуру человека.

Он висел, едва касаясь носками лакированных туфель холодного бетонного пола. Его руки были подняты над головой и намертво привязаны к тяжелой стальной цепи, спускающейся из черного зева потолка. Мужчина периодически приходил в себя, издавая сухой, хриплый стон, а затем снова терял сознание, проваливаясь в спасительную серую бездну. Его голова бессильно падала на грудь, а из рассеченной брови на воротник некогда дорогой рубашки методично, капля за каплей, стекала густая темная кровь.

Он не мог понять, сколько часов — или дней — длится этот кошмар. Время здесь потеряло свою линейность, превратившись в вязкую субстанцию. В этом бункере не было окон, не было часов, не было смены дня и ночи. Был только один постоянный ориентир — глухая, едва уловимая вибрация, шедшая откуда-то сверху. Низкочастотные басы прони-

кали сквозь толщу потолка, заставляя вибрировать сами кости в его теле. Эта ритмичная, давящая пульсация наводила на вполне определенные мысли.

Это был клуб. Закрытый ночной клуб «Nox».

В его еще работающем, судорожно цепляющемся за остатки логики мозгу медленно выстраивалась страшная картина. Чистилище находилось прямо под танцполом, на четвертом, техническом подземном уровне, куда не вел ни один публичный лифт. И он находился в самом эпицентре этого персонального ада.

Мужчина попытался шевельнуть пальцами рук, но цепи лишь глухо звякнули, отозвавшись острой, вспыхнувшей болью в затекших, лишенных нормального кровообращения плечевых суставах. Нужно выбраться. Любой ценой. Он должен уговорить, подкупить, умолить этого психопата отпустить его. Пусть они его покалечат, пусть сломают ноги или отрежут пальцы, но он обязан остаться в живых. У него есть деньги на тайных счетах, есть связи, есть информация. В конце концов, он просто выполнял чужой заказ.

Как его угораздило попасть в эту клетку? Он ведь считал себя профессионалом. Его наняли люди из клана Чхве, чтобы найти уязвимость в безупречной империи «Мун Групп». И он нашел ее — бруклинскую переводчицу Нину Варт, которая внезапно оказалась в личном поле зрения Мун Ён Ква-на. Ему казалось, что девчонка — это слабая, мягкая часть Эрика, через которую можно аккуратно вытащить коммер-

ческие тайны, надавить, заставить пойти на уступки. Какая чудовищная, фатальная ошибка. Он зашел на территорию хищника, которого катастрофически недооценил. Или, что еще хуже, слишком сильно переоценил собственные силы.

Тяжелый гидравлический затвор двери издал короткое, шипящее «пш-ш», и створка беззвучно отъехала в сторону. В комнату вошел Мун Ён Кван.

Вместе с ним вошел его помощник — неприметный молодой человек в строгом костюме, который нес в руках чистое полотенце.

Эрик выглядел безупречно, словно только что покинул залу заседаний совета директоров. На нем был идеальный костюм-тройка. Но его движения были другими. В них не было той деловой, сдержанной элегантности, которую он демонстрировал на публике. Здесь, внизу, он двигался как первобытный хищник, который наконец вернулся в свои законные охотничьи угодья.

Эрик остановился в паре метров от висящего мужчины. Не говоря ни слова, он медленным, размеренным движением снял пиджак и передал его помощнику. Затем начал расстегивать пуговицы на манжетах своей белоснежной рубашки и аккуратно, складка за складкой, закатывать рукава.

С каждым витком ткани обнажалась его истинная сущность. На сильных, жилистых предплечьях проступили черные, резкие линии татуировок — сложные, геометрические и глубокие узоры, скрывающие под собой шрамы его жесто-

кого юношеского прошлого. Эти рисунки никогда не видели те, кто общался с вице-президентом «Мун Групп» в сияющих стеклянных офисах. Эрик снял с запястья массивные часы из белого золота и небрежно бросил их на столик у стены, где уже были разложены какие-то медицинские инструменты и тяжелые кожаные перчатки. Он взял эластичные бинты и начал наматывать на руки.

— Мы... мы можем договориться, — мужчина на цепи попытался сглотнуть вязкую, соленую от крови слюну. Он отчаянно цеплялся за остатки самообладания, хотя его голос заметно дрожал, срываясь на сиплый шепот. Перед ним стоял человек, о чьей скрытой жестокости в криминальном мире Сеула ходили леденящие душу легенды. Человек, который не оставлял следов.

— Конечно, — негромко ответил Эрик.

Его голос был абсолютно ровным, лишенным каких-либо эмоций. В нем не было ни злости, ни раздражения, ни садистского удовольствия. Это был голос мясника, который пришел выполнять свою привычную, рутинную работу.

— У меня есть то... что может быть вам полезно, — задыхаясь, продолжал мужчина, косясь на Эрика сквозь заплывший правый глаз. — Информация. Черные счета Чхве. Списки их агентов в правительстве. Я отдам всё. Я уеду из страны. Вы больше никогда обо мне не услышите, господин Мун...

— Конечно, — повторил Эрик, делая шаг вперед.

Это повторение было страшнее любого крика. В этом «ко-

нечно» сквозило абсолютное, глухое равнодушие к любым аргументам. Эрик не собирался договариваться. Ему не нужны были его счета или списки — его собственная служба безопасности уже владела этой информацией. Ему нужен был сам процесс очистки системы от чужеродного элемента.

Первый удар был такой силы, интенсивности и внезапности, что у пленника мгновенно перехватило дыхание. Это был короткий, точный хук в область печени. Специфический, глухой звук удара плоти о плоть на секунду перекрыл даже вибрацию клубных басов сверху. Воздух с хрипом вырвался из легких мужчины, слезы и стоны боли брызнули сами собой, пачкая лицо. Его тело судорожно дернулось, сжалось, но упасть на пол ему не давали стальные цепи, которые натянулись с резким, звенящим звуком.

Эрик не остановился. Он двигался методично, со страшной, выверенной механической точностью. Пленник для него сейчас был похож на тяжелую боксерскую грушу, на которой отрабатывали удары в пустом спортивном зале. Серия коротких, ломающих ударов по корпусу, затем хлесткий удар в челюсть, заставивший голову мужчины мотнуться в сторону. Кровь брызнула на серый бетон пола, смешиваясь с вековой пылью.

Когда мужчина в очередной раз терял сознание, обмякая на цепях как тряпичная кукла, помощник Эрика по первому знаку подходил ближе и безжалостно обливал его лицо и грудь ледяной водой из пластикового ведра. Пленник с судоро-

рожным, всхлипывающим вздохом приходил в себя, отплевываясь от холодной воды и собственной крови, только для того, чтобы снова увидеть перед собой бледное, непроницаемое лицо Мун Ён Квана.

В его еще кое-как работающем, умирающем разуме вспыхнула и бешено закрутилась воображаемая красная сирена, подавая один-единственный, финальный сигнал: *«Это конец. Это дефолт»*. И впервые в своей жизни этот человек отчетливо, со всей непреложной ясностью понимал — да. Ему отсюда не выйти. Живым он эту комнату не покинет. Его тело уже горело адским огнем, ребра были сломаны и вонзались в легкие при каждом вздохе, а перед глазами плыли серые круги.

Самое страшное заключалось в том, что прямо сейчас, пока его плоть ломалась под кулаками наследника чеболя, где-то там, наверху, в цифровом пространстве Южной Кореи, происходил процесс его полного, необратимого уничтожения. Эрик Мун не просто убивал людей — он стирал их из реальности. Специальные алгоритмы, запущенные его киберотделом, прямо в эти минуты удаляли данные об этом человеке из всех государственных систем, налоговых реестров, банковских баз и списков мобильных операторов. Его аккаунты исчезали, его телефонный номер становился недействительным, его ID-карта превращалась в кусок бесполезного пластика. Он исчезал бесследно. Его никто не будет искать, потому что юридически и фактически его больше не

существовало. Он был стерт с лица земли.

Здесь, в этом изолированном помещении под клубом, один из самых влиятельных бизнесменов страны снимал свою дорогую маску цивилизованного человека и просто был собой — психопатом с нарушенной эмпатией, который защищал свои границы единственным доступным ему способом: полным и тотальным уничтожением угрозы.

Спустя полчаса непрерывного, глухого ада тяжелая дверь бункера снова издала шипящий звук. В комнату быстрыми, бесшумными шагами вошел Чха Ын Ук. Глава службы безопасности выглядел собранным, но в его движениях чувствовалась легкая, непривычная поспешность. Он подошел к Эрику почти вплотную и тихо, так, чтобы его слова не заглушил хрип умирающего на цепи человека, произнес:

— Госпожа Нина здесь. Она только что вошла в клуб и находится у барной стойки.

Мун Ён Кван резко остановился. Его кулак замер в паре сантиметров от разбитого лица пленника. Эрик медленно обернулся к начальнику охраны.

Он только вошел в раж. Его дыхание было слегка прерывистым, но сильным. На его бледных щеках проступил лихорадочный, темный румянец, а глаза горели тем самым пугающим, первобытным огнем, который Джулиан называл «зоной шторма». На его лице играла устрашающая, хищная и сытая ухмылка человека, который только что подчинил себе чужую жизнь. Этот контраст между его безупречным стату-

сом и кровавым хаосом вокруг был абсолютным.

Услышав имя Нины, Эрик замер на несколько секунд, словно его мозг перенастраивал частоту приема сигналов. Химический состав его крови начал стремительно меняться. Имя этой бруклинской девчонки подействовало на его изнуренную, разгоряченную насилием психику как ледяной душ. Безумный огонь в зрачках начал медленно гаснуть, уступая место его привычной, расчетливой и холодной компрессии. Монстр уходил обратно вглубь, уступая место Мун Ён Ква-ну.

— Я сейчас поднимусь, — негромко произнес он, опуская руки.

Эрик повернулся и спокойным шагом подошел к глубокой раковине из нержавеющей стали, установленной в углу комнаты. Помощник тут же открыл кран, пуская струю ледяной воды. Он опустил руки под поток, методично и тщательно смывая чужую кровь и снимая эластичные бинты оставляя их в раковине. Он умыл лицо, стирая капли пота и брызги, и принял из рук помощника белоснежное махровое полотенце.

Он не бросил ни одного взгляда назад, на полуживое тело, оставшееся висеть на цепях под тусклой лампой. Для него этот объект уже перестал существовать. Система была очищена. Риск ликвидирован.

Эрик расстегнул испачканную рубашку, сбросил ее прямо на бетонный пол и взял из рук ассистента свежую, идеально

отглаженную сорочку. Быстро, точными движениями застегнув пуговицы, он вернул на запястье золотые часы, поправил воротник и накинул на плечи пиджак.

Он снова был вице-президентом крупнейшего холдинга страны. Безупречным. Холодным. Недостигаемым.

Эрик повернулся к двери, готовый подняться наверх, в грохочущий неоновый рай своего клуба. Туда, где его ждал его единственный антидот. Его тишина. Женщина, ради которой он только что стер человека из реестров этой страны, и к которой он сейчас шел, зная, что это молчание между ними наконец-то будет нарушено.

Глава 19

Сеул окончательно сдался стихии. На смену липкой жаре опять пришел сезон дождей — чангма. Небо над столицей Южной Кореи превратилось в сплошное свинцовое полотно, из которого круглыми сутками, не переставая ни на минуту, изливались потоки тяжелой, теплой воды.

Город поменял свой цвет. Яркий, глянцевоый неон Каннама теперь расплывался в грязных лужах на асфальте багровыми и синими кляксами. Район Мапхо, где находилась моя небольшая квартира, казался серым и призрачным. Шум дождя проникал сквозь закрытые пластиковые окна, становясь постоянным, монотонным фоном моей жизни.

После того утреннего разговора в пентхаусе между нами установилось странное, звенящее перемирие. Я вернулась на свою территорию. Мне жизненно необходимо было дышать воздухом, который не принадлежал холдингу «Мун Групп». Эрик не стал меня удерживать в своем стеклянном замке, но правила игры изменились окончательно.

Теперь он приходил сам. Почти каждую ночь тяжелый черный седан бесшумно парковался во дворе моего дома. Эрик поднимался на верхний этаж, набирал код на замке и просто входил в мое пространство. Без предупреждения, без стука. В этом не было романтики — в этом было молчаливое, непреклонное утверждение его права собственности. Он за-

ходил в спальню, сбрасывал дорогой пиджак, пахнувший озоном и табаком, и ложился рядом со мной.

Дождь за окном Мапхо монотонно барабанил по стеклу, превращая весь остальной мир в размытые серые полосы. В спальне стоял полумрак, разбавляемый лишь слабым отсветом уличных фонарей. Мы лежали на моей кровати. Эрик закинул одну руку за голову, его тяжелое, ровное дыхание успокаивало, а простыня едва прикрывала его сильное, расслабленное после секса тело. В такие минуты он казался почти обычным человеком. Почти осязаемым.

Я уперлась подбородком в его грудь, рассеянно чертя пальцем невидимые узоры на его ключице. Мысли в голове ворочались лениво, но одна из них, засевшая глубоко внутри после намеков Джулиана, никак не давала мне покоя.

— Эрик? — негромко позвала я.

— М-м? — он не открыл глаз, но его ладонь привычным, собственническим жестом опустилась мне на поясницу, слегка прижимая ближе к себе.

— Ты никогда не думал... ну, что люди могут тебя предать? Те люди, которые на тебя работают. Самые близкие.

Эрик шевельнулся. Его брови едва заметно дрогнули, и он приоткрыл один глаз, явно не понимая сути вопроса.

— Что?

Я сделала глубокий вздох, развернулась к нему всем телом и, подперев голову рукой, посмотрела прямо в его темные, непроницаемые глаза. На полном серьезе.

— Ну вот в дорамах, — упрямо продолжила я, — всегда показывают, как близкий друг, правая рука или преданный помощник в самый ответственный момент оказываются предателями. Они сливают информацию конкурентам, воруют деньги или вонзают нож в спину. Ты никогда не думал об этом? Ну, применительно к себе? Например... Чха Ын Ук.

Эрик замер. Он смотрел на меня в упор в течение нескольких долгих, звенящих секунд. Его лицо оставалось каменным. Но вдруг его губы дрогнули. Эрик явно боролся с собой, пытался удержать эту свою фирменную маску ледяного вице-президента, но не выдержал. Он тихо, утробно рассмеялся — так искренне и открыто, как не смеялся, наверное, никогда на моей памяти. Он запрокинул голову, и этот смех был полон такого искреннего снисхождения, словно я была пятилетним ребенком, спросившим, почему луна не падает на землю.

— Дорамы, Нина? Серьезно? — отсмеявшись, он повернул ко мне лицо, и в его глазах все еще плясали смешинки. — Ты пересмотрела корейских сериалов, пока сидишь за своими книгами?

— Я серьезно, Эрик! — я слегка толкнула его в плечо, чувствуя, как вспыхнули щеки. — Почему тебе смешно? Человеческий фактор существует всегда. Люди слабы. Их можно перекупить, запугать.

Эрик перехватил мою руку, легко, но крепко сжав пальцы, и потянул на себя, заставляя лечь ему на плечо. Его смех

мгновенно испарился, уступив место привычной, пугающей уверенности. В его мире того, о чем я говорила, просто не существовало.

— В моем мире не бывает предательств, — тихо, прямо мне в ухо произнес он, и от его ровного голоса у меня по коже побежали мурашки. — Предать может тот, у кого есть выбор. У моих людей выбора нет. Ын Ук работает на меня не потому, что мы друзья, и не потому, что ему нравится моя компания. Он знает, что холдинг владеет каждым его вздохом, его долгами, безопасностью его семьи и его будущим. Я плачу ему столько, сколько никто в этой стране не заплатит, и я знаю о нем то, что похоронит его в ту же секунду, как он посмотрит в сторону моих конкурентов. Это называется не верность, Нина. Это называется баланс интересов и тотальный контроль. Перестань смотреть чушь. В реальности никто не вонзает ножи в спину — все слишком хотят жить.

Он поцеловал меня в лоб, закрыл глаза и снова погрузился в свое спокойное, безмятежное забытье. А я осталась лежать на его плече, глядя в темноту потолка. Эрик был абсолютно уверен в своей системе контроля. Он знал всё про Ын Ука, про своих директоров и партнеров.

Утром, чтобы сменить обстановку я пошла в Старбаксе. За окном стеной шел дождь, разбиваясь о панорамное стекло кофейни. Огромный бумажный стакан с айс-американо уже почти опустел, когда стул напротив меня бесцеремонно

отодвинулся.

— Если ты продолжишь так пристально смотреть на этот абзац, Нина, он либо загорится, либо подаст на тебя в суд за харассмент, — раздался знакомый, насмешливый голос.

Джулиан опустил на стул, стряхивая капли воды с рукава своей дорогой куртки. Несмотря на серую погоду, от него, как всегда, веяло ароматом дорогого парфюма, беззаботностью и легким цинизмом. Он поставил перед собой чашку с каким-то невероятно сладким рафом, украшенным маршмеллоу.

— Привет, Джулиан, — я даже не подняла глаз от экрана ноутбука, хотя внутри шевельнулось привычное тепло. Его появление всегда немного разбавляло эту сеульскую серость. — Твой кузен знает, что ты тратишь рабочее время на кофе со мной?

— Мой кузен сейчас занят тем, что мысленно расчленяет совет директоров на заседании, так что у нас есть как минимум два часа до того, как его радары зафиксируют мое опасное сближение с его антидотом, — Джулиан откинулся на спинку стула, подперев подбородок ладонью, и внимательно посмотрел на меня. Его взгляд, скрытый за шутливой улыбкой, был неестественно пронизательным. — Ты выглядишь бледной, Бруклин. Этот город начинает высасывать из тебя кровь, верно? — Дожди утомляют, — уклонилась я от прямого ответа, закрывая крышку ноутбука.

Джулиан тихо рассмеялся, но в его смехе не было прежней

легкости. Он сделал глоток кофе и перевел взгляд на залитое дождем стекло.

— Эрик не умеет по-другому, Нина. Я же говорил тебе. Для него контроль — это единственная форма существования. Если он отпустит поводок хотя бы на сантиметр, ему покажется, что мир рушится. Ты для него — зона безопасности. А свою безопасность Мун Ён Кван охраняет с помощью крупнокалиберного оружия. Так что привыкай к аквариуму. Здесь хотя бы вода чистая.

Я ничего не ответила. Джулиан знал своего брата слишком хорошо, и в его словах всегда крылась та страшная правда, которую я пыталась игнорировать. Мы проболтали еще около часа обо всяких пустяках — о новых выставках в Каннаме, о глупых корейских шоу и о том, что в Сеуле невозможно найти приличный бруклинский бейгл. Джулиан паясничал, шутил, но я видела, что он подсознательно сканирует меня, словно пытаюсь понять, насколько глубоко я увязла в этой паутине его брата.

Когда я вернулась домой, дождь немного утих, сменившись тяжелым, влажным туманом. Мой телефон, лежавший на кухонном столе, внезапно завибрировал, нарушая тишину квартиры. На экране высветился американский номер. Сердце почему-то забилось быстрее.

— Нина! Боже мой, ты вообще проверяешь почту?! — из динамика раздался громкий, восторженный и до боли знакомый голос Миа — старшая сестры моей нью-йоркской по-

други Эстер.

Этот голос мгновенно, как мощный разряд тока, выдернул меня из корейской реальности. Перед глазами сразу встали шумные улицы Манхэттена, вечно спешащие люди, крики таксистов и запах свежего кофе из пекарни на углу.

— Миа? Привет! Извини, я вся в работе, архивы занимают всё время... Что случилось? — я прижала трубку к уху, чувствуя, как на лице сама собой появляется улыбка.

— Что случилось?! Я выхожу замуж, Нина! Через три недели! В Нью-Йорке! — закричала Миа, и на заднем плане послышался одобрительный смех Эстер. — Мы устраиваем сумасшедшую свадьбу в Бруклине, прямо у моста. И если ты не прилетишь из своего загадочного Сеула, я лично найму частный самолет и притащу тебя за волосы! Эстер уже выбрала тебе платье подружки невесты, так что отказы не принимаются. Ты обязана быть здесь. Нам нужна наша Нина.

— Свадьба... — выдохнула я, опускаясь на стул.

Внутри меня в эту секунду словно открылся какой-то клапан. Нью-Йорк. Мой город. Город, где я была свободна, где никто не следил за моими контрактами, где не было чеболей, и давящего чувства собственности. Мне жизненно необходим был этот глоток воздуха. Передышка. Хотя бы на неделю.

— Да, Нина! Свадьба! Хватит чахнуть над своими древними свитками, возвращайся домой хоть на пару дней. Мы безумно скучаем. Билет я тебе вышлю на почту через

пять минут.

Когда вызов завершился, я еще долго сидела в темноте кухни, глядя на экран телефона. Решение сформировалось мгновенно. Я полечу. Мне нужно вспомнить, кто я такая без Мун Ён Квана.

Эрик пришел ближе к полуночи. На нем был строгий черный костюм без галстука, верхняя пуговица рубашки была расстегнута. Он выглядел уставшим — под глазами залегли едва заметные тени, но взгляд оставался все таким же острым и фиксирующим. Он прошел на кухню, налил себе стакан виски и остановился у стола, устремив на меня вопросительный взгляд.

— Через две недели я лечу в Нью-Йорк, — прямо сказала я, не давая ему времени перехватить инициативу. — У Миа, сестры Эстер, свадьба. Меня пригласили в качестве подружки невесты.

Эрик замер со стаканом в руке. Его лицо на мгновение превратилось в абсолютно непроницаемую маску. Я внутренне приготовилась к сопротивлению.

Но Эрик лишь медленно сделал глоток и поставил стакан на стол.

— На сколько? — негромко спросил он.

— На неделю. Мне нужно побыть с друзьями. Девичник. Танцы до утра. Ну все то, что мы американцы делаем перед тем, как отключить разум и окунуться в семейную жизнь.

рик внимательно посмотрел на меня, словно просчитывая

траекторию моего полета и все возможные риски. В его понимании Нью-Йорк не представлял угрозы. Это был его старый, знакомый загон. Там у него были свои люди, там всё было предсказуемо. Для него этот полет был лишь короткой блажью девчонки, которая устала от сеульских дождей. Поводок был достаточно длинным.

— Хорошо, — спокойно ответил он. — Ын Ук займется твоими билетами. Полетишь первым классом.

— Миа уже прислала мне билет в первый класс, — отрезала я. — Мне не нужна твоя охрана в поездке.

Эрик слегка прищурился, и в его глазах скользнула холодная искра, но он не стал спорить. Он просто подошел ближе, положил свою тяжелую, теплую ладонь мне на затылок и притянул к себе, целуя в макушку. В этом жесте было столько собственнической уверенности. Он отпускал меня легко, потому что знал: я вернусь. И я собиралась.

Глава 20

Август в Корее — это самый настоящий влажный и душный ад.

Прохлада настигала Сеул только вечером — если, конечно, этот плотный, нагретый за день воздух вообще можно было так назвать. Но, по крайней мере, в нем появлялся кислород. Можно было дышать, можно было просто жить.

В те редкие дни, когда над Мапхо не висели тяжелые тучи и не шел затяжной дождь, я отправлялась на свидание с этим городом. Пыталась с ним подружиться. Так случилось и сегодня. До умопомрачения устав от бесконечных абзацев, этимологических словарей и вычитывания смыслов, я закрыла ноутбук. Стянула рабочую одежду, достала из шкафа легкое шелковое платье в бельевом стиле, натянула кеды Vans, а сверху, на случай если станет прохладно, хотя прохладу можно встретить только в помещении, накинула объемное серое худи. Мой неизменный бруклинский стиль, который в Сеуле вызывал у прохожих легкое недоумение.

Мне нравилось бесцельно бродить по лабиринтам улиц, смотреть на местных жителей и наблюдать за Сеулом как за отдельным, очень сложным персонажем. Меня до сих пор бросало в приятную дрожь от этого дикого, невозможного соседства: когда покосившийся деревянный домик с че-

репичной крышей из прошлого века лепился к подножию зеркального, уходящего в облака живого комплекса премиум-класса. А от огромных, намотанных на старые бетонные столбы клубков черных проводов у меня натурально захватывало дух. Логистика этого хаоса оставалась для меня загадкой.

Сеул звучал для меня совсем по-другому. Не так, как Нью-Йорк. Манхэттен всегда орал в уши сиренами, грохотал подземкой и оглушал криками бродяг. Сеул же... Сеул был похож на приятную, монотонную музыку, которая сначала кажется чужой и непонятной, но постепенно проникает под кожу, убаюкивает и заставляет двигаться в своем ритме. И больше всего мне нравилось, что здесь было безопасно. Абсолютно. Настолько, что даже выходя далеко за полночь в круглосуточный магазин в одиночку, я не оглядывалась по сторонам и не сжимала в кармане ключи между пальцами. Для американки это было сродни обретению рая.

Нагулявшись по переулкам, я вернулась к своему дому и по привычке скользнула в «свой» круглосуточный магазин *SU*.

Пожилой аджосси за кассой расплылся в широкой улыбке, стоило звякнуть дверному колокольчику. Быстро рассчитав какого-то полусонного парня, он тут же направился в мою сторону. Я стояла напротив светящихся холодильников, лениво выбирая напиток. Алкоголя после тяжелого рабочего дня не хотелось совершенно, соджу бы меня просто добило.

Я остановила свой выбор на баночке сладкой виноградной газировки. Измученному переводом мозгу срочно требовался чистый сахар.

— Нина-си, ты уже кушала сегодня? — аджосси участливо заглянул мне в лицо.

Я тихонько усмехнулась про себя. О, эта потрясающая, трогательная особенность корейцев. Вместо дежурного и равнодушного западного «как дела?» они всегда спрашивают, поела ли ты. Забота, выраженная через еду.

— О да, аджосси, я отлично поужинала, — я вежливо, по всем правилам согнулась в поклоне, отдавая дань его почтенному возрасту.

Этот жест неизменно приводил дедушку в полный восторг. Он довольно закивал, а затем принялся в красках рассказывать о своем здоровье, плавно перейдя на главную новость: на днях из-за границы возвращается его единственный сын. Аджосси пожаловался, что работать одному в ночные смены становится все тяжелее, и скоро он найдет сменщика, но будет приходить поболтать со мной.

Мы вместе вышли на улицу. По ночной прохладе было приятно сидеть на простеньких синих пластиковых стульях, которые стояли прямо под хлипким навесом у крыльца. Мы лениво болтали, пока я мелкими глотками пила ледяную газировку.

— Нина-си, — аджосси хитро прищурился, оперевшись локтями о колени. — А где тот высокий парень, который си-

дел здесь с тобой в прошлый раз, когда ты пила соджу?

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как Эрик с каменным лицом пытался вписаться в интерьер этого дешевого уличного пятачка. — Работает, аджосси. Он всегда очень много работает.

— Он хорошо зарабатывает? — дедушка оживился и подался вперед. — А то, как я уже сказал, мой сын возвращается. Он очень, очень хорошо зарабатывает, у него престижная должность! Ты не смотри, что я тут за кассой стою, этот магазин — моя собственность, земля под ним — моя. Так что парень он у меня с приданым. Хочешь, я вас познакомлю, когда он прилетит? Я, знаешь ли, совсем не против невестки-иностранки. Ты хорошая девочка, Нина-си.

Я от души, громко рассмеялась, запрокинув голову.

— Вы очень добры ко мне, аджосси, правда. Но я пока совсем не собираюсь замуж. Мне всего двадцать пять, я хочу просто жить свою жизнь. Но спасибо за доверие, это большая честь.

Дедушка не обиделся, он продолжал с упоением рассказывать о достоинствах своего сына, а я просто слушала, ласково улыбаясь и не пытаясь его перебить. В его бесхитростной, слепой гордости за своего ребенка было столько тепла, что внутри меня наконец-то расслабилась какая-то тугая, вечно натянутая пружина.

На часах было уже почти 22:30, когда мой телефон в кармане худи коротко пискнул. Извещение о сообщении.

«Ты где?» — высветилось на экране. Коротко. Емко. От Эрика.

Я быстро набрала ответ: «*Возле круглосуточного у моего дома. Пью газировку с аджосси*».

Прошло ровно пятнадцать минут. Тишину спального переулка разорвал утробный, низкий и породистый рык мощного двигателя. Прямо напротив входа в магазин замер глянцево-черный Porsche 911.

Я покачала головой. Не совсем в его стиле, конечно.

Тяжелая дверь спорткара распахнулась, и из салона вышел Эрик. Сегодня на нем не было его брони — безупречного делового костюма, душившего воротничка и галстука. Простой черный спортивный костюм из дорогой плотной ткани и темная бейсболка, козырек которой был опущен так низко, что почти полностью скрывал глаза. В таком виде он казался моложе, мягче и... ближе. Словно обычный парень из Бруклина, а не наследник многомиллиардной империи.

— Еще бы чуть-чуть, и меня бы здесь сосватали, — смеюсь, сказала я, поднимаясь со стула и накидывая капюшон худи.

Я мельком оглянулась на аджосси. Тот застыл за кассовым аппаратом, вытянув шею и во все глаза всматриваясь через панорамное стекло в темный силуэт мужчины, который подошел ко мне. Дедушка явно пытался оценить масштаб конкуренции для своего заграничного сына.

— Обычное дело для этого города, — Эрик коротко

усмехнулся, и в глубине его глаз, скрытых тенью козырька, скользнула едва заметная, теплая искра.

- Слишком громко, - я кивнула на машину, - не совсем в твоём стиле.

— Поехали, — Эрик коротко усмехнулся, и в глубине его глаз, скрытых тенью козырька, скользнула едва заметная искра. — Прокачу тебя по ночному городу и покажу кое-что.

Он сделал шаг назад и плавным, собственническим движением открыл для меня низкую дверь Porsche, приглашая сесть на пассажирское сиденье.

Я скользнула в кожаное нутро спорткара. Эрик обошел машину, сел за руль, и Porsche, сорвавшись с места, мягко утянул нас вглубь ночного Сеула. Мы ехали молча. Это было то самое «молчаливое спокойствие», которое я так ценила в нём ещё на Манхэттене. Плотный неон Мапхо и сверкающие стеклянные джунгли Каннама постепенно остались позади, уступая место темноте. Дорога поползла круто вверх, закладывая виражи среди вековых деревьев. Горный воздух становился холодным и чистым.

Это был Сонбук-донг. Район, где за четырёхметровыми каменными заборами жили те, кто фактически владел этой страной. Старые деньги. Закрытые кланы.

Porsche плавно притормозил у монументальных кованых ворот. Стоило машине пересечь невидимую линию датчиков, как на подъездной дорожке и по всему периметру огромного дома один за другим вспыхнули скрытые дизай-

нерские фонари, заливая серый гранит и панорамное стекло мягким, теплым светом. Особняк казался неприступной, невероятно дорогой крепостью.

Эрик заглушил двигатель, вышел из машины и открыл мне дверь.

— Решил, что надо купить этот дом, — ровно произнес он, убирая ключи в карман спортивных брюк.

Я вышла на раскаленный за день асфальт, оглядывая это архитектурное величие. — Тебе захотелось сменить обстановку? — Расширить недвижимость. — Тебе мало? — я не выдержала и тихо засмеялась, повернувшись к нему. — Красивое место, — Эрик остался неподвижен, но взгляд его сканировал дом с чисто мужским чувством обладания. — Пошли, покажу внутри.

Я последовала за ним по каменным ступеням, кутаясь в объемное худи. — Знаешь, Эрик, в Нью-Йорке совместный просмотр дома приравнивается к расставанию. К тому, что люди больше никогда не увидятся. — Мы в Сеуле, — отрезал он, даже не обернувшись. — Ну конечно, — я шла чуть позади него, глядя на его широкую спину. — А для тебя так это вообще невероятный жест. Особенно после всего, что ты сделал.

Эрик резко остановился у стеклянных дверей и медленно смерил меня тяжелым, леденящим взглядом. Тем самым, от которого у его подчиненных подкашивались колени. Но на меня его магия чеболя не действовала. — Что?! — я с вызо-

вом вскинула подбородок. — Я слишком своенравная, даже когда меня ограничивают.

Я обошла его и первая прошла вглубь дома. Внутри было много воздуха, колоссальное пространство и огромные, от пола до потолка окна, за которыми Сеул лежал как на ладони — раскинувшийся у подножия горы стеклянный улей. Дом и правда был классный. Я понимала, что при свете дня он выглядит еще мощнее и монументальнее.

— Я не продаюсь за дома, даже если он такой, — громко сказала я в пустоту огромной гостиной, оборачиваясь к застывшему в дверях Эрику. — Но мне нравится. Метро, правда, нет рядом, да?

На его лице на долю секунды отразилось замешательство, а затем Эрик издал короткий, глухой усмешок — тот самый редкий смешок, который он до последнего пытался сдержать, но просто не смог. Моя бруклинская непосредственность снова пробила его глухую броню. — Я куплю тебе машину, — сказал он, делая шаг в мою сторону. — Я возьму одну из твоих, — парировала я, дерзко прищурившись. — Вот ту, на которой мы приехали, например. Извини, аджосси из СУ не одобрит, если его невестку будут катать на чем-то попроще. — Да, пожалуйста, — его голос стал тише, глубже.

Я перестала улыбаться. Развернулась и посмотрела Эрику прямо в глаза. Шаг. Еще один. Я двигалась к нему медленно, сокращая это дурацкое расстояние, пока полностью не лишила его личного пространства. Мои руки скользнули по

его груди вверх, лениво и плавно обвивая его шею.

— Почему ты просто не можешь сказать «извини»? — тихо, почти в самые губы спросила я, чувствуя, как его тело мгновенно напряглось под моими пальцами. — Или «я люблю тебя»... Хотя ладно, это слишком для твоего клинического случая. Ну просто: «ты мне нравишься».

Эрик ничего не ответил. Вместо этого его сильные руки жестко, собственнически обхватили мою талию, рванув меня к себе так сильно, что между нами не осталось воздуха. Я почувствовала жесткий ритм его сердца, которое, вопреки всему, рядом со мной всегда замедляло свой сумасшедший бег.

Бейсболка, натянутая на его глаза, мешала добраться до его губ. Я порывистым движением сорвала её с его головы, бросая прямо на дорогой паркет, и запустила пальцы в его густые темные волосы.

Эрик впился в мои губы с какой-то голодной, накопившейся за эти дни злостью и одновременным облегчением. Этот поцелуй не был нежным — в нем была вся его тяжелая, психопатическая натура, его потребность контролировать и властвовать, но сквозь эту лавину я отчетливо слышала его капитуляцию.

Сквозь поцелуй, обжигая мои губы своим дыханием, Эрик едва слышно прошептал:

— Твои книги будут ждать тебя здесь

Это не был вопрос «переедешь ли ты ко мне?». И это не

было предложением, от которого можно отказаться. Эрик просто озвучил констатацию факта, утверждая наше общее будущее как нечто давно решенное и не подлежащее обсуждению. Он не оставлял мне выбора. Он забивал за собой эту территорию, намертво привязывая меня к своей жизни одной-единственной фразой, брошенной в тишине спального переулка.

Глава 21

Близился мой отлет. Середина августа в Сеуле, это праздник внутри страны. Народ праздновал Кванбокчоль — День освобождения. После бесконечных недель серой, удушливой чангмы небо над столицей наконец-то очистилось, превратившись в пронзительно-синий глянец, а солнце жарило так, словно пыталось за один день высушить весь промокший Каннам. Словно небо, тоже было радо освобождению.

В этот день Сеул был нарядным до крика. На каждом высотном здании, на каждом автобусе и крошечном кофейном ларьке трепетали полотнища национальных флагов.

Вся корейская элита сегодня была занята важным государственным кабуки. Сильные мира сего, включая вице-президента «Мун Групп», собрались на закрытом правительственном приеме в историческом зале отеля The Shilla. Я знала сценарий этого мероприятия до секунд: Мун Ён Кван в безупречном черном костюме-тройке будет вежливо склонять голову перед министрами, пить коллекционный чай, обсуждать новые налоговые льготы для чеболей и транслировать в объективы репортеров образ идеального патриота и опоры национальной экономики. Его демоны сегодня были надежно заперты под глухими пуговицами жилета. Там, в его поднебесной, вершились судьбы страны.

Мне в этой поднебесной места не было. И, честно говоря,

слава богу.

Оставив душный глянец небоскребов, я поехала туда, где Сеул дышал по-настоящему — на вековой рынок Кванчжан. Мне до боли в зубах захотелось нормальной, не рафинированной жизни.

Кванчжан встретил меня оглушительным, живым хаосом. Здесь стоял такой гул, словно сотни людей одновременно пытались перекричать друг друга. Воздух был плотным, горячим и насквозь пропитанным сумасшедшими запахами: шкворчащим в масле свиным жиром от знаменитых блинчиков пиндэтток, острым перечным ароматом кипящих рисовых клецок ттокпокки, соевым соусом и свежей зеленью.

Тетушки-аджуммы в ярких фартуках со своих лотков кричали, махали руками и буквально хватали проходящих туристов за рукава:

— Садись сюда, красавица! Попробуй живые осьминоги! Самый лучший суп здесь!

Толпы корейцев и иностранцев двигались по узким проходам сплошной рекой. И посреди этого гастрономического безумия, прямо у прилавка с яркой корейской уличной едой, стоял он.

Кан Джу Вон.

Человек, чье состояние исчислялось одиннадцатизначными цифрами, чувствовал себя на старом рынке как дома. Он умудрился сбежать с официального банкета, оставив кузена отдуваться за всю семью.

В руке Джулиан держал деревянную шпажку со знаменитой клубникой в прозрачной хрустящей глазури — танхулу. На нем были легкие светлые брюки и свободная рубашка, а на губах блуждала всё та же невозможная, дерзкая улыбка. С Джулианом я находила странный, но спасительный баланс. Он был циником, но в его обществе не нужно было задыхаться от контроля.

Я подошла к нему со спины и первое, что у меня вырвалось при виде этой картины:

— Привет, подружка.

Джулиан подавился клубникой, закашлялся и резко обернулся. Ослепительно улыбнувшись, он медленно, со вкусом опустил взгляд, сканируя мой наряд с ног до головы. На мне было шелковое черное мини-платье, поверх которого я накинула джинсовую оверсайз-рубашку, чтобы прикрыть плечи от палящего солнца и неодобрительных взглядов старой консервативной гвардии корейцев. В руках — плетеная сумка-мешок, а на ногах — привычные биркенштоки. Я выделялась, как инородное тело. Мой Нью-Йорк был всегда со мной.

Джулиан восхищенно присвистнул, откусывая кусок хрустящей глазури.

— Бруклин, у тебя определенно есть стиль. Эта джинсовка поверх шелка — чистый Нью-Йорк. Скажи мне, что Эрик не видел тебя в этих шлепках, иначе его инфаркт хватил бы прямо перед премьер-министром.

— У тебя тоже неплохой стиль, Джулиан, — я усмехнулась, кивая на его шпажку с клубникой. — Очень аутентично для наследника миллиардной империи. Растворяешься в народе?

— Терпеть не могу эти их патриотические обеды, — Джулиан поморщился, выбрасывая палочку в урну. — Там все так отчаянно делают вид, что любят Корею, будто им за это доплачивают. А здесь... Здесь хотя бы еда настоящая. Шампанского тут не найдешь, но как насчет ледяного пива и порции свиных ножек джокбал? Давай, Бруклин, присядем к этой крикливой женщине, пока нас не растоптали китайские туристы.

Он бесцеремонно схватил меня за локоть и потянул к узкой скамейке у одного из лотков, где аджумма уже победно улыбалась, выставляя перед нами тарелки.

Я смеялась, слушая его очередные язвительные сплетни о высшем свете, и на какую-то долю секунды мне показалось, что я снова обычная Нина Варт. Лингвист из Нью-Йорка. Свободная, веселая, не принадлежащая никому.

Я сделала глоток ледяного пива прямо из запотевшей бутылки.

— Завтра улетаю в Нью-Йорк, — сказала я, глядя, как аджумма ловко переворачивает на раскаленном диске огромный блинчик пиндэтток. — На свадьбу к сестре подруги.

Джулиан на секунду замер, а затем его брови взлетели вверх в привычном ироничном жесте.

— О, Бруклин, и ты летишь одна? Или за тобой следом отправят отдельный самолет с охраной и Чха Ын Уком в качестве личного стюарда?

Я скорчила гримасу, убирая со лба выбившуюся светлую прядь.

— Одна. И без конвоя. Я безумно соскучилась по Нью-Йорку, Джулиан. В конце концов, я провела там большую часть своей жизни. Мой дом — в Америке.

Джулиан опустил шпажку и посмотрел на меня с внезапным, не поддельным интересом. Шум рынка — крики зазывал, грохот тарелок, смех туристов — словно отошел на второй план, создавая вокруг нашей скамейки глухую стену.

— Большую часть жизни? — негромко переспросил он. — В тебе есть этот... странный, холодный европейский излом. Откуда ты?

— Из России, — спокойно ответила я, глядя на свои биркенштоки. — Я переехала в Штаты с мамой, когда мне было пять. Мать вышла замуж за американца, и мы покинули страну. А потом... потом она нашла себе нового мужа, бросила и меня, и отчима, и укатила в Европу. Кажется, она сейчас где-то во Франции. Или в Монако. Я не проверяла.

Джулиан не отрывал от меня взгляда. Насмешки в его глазах больше не было. Всё его светское пижонство слетело, обнажив лицо человека, который слишком хорошо знает, какими уродливыми могут быть семейные сценарии.

— Сколько тебе было? — тихо спросил он.

— Когда она меня оставила? Мне было восемь.

Я повернула голову и впервые увидела тень неподдельного ужаса в глазах даже Джулиана Кана. Человек, который вырос в ядовитом серпентарии чеболей, где предавали за акции и статус, был искренне выбит из колеи.

Я грустно усмехнулась.

— Даже такой циник, как ты, удивлен поступком женщины, которая бросила свою восьмилетнюю дочь с абсолютно чужим мужчиной в чужой стране?

— Да, — это всё, что смог ответить Джулиан. Его голос прозвучал непривычно глухо. Он, привыкший к словесному пинг-понгу, сейчас просто не находил слов.

— Мне повезло с отцом, не волнуйся, — я мягко улыбнулась, вспоминая теплые вечера. — С отчимом, если быть точной. Но он стал мне настоящим отцом. Он так и не простил маму. Не за то, что она бросила его, нет. За то, что она оставила меня. Он любил меня, воспитывал и заботился как о родной. Он был прекрасным, удивительным человеком. Он умер четыре года назад. От рака. Отказался от агрессивного лечения и просто продолжал жить, дышать и улыбаться до самого последнего дня. Мы были с ним счастливы. Были настоящей, цельной семьей. Он гордился мной, по любому поводу. А если бы увидел мое имя, как переводчика, на книгах или в титрах к фильмам, то лопнул бы от гордости. Он был классным. Я очень его любила и люблю.

Джулиан молчал несколько секунд, переваривая услы-

шанное. А затем резко повернулся к аджумме, громко крикнул что-то на корейском и через минуту перехватил у неё дымящуюся, огненно-красную тарелку.

Он решительно пододвинул её ко мне.

— Так, Бруклин. Это надо заедать острым. Срочно. Настоящие корейцы лечат душевные травмы исключительно капсаицином.

Я посмотрела на гору рисовых клецок ттокпокки, утопающих в густом, пугающе багровом соусе из перца кочуджан, и громко, от души рассмеялась. Напряжение, копившееся во мне все эти дни в Мапхо, наконец-то отпустило.

— Ты хочешь меня убить, Джулиан? Они же огненные!

— Зато ты сразу забудешь обо всем на свете, кроме желания выжить, — он ослепительно улыбнулся, снова возвращая свою привычную маску живого, харизматичного плейбоя. — Ешь давай. Тебе нужны силы перед встречей с Бруклином. И... береги себя там, Нина. Нью-Йорк — большой город, но иногда из него очень трудно вернуться.

Я подцепила палочками одну клецку, все еще улыбаясь его напускной заботе. Я была уверена, что лечу в Америку всего на неделю. Праздновать, танцевать и пить коктейли у Бруклинского моста.

Глава 22

Когда я вернулась в Мапхо, праздничный Сеул уже погружался в сырые сумерки. Я вытащила из шкафа чемодан и принялась собирать вещи. Бруклинский неон, о котором говорил Джулиан, казался теперь осязаемым, близким — до него оставался всего один перелет.

Эрик пришел ближе к полуночи, когда половина вещей уже была уложена. На нем не было того пафосного, удушливого костюма-тройки, в котором он днем сидел на правительственном приеме перед министрами. Он сбросил маску вице-президента. Он пришел в простом черном спортивном костюме, но даже в этой домашней одежде выглядел как чертов бог — безупречный, породистый, с тяжелым, фиксирующим взглядом.

Он бесшумно прошел в гостиную, по-хозяйски расположился на диване и закинул ноги на журнальный столик, лениво наблюдая за тем, как я укладываю одежду.

— Завтра в шесть утра один из моих помощников отвезет тебя в Инчхон, — негромко произнес он, нарушая тишину квартиры.

Я аккуратно свернула любимый кардиган и искоса посмотрела на него, не удерживаясь от легкой усмешки:

— Как прошел твой раут в The Shilla, вице-президент? Сильно устал изображать идеального спасителя корейской

экономики перед премьер-министром?

Эрик даже не повел бровью, лишь слегка прикрыл глаза, демонстрируя, насколько ему скучны подобные официозы.

— Как обычно, Нина.

— А вот мы с Джулианом провели день куда веселее, — я победно улыбнулась, закрывая очередное отделение чемодана пытаясь уместить косметику. — Сбежали от твоего глянца на рынок Кванчжан. Настоящий колорит! Шум, толпа, безумные аджуммы... И мы устроили себе настоящий аттракцион на выживание — ели огненно-острые ттокпокки прямо у лотка. У меня до сих пор губы горят.

Эрик медленно открыл глаза и посмотрел на меня своим тяжелым, фиксирующим взглядом, в котором проскользнуло привычное неодобрение к любым стихийным, не просчитанным им вещам.

— Это вредно для желудка. Уличная еда такой остроты — чистый капсаицин. Ты гробишь свой организм ради сомнительного веселья.

Я не выдержала и негромко рассмеялась, выпрямляясь и качая головой:

— Эрик, от твоего занудства можно умереть гораздо раньше, чем от корейского перца. Иногда нужно просто жить, а не высчитывать риски.

В его мире не нужно было тратить время на пустые словесные споры. Мои слова пролетели мимо него, но в его темных зрачках зажглось что-то новое, опасное.

Я оставила вещи, медленно подошла к дивану и, не говоря ни слова, села сверху на его бедра. Я слишком долго боролась с этим городом, с его правилами, с ним самим. И сейчас, накануне отлета, я просто не смогла больше бороться с собой.

Эрик даже не шевельнулся, лишь его глаза потемнели, превращаясь в два бездонных провала. Когда я наклонилась и коснулась его губ своими, я почувствовала, как подтянулось его сильное тело. Ему это нравилось. Наш союз с самого начала был замешан на этом — на чистом, диком сексе без обязательств, где каждый пытался доказать свою независимость, зная, что уже проиграл.

Но сегодня секс был медленным, тягучим, пронзительно-страстным. Под монотонный стук дождя по стеклу мы растворялись в этой изнуряющей близости. Я выгибалась навстречу его горячему телу, цеплялась ногтями за его плечи и тихо, хрипло стонала, теряя связь с реальностью. Эрик перехватил мои ладони, сплетая наши пальцы, и, не прерывая движений, шептал мне прямо в губы, что ему нравится слушать мои стоны. Насмерть зацеловывая меня. Заставляя задышаться.

Полтора месяца назад. После сделки с «Green Wave Solutions».

— Тихо, Нина... Власть очень тихая...

Нина уснула без сил. А Эрик смотрел на нее тем страшным взглядом, каким осматривают свое. Каждый миллиметр ее спящего тела.

Мун Ён Кван был психопатом. Но прежде всего он был блестящим, гениальным стратегом. Он годами учился безупречно контролировать свои эмоции, дрессировать собственную агрессию и, главное, он умел ждать. Он никогда, ни на секунду не собирался отпускать Нину Варт. Вообще никогда. В его картине мира не существовало глупых романтических вопросов в духе: «будем ли мы вместе через пару лет» или «разойдутся ли наши пути». Всё уже давно было решено за неё. Он понял, что ему с ней хорошо. Она устраивала его физически, она заглушала его демонов, и он владел ею. А Мун Ён Кван никогда не отдавал то, что считал своей собственностью.

Он не допускал осечек. Никогда и ни в чем — ни на бирже, ни в зачистке крыс на подземных парковках своих клубов, ни в устранении конкурентов, ни в сексе. И сейчас, когда всё закончилось, он лежал рядом в полумраке квартиры, слушая ее выровнявшееся дыхание, и был абсолютно доволен.

Сегодня он намеренно не предохранялся. Он довел её до такого изнурения, до такого глухого экстаза, когда она просто перестала обращать на это внимание, растворившись в его руках. Они практиковали такое и раньше, но каждый раз Эрик жестко контролировал себя, вовремя останавливаясь.

Но не сегодня.

Для него это был расчетливый, холодный шаг. Без соплей, без ненужной романтики и заламывания рук. Ему плевать было на условности. Ему не нужно было бояться, одобрят ли его выбор консервативные родители-председатели, или как южнокорейское общество отреагирует на то, что его женщина — иностранка. Мун Ён Кван стоял выше этого общества. Он всё решил.

Ей будет гораздо проще находиться здесь, в Сеуле, полностью подчиненной его власти, когда у неё будет ребенок. У неё просто физически исчезнут любые мысли о побеге, ведь появится то, что свяжет их намертво, до конца дней. Стальная нить, которую невозможно перерезать.

Он просто начал приводить свой безупречный план в действие. А так как он был великим стратегом и умел ждать, в успехе своей тихой власти он был уверен на сто процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.